11-86

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ВИЗАНТИЯ И ИРАН

На рубеже VI и VII веков

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

9(S)
П32

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ВИЗАНТИЯ И ИРАН

НА РУБЕЖЕ VI и VII веков

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1946 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор:
директор Института востоковедения
академик В. В. Струве

12267

Библ[illegible] Филиала А.Н. СССР

ВВЕДЕНИЕ

История Передней Азии в период, предшествующий завоеванию ее арабами, представляет выдающийся интерес. С 80-х гг. VI в. и до первого десятилетия VII в. политическая, социальная и военная история Византии и Ирана недостаточно исследованы. На протяжении столетий никогда еще их судьбы не были так тесно переплетены в своих мирных и военных отношениях. Проникновение персидских армий осуществлялось не только на азиатские, но и на африканские территории Византии, а внедрение византийских полчищ в пределы Ирана было длительно и достигало самой столицы. Внутреннее состояние обоих государств было таково, что давало повод вмешиваться соседу.

К 602 г. относится решительное восстание византийских войск, передавшее престол солдату Фоке. Переворот был результатом брожения в армии, отдельные эпизоды которого имели место в предшествующий период, так как армия „бунтовала“ несколько раз на Иранской границе, и легионы Балканского полуострова приходили в волнение. В больших городах почва была подготовлена борьбой „цирковых партий“ — демов, своеобразным обличием социально-политической борьбы в Византии. Экономические явления этого периода говорят о возрастающей торговой мощи государства, которое ищет связей и сношений далеко за своими пределами. Смена Маврикия Фокой, а Фоки Ираклием развертывается, как борьба различных социальных сил империи. Крупные землевладельческие слои восторжествовали с Ираклием. Военные круги, мелкие служилые и военные люди выдвинули Фоку, который не сумел, однако, поддержать эти слои и ослабил свое положение, не преследуя политических интересов этих круго[illegible]

Представители крупного сенатского землевладения одержали верх и на этот раз.

Несостоятельность строя персидского государства, упадок сасанидской монархии давали себя знать во 2-й половине VI в. Через полстолетие после маздакитского движения, Хормизд, отец Хосроя II, был вынужден вновь пойти на уступки средним землевладельческим слоям и пытался найти опору в несторианском населении своей державы. Бахрам Чобин совершил не только династийный переворот, сместив сасанидского наследника, но действовал как представитель военной группировки в Иране. Внутренние политические силы государства в своей борьбе искали и находили поддержку за рубежом. Император Маврикий помог Хосрою II вернуть себе престол от захватчика Бахрама, а Хосрой выступил мстителем за Маврикия против Фоки. Эти фиктивные причины, принявшие характер „идеологических" причин, на самом деле прикрывали игру крупных политических интересов, решавших вопрос о скипетрах и державах. Экспансия Хосроя II была лишь попыткой задержать полный развал Ирана; его завоевания временно дали новый прилив средств высшим и средним слоям общества. Но силы персидского государства были истощены, и это в полной мере сказалось как при наступлении византийских армий Ираклия, так еще в большей степени при мощном натиске арабов. Часть своих территорий Византия удержала и на азиатском материке. Иран целиком стал добычей мусульманских полчищ. Клубок, в который свились отношения между Ираном и Византией, был разрублен арабами — третьей силой, ставшей с 30-х годов VII в. доминирующей во всей Передней Азии. И в Византии и в Иране в VI в. во главе государства стояли крупные политические деятели. Хосрой I мог соперничать с Юстинианом I; оба были яркими, сильными личностями, оба были склонны к деспотизму. Каждый в своем государстве, они создали эпоху, своеобразно окрасив весь этот век своей деятельностью.

Эпоха Юстиниана имеет большое количество источников, притом источников разнообразных, — законодательных и нарративных, которые дали возможность охарактеризовать ее исчерпывающим образом и с разных точек зрения. Начиная с современника Юстиниана, блестящего Прокопия, и до наших дней, этот период превосходно освещен историками. Прекрасно

разработанные монографии Diehl, Holms, главы в общих трудах Bury, Ф. И. Успенского, А. А. Васильева дают исчерпывающую характеристику этой эпохи, не говоря о специальных работах, посвященных ее законодательству, архитектуре и искусству. Большое значение имеет длительность царствования Юстиниана, но оно значительно и по существу. Характеристика может быть дана ему и отрицательная, но это характеристика событий как в области внешней политики, так и в области законодательства. Время Юстиниана является превосходным образцом для изучения, дающим материал для штудий в высшей школе.

Другой выдающейся фигурой византийской империи, в ближайший к Юстиниану хронологический отрезок, является император Ираклий. Блестящий полководец, герой, он вторгается в самое сердце Ирана и победоносно возвращается в столицу. Со всех сторон теснимый варварами, он выводит свой корабль из опасности так же смело, как смело сумел захватить престол. Новое устройство Византии, введение фемного управления, допускавшего известное деление и дробление государства, знаменовавшего усиление феодализирующих процессов, было создано правительством Ираклия.

Между этими двумя выдающимися государственными деятелями словно затерялись Юстин II, Тиверий, Маврикий и Фока. Между тем необходимо углубиться в этот переходный период, который подводит итоги политики Юстиниана и подготовляет реформы Ираклия, период, полный внешних событий, обостренной классовой борьбы, восстаний в войсках и смены династий.

Почти аналогично положение Ирана, где выдающееся царствование Хосроя I имеет наибольшее количество источников и лучше всего разработано. После его смерти и в Иране наступает переходный период, в течение которого сменяется ряд монархов. Хосрой II не имеет такой тщательной характеристики даже в капитальном труде Христенсена, который справедливо назвал его время „последним великим царствованием" династии сасанидов.

В монографии „Месопотамия на рубеже V и VI вв.", на основании сирийской хроники Иешу Стилита, мною была дана характеристика социальной и экономической жизни этой пограничной византийской провинции. Сравнительный анализ

сирийской и греческой терминологии, данных законодательных материалов и хроник дал возможность определить основные черты общественной жизни Византии этого периода. Дипломатические сношения и война между сасанидским Ираном и Византией были рассмотрены во второй части этой монографии.

Мой труд „Сирийские источники по истории народов СССР“ построен на сравнительном изучении сирийских памятников и их сопоставлений с данными других исторических свидетельств. Это исследование привело меня к новым выводам относительно истории тех „варварских“ народов и прежде всего славян, которые находились на границах Византии и Ирана в VI в. и были предками народов, населяющих СССР.

Настоящее исследование по истории Византии и Ирана на рубеже VI и VII вв. завершает цикл этих трудов, в центре которых встала по-новому для исторической науки проблема — Византия и Иран.

ИСТОЧНИКИ

Одной из причин того, что история Передней Азии, в период непосредственно предшествующий арабскому завоеванию, слабо разработана, является разноязычность источников, необходимых исследователю для того, чтобы создать законченную и, по возможности, полную картину этого периода. Из разнообразных источников три группы представлены памятниками, имеющими наибольшее значение. Таковы труды на греческом, сирийском и арабском языках.

На греческом сохранились исторические сочинения, часть которых написана современниками или людьми, принадлежавшими к ближайшему поколению.

Из сирийских источников значение имеют не только современные, но и относящиеся к более позднему времени хроники, содержащие материалы из утерянных и не сохранившихся памятников. Арабские писатели имеют значение как сохранившие в переводе традиции сасанидских летописей, подлинники которых утеряны.

Помимо того в отдельных случаях приходится прибегать к грузинским и армянским материалам, к свидетельствам латинских писателей и даже к сохранившимся в славянском изводе житиям, охарактеризованным в тексте.

ГРЕЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Феофилакт Симокатта

Одним из главнейших источников по истории Передней Азии конца VI и начала VII в. является сочинение „Ἱστορίαι“ Феофилакта Симокатты. Сведениями о Симокатте мы располагаем немногочисленными. В „Библиотеке“ Фотий сообщает о нем, что он был родом из Египта τῷ γένει Αἰγύπτιος, жил

в царствование императоров Маврикия и Фоки.[1] Из-под его пера, кроме этого исторического сочинения, вышла книга естественно-научного характера — „Quaestiones physicae“ и собрание писем.

В своей „Истории“, однако, Феофилакт развернулся наиболее полно. Он проявил ярко выраженный интерес к Востоку, и можно с уверенностью говорить, что в известной мере ему были знакомы персидский и сирийский языки. Он, несомненно, пользовался письменными источниками, но не пренебрегал и устными. Так, он знал некоего „священствующего мужа вавилонянина — „ἀνδρὸς βαβυλονίου ἱερομνήμονος“, иначе говоря, перса-христианина, который был клириком. От него он получил сведения о царских историях περὶ τὰς βασιλικὰς διφθέρας, собственно об анналах персидских царей, которые смог ему сообщить этот перс.[2] Из письменных источников Феофилакта можно указать на упоминаемого им Менандра, о котором он отзывается с похвалой.[3] Он читал также Иоанна Лидийца, на которого ссылается.[4]

На основании самого труда Феофилакта, его следует охарактеризовать как человека, прошедшего школу, чрезвычайно ценившего античную греческую литературу и охотно подражавшего, правда недостаточно успешно, ее образцам. Возможно, что он учился в Афинах.[5] Жил он при императоре Ираклии, личные качества которого он ценил и ориентацию которого разделял. Он ставил его особенно высоко за победу над „Кентавром“ Фокой, сторонником которого он никогда не был.

Увлечение Феофилакта стилистикой привело к плачевным результатам. Его манера выражаться чрезвычайно цветиста; язык уснащен множеством слов, которые усложняют самый смысл предложения. Риторические склонности Феофилакта сказались в его предисловии к „Истории“, составленном в виде диалога между философией и историей. И на всем

[1] Simocatta, III, 18, 6, p. 147. Цитируется по изданию Theophylacti Symocattae, Historia edidit Carolus de Boor. Lipsiae, 1887.
[2] Ibid., I, 2, 5, p. 45.
[3] Simocatta, I, 2, 5, p. 45.
[4] Ibid., VII, 16, 12, p. 275.
[5] N. Jorga. Médaillons d'histoire littéraire byzantine. Byzantion, II, (1925), 1926, pp. 245—248.

протяжении своей книги он остается верен риторическим оборотам речи, витиеватым и условным выражениям.

О начитанности Симокатты свидетельствуют его заимствования и цитаты из античных писателей. Даже их язык оказал на него влияние. Он позаимствовал лексику Гомера, Еврипида, Фукидида и Платона,[1] внедрив в свою витиеватую речь архаичные и редко встречающиеся слова из сокровищницы древнегреческого языка. Помимо того он ввел в употребление множество слов, которые были созданы только его богатой фантазией.[2] Он цитирует как Илиаду, так и Одиссею, приводит выписки из „Аяксов“ Софокла. Херверден собрал образцы его метафор, которыми он уснастил свою речь, и указал на смешную сторону его риторики, в увлечении которой он повторяет на разные лады одно и то же слово или выражение.[3] Из особенностей его речи может быть отмечено употребление глаголов в среднем залоге вместо активного и обратно; нередко единственное число среднего рода он соединяет с глаголом во множественном числе и т. д.[4] Но в общем он остается верен школьной грамматике.

Еще Крумбахер ставил Феофилакту в вину, что он в сущности не знал непосредственно ни лиц, ни мест, ни обстоятельств. По его мнению, у Феофилакта отсутствуют политические, военные и географические познания.[5] Последующие исследователи „Истории“ Феофилакта в значительной степени смягчили этот суровый приговор; его осведомленность не вызывает сомнений.

Тот факт, что сочинение Симокатты сохранилось до нашего времени, говорит о том, что его труды ценили в византийский период, может быть, увлекались его языком, самой манерой писать, при которой он все смешивал воедино: гомеровские цитаты, выдуманные слова, старый запас слов, заимствованный у античных писателей. Он поддержал этот вкус к изыс-

[1] H. Herwerden. Varia ad varios. Ad Theophylacti Simocattae historias (ed. de Boor, 1887, ap. Teubnerum). Mnemosyne, Lipsiae, 1889, pp. 27—28.
[2] Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur, 2 Aufl., München, 1897, p. 250.
[3] H. Herwerden, Varia ad varios, pp. 26—27.
[4] H. Herwerden, Ibid., pp. 29—30.
[5] Krumbacher, pp. 248—249.

канности и к чистоте в сущности искусственного литературного языка.[1]

Симокатта лишен всякого клерикального налета; это его качество особенно привлекательно на фоне других византийских писателей. Он не лишен известного легковерия, предрассудков и верит фантастическим выдумкам, хотя он, несомненно, передовой человек своего времени.

Феофилакт был родом из Египта и состоял в родственных отношениях с префектом этой провинции, Петром. Он осведомлен в восточных делах, несколько знаком с персидским и сирийским языками, толкует даже отдельные турецкие слова.

При составлении своего труда Феофилакт собрал несколько подлинных персидских писем, из которых одно приводится и Евагрием, так что их можно сравнить.

Феофилакт пользовался частью консульскими анналами, протоколами дел цирка. Интересна приводимая им беседа Юстина II с Тиверием.

Начиная с Гиббона, Феофилакта часто обвиняют в том, что он дает множество несущественных подробностей, что детали, в которые он входит, не имеют значения. С таким мнением можно, однако, не согласиться. Многие из приводимых им подробностей, отдельные, часто случайные, замечания позволяют воспроизвести колорит того времени; именно эти подробности содержат драгоценные данные о сасанидском Иране. В этом отношении греческие источники недостаточно оценены и мало использованы для истории Ирана этого периода; таковы, например, термины, звания, чины, которые Феофилакт приводит в греческой транскрипции и которым он дает объяснения. Интерес представляет его характеристика Хосроя II, данная между строк; фигуры отдельных византийских военачальников, их отношения между собою, с войском, с императором Маврикием. Эти подробности вскрываются при тщательной проработке текста, чтение которого представляется, однако, не всегда простым. Осведомленность Симокатты заслуживает всяческого доверия; в изложении событий он сохраняет объективность, бесстрастность; ошибки, допускаемые им, случайны, не тенденциозны.

---

[1] N. Jorga. Médaillons, pp. 245—246.

„История“ Симокатты охватывает период с 583 г., 2-го года правления императора Маврикия, по весну 603 г., причем с 593 по 597 г. у него имеется лакуна. Почему в его труде пропущена история этих лет, сказать трудно: до настоящего времени этот вопрос не выяснен. Достоверность данных Симокаттой географических пунктов, их отдаленности друг от друга, передвижения по ним войск вызывает мало сомнений. Правда, не вполне ясно — следует ли это достоинство приписать самому автору или источнику, использованному им. Но и в этом последнем случае Симокатта заслуживает внимания, так как он хорошо выбрал свой источник.

Другой вопрос, к которому исследователи проявляли неослабный интерес, — это хронология Феофилакта. Писали об этом Гутшмид[1] и Бюри.[2]

В настоящее время тщательными разысканиями в этой области занялся Хиггинс, который дал к тому же новые поправки к исчислению иранского года, когда-то разработанному Гутшмидом. Он подробно останавливается на тех несоответствиях, которые сохранял иранский календарь в своем клерикальном и гражданском видах. В зависимости от того, что эпагомены персы внедряли в конце года, восстанавливалась необходимая правильность их гражданского года, в клерикальный год эти вставки производились редко: раз в 124 или 128 лет путем внедрения целого месяца. Тогда клерикальный и гражданский годы совпадали.[3] Принимая во внимание эти особенности иранской хронологии в период 80—90-х гг. VI в., Хиггинс сделал проверку хронологических указаний Феофилакта и подтвердил правильность подавляющего большинства его дат, уточнил их, в зависимости от уточнения иранского календаря. Он приложил к своей диссертации хронологическую таблицу событий персидской войны, которую он оправдал в предшествующих главах своего небольшого, но детального исследо-

---

[1] A. Gutschmid. Über das iranische Jahr. Berichte über die Verhandlungen der sächs. Gesellschaft d. Wissenschaften zu Leipzig, 1862, ph.-hist. Kl., 14, pp. 1—6. — Tagizadeh. Zur Chronologie der Sassaniden. Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch., 1937, B. 92, H. 3, pp. 673—679.

[2] Bury. The chronology of Theophylactos Simocatta. The English Historical Review, v. III, 1888, pp. 310—315.

[3] Higgins. The persian war of the emperor Maurice. Washington, 1939, p. 13.

вания.[1] Он привлек много источников, которые дали ему возможность установить эти даты и выяснить, какие именно приводимые Феофилактом Симокаттой даты могли отвечать иранскому календарю. Он пересмотрел работу Бюри и дал несомненные и основательные выводы.

Симокатта, или его источник, представляет себе достаточно отчетливо места военных действий византийских и персидских войск. В дальнейшем, при изложении событий этой длительной войны, придется касаться этого вопроса и, соответственно, останавливаться на деталях.

Вопрос о составе истории Феофилакта Симокатты, об его источниках является центральным и важнейшим вопросом, без которого нельзя притти к выводу относительно ценности сообщаемых им данных.

Сам автор относительно своих источников дает скупые сведения. Он упоминает Менандра, Иоанна Лидийца. Анализ „Церковной истории" Евагрия в той части, которая касается гражданской истории, обнаруживает общие сведения с Феофилактом. Евагрий закончил свой труд в 12-м году правления Маврикия, как он сам об этом сообщает;[2] следовательно, он писал раньше Феофилакта. У Евагрия имеются сообщения, сближающие его с Феофилактом; следует предположить, что они оба исходят из общего источника.

Сравнение сведений Феофилакта в кн. III, 9 и 10 с сохранившимися фрагментами из Иоанна Епифанийского приводит к выводу, что Феофилакт пользовался Иоанном Епифанийским в качестве источника, но, как справедливо указывает Адамек, давал самостоятельную трактовку той же темы.[3] В отдельных случаях у Феофилакта встречаются словесные совпадения с Иоанном Епифанийским, сочинение которого принадлежит к числу не дошедших до нас. Его труд охватывал период с 572 по 592—593 гг. Евагрий говорит о нем, что Ἰωάννης Ἐπιφανεύς был его современником и происходил из того же города, что и он — ἐμῷ τε πολίτη καὶ συγγενεῖ. Известно из других источников, что Иоанн был из Епифании,

[1] Ibid., pp. 72—73.

[2] Euagrius. Historia ecclesiastica, 6, 24. Ed. Bidez and Parmantier. London, 1898.

[3] Adamek. Beiträge zur Geschichte des byzantinischen Kaisers Mauricius (582—602), II, Graz, 1891, p. 7.

что находится в Сирии. Далее Евагрий говорит, что он писал до времени Хосроя младшего, его бегства к ромеям и восстановления на престоле. Ἰωάννης... καθ' εἰρμὸν ἱστόρηται μέχρι τῆς Χοσρόου τοῦ νέου πρὸς Ῥωμαίους φυγῆς καὶ τῆς εἰς τὴν αὐτοῦ βασιλείαν ἀποκαταστάσεως.[1] Крумбахер находит выражение καθ' εἰρμόν неопределенным, понимая под ним присоединение или непосредственное следование истории Иоанна за Агафием, о котором Евагрий говорит в предшествующей части этого предложения.

Фрагменты книги Иоанна Епифанийского имеются в Ватиканском кодексе 1056 г., где после сочинения Феофилакта Симокатты „De quaestionibus physicis", Константина Порфирогенита о фемах, Прокопия о постройках и других трудов имеется заголовок сочинения Иоанна Епифанийского и несколько отрывков из него:[2] Ἰωάννου σχολαστικοῦ καὶ ἀπὸ ἐπάρχων Ἐπιφανέως, περὶ τῆς τοῦ νέου Χοσρόου προσχωρήσεως πρὸς Μαυρίκιου, τὸν Ῥωμαίων αὐτοκράτορα, ἱστοριῶν τόμος ἀ.

Далее следует краткое, просто и ясно написанное предисловие, из которого можно извлечь следующее. Войны между ромеями и персами при императоре Юстиниане были описаны Агафием и Прокопием Кесарийским. Он же, со своей стороны, опишет бегство персидского царя, помощь, оказанную ему императором Маврикием, и военные действия между Византией и Ираном. Иоанн Епифанийский говорит, что имел возможность встречаться с самим Хосроем II и с другими высокопоставленными персами сначала в качестве советника Григория, епископа Антиохийского, καὶ γάρ με συμβεβηκε πρότερον μέν Γρηγορίῳ τῷ τῆς Ἀντιοχέων πόλεως ἀρχιερεῖ σύμβουλον ὄντα, ἅμα αὐτῷ τὴν πρὸς ἐκείνους ὁμιλίαν πολλάκις ποιήσασθαι.[3] Впоследствии, после окончания войны, он сам побывал „в земле персов" вместе с Григорием, посланным туда для заключения мира.[4]

Таким образом, в лице Иоанна Епифанийского имеется автор весьма осведомленный, современник и живой свидетель описываемых им событий. Ему показалось нужным коснуться предшествующего периода, особенно событий времени отца

[1] Euagriris. Hist. eccl., 6, 24.

[2] Muller. Fragmenta historicorum graecorum. 4. Parisiis, 1851, p. 272

[3] Ibid., p. 273.

[4] Ibid., p. 273.

Хосроя II, Хормизда.[1] Следующие за предисловием фрагменты, сохранившиеся в упомянутой рукописи, кратко сообщают о сношениях Византии с химьяритами и о посольстве к тюркам, возглавленном Земмархом при императоре Юстине (фрагмент 2-й).

Следующие фрагменты Иоанна были сопоставлены с данными Феофилакта Симокатты еще в диссертации Адамека, как на это было указано выше.[2] Крумбахер высказал предположение, которое следует считать весьма правдоподобным, что и в 4-й и 5-й книгах Симокатты сообщения о бегстве и возвращении Хосроя II позаимствованы им у Иоанна Епифанийского.[3] Этот последний был источником Евагрия, как тот сам об этом сообщает. Использовал он его в 6-й книге своей „Церковной истории", посвященной событиям государственного характера. Наконец, Иоанн Епифанийский был известен Анне Комнене, закончившей историю царствования своего брата, императора Алексея Комнена в 1148 г. Она позаимствовала из его предисловия несколько фраз, которые дословно привела в введении к своему труду.

В той части, в которой Феофилактом использован Иоанн Епифанийский, его „История" заслуживает большого доверия и дает сведения, так сказать, из первых рук. Однако от мысли восстановить Иоанна Епифанийского, на основании сравнения Феофилакта и Евагрия, приходится отказаться.[4]

Сведения Феофилакта об Иране, зная что они в значительной части могли быть позаимствованы у Иоанна, приобретают особое значение и могут считаться достоверными. В тексте Симокатты имеются следы простоты слога и выражений Иоанна, но значительная часть его труда подверглась переработке, и витиеватый, изысканный, претенциозный стиль Симокатты господствует на всем протяжении его книги. Возможно, что перс-христианин, клирик, о котором писал Феофилакт, был известен не ему лично, а Иоанну Епифанийскому, которого он излагает, хотя в силе остается и другая возможность, что это было лицо, лично известное Феофилакту. Письменные источники, как Менандр и Иоанн Лидиец, побывали, конечно, в руках самого Феофилакта, который о них упоминает.

[1] Ibid., p. 273.
[2] Adamek. Beiträge, II, pp. 7—9.
[3] Krumbacher. Geschichte, p. 245.
[4] Adamek. Beiträge, II, p. 19.

Байнес вслед за издателем Феофилакта де Боором[1] считает, что Феофилакт начинает пользоваться „Историей" Иоанна Епифанийского с 9-й главы 3-й книги, где его увлечение поразительными, необычайными событиями особенно выявляется.[2] Так, он вводит драматическое признание Юстина своей собственной несостоятельности как правителя, причем он отмечает это, как свою собственную интерполяцию (παραθήσομαι) из официального протокола.[3] Но в общем Симокатта следует своему источнику без особых отступлений, поэтому можно с большим вероятием считать, что в 15-й главе 5-й книги[4] его источник кончается, так как фраза „мир ромеи и персы выдвинули в равной мере и так действительно славно закончилась эта большая персидская война ромеев", по мнению Байнеса,[5] завершает труд Иоанна Епифанийского. Какой источник использовал Симокатта в дальнейшем, указать невозможно, но ряд несоответствий в хронологии следует отнести за счет смены источника. Последние книги Феофилакта могли быть им написаны и как современником этих событий, имевшим в своем распоряжении богатую устную традицию.

Существенно отметить, что Феофилакт, может быть, имел сведения отрицательного для Маврикия характера, но не сообщил их.

Из новейших исследователей Иорга высказал сомнение, что Феофилакт использовал Иоанна Епифанийского, так как он его не упоминает, а такие современники, как Менандр и Иоанн Лидиец, им названы. Однако Иорга никак не защищает этой своей мысли.

Помимо упомянутой выше лакуны (593—597 гг.), труд Феофилакта не вполне закончен: он не имеет заключения. После смерти Маврикия Феофилакт сообщает лишь отдель-

[1] Simocatta, 3, 9, p. 127.
[2] N. Baynes. The literary construction of the history of Theophylactus Simocatta, pp. 35, 37. Ξειτα. Hommage international à l'Université nationale de Grèce. Athènes, 1912.
[3] Simocatta, 3, 11, p. 132. — В. Е. Вальденберг. Речь Юстина II к Тиверию. Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук, 1928, стр. 120—127.
[4] Ibid., 5, 15, p. 216.
[5] N. Baynes, ibid., p. 38.

ные, недостаточно связанные факты и обрывает свою „Историю“ произвольно. Во всяком случае, он жил еще во времена императора Ираклия и, следовательно, был свидетелем событий времени Фоки.

Феофилакт Симокатта завершает плеяду византийских авторов доарабского периода. После него в течение ближайших полутора веков не появляется не только крупных историков, но и хронистов. Наиболее надежны сведения Феофана, использовавшего не дошедшие до нас источники, но сам он писал уже в VIII в., будучи современником Константина Копронима (741—775). Можно считать Симокатту ответственным за то, что он привил нежелательное направление последующим византийским писателям своим искусственным языком, своим претенциозным стилем,[1] но не следует забывать положительных черт Симокатты как историка. Его объективный рассказ, изложение событий, подробное и последовательное, несомненно является ценнейшим источником истории Передней Азии конца VI и начала VII в.

Евагрий

Евагрий родился в 536 г. в городе Епифании, в той части Сирии, которая с древнейших времен носила название Келе, или Целесирии. Город Епифания упоминается в заголовке сочинения Евагрия, и патриарх Фотий в своей „Библиотеке“ пишет, что Евагрий происходил из πόλεως δὲ Ἐπιφανοῦς τῆς κατὰ τὴν Κοίλην Συρίαν. Жизнь свою Евагрий провел, главным образом, в Антиохии, где занимался юридической деятельностью. В качестве адвоката он имел звание схоластика — σχολαστικός. Когда патриарх Григорий Антиохийский был обвинен в различных неблаговидных поступках и стал предметом насмешек в городе, он отправился в Константинополь, куда был вызван императором, чтобы оправдаться перед ним и сенатом. Поэтому ему сопутствовал Евагрий, который принял на себя его защиту, как сам об этом сообщает, — Περὶ τούτων οὖν ἐμοῦ παραδρεύοντος καὶ παρόντος γε αὐτῷ κατὰ τὴν βασιλέως γέγονε τὴν ἀπολογίαν ὑφέξων.[2]

[1] Krumbacher. Geschichte, p. 251.
[2] Euagrius. Historia ecclesiastica, 6, 7, ed. Bidez and Parmantier. London, 1898, p. 226.

При императоре Тиверии Евагрий получил звание квестора, а при императоре Маврикии — почетного префекта (ἀπο ὕπαρχος), как он сам об этом сообщил... Τιβερίου μὲν Κονσταντίνου τῇ τοῦ κυαιστιορίου περιλαβόντες Μαυρικίου δε Τιβερίου δέλτους ὑπάρχων. στειλαντος...[1]

Год его смерти точно неизвестен, умер он, вероятно, в конце VI в.[2]

Церковная история, написанная Евагрием, имеет следующий заголовок: Εὐαγρίου σχολαστικοῦ καὶ ἀπὸ ὑπαρχων τοῦ Ἐπιφανέως ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας λόγοι ἑ.

Фотий говорит совершенно точно о ней: ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία ἐν τόμοις ἓξ ἀρχὴν ποιουμένη τὸ τέλος τῆς Σωκράτους καὶ Θεοδωρήτου ἱστορίας, καὶ κατιοῦσα μέχρι τῆς βασιλείας Μαυρικίου, ἔτος δωδέκατον ἐν τῇ βασιλείᾳ διανύοντας.

Иначе говоря, Евагрий начал свою историю с того времени, когда церковные истории Сократа и Феодорита были ими прерваны. Продолжил же Евагрий свой труд до 12-го года императора Маврикия (593), как он писал об этом сам в заключительных строках книги: Ἐνταυθά μοι τὰ τῆς στωρίας πεπαύσθω Μαυρικίου Τιβερίου δωδέκατον ἔτος τὴν Ῥωμαίων βασιλείαν διακυβερνῶντος, τῶν ἑξῆς τοῖς βουλομένοις ἐκλέγειν τε καὶ γράφειν καταλιμπανομένων.[3]

„Здесь я прекращаю на 12-м году Маврикия Тиверия, правящего державой ромеев, предоставляя желающим вслед затем собирать и писать об остальном“.

Евагрия упоминает ряд других византийских историков и писателей, как, например, Никифор, автор жития Симеона младшего.[4] В начале XIV в. Никифор Каллист, составивший в 18 книгах церковную историю до 610 г., года смерти императора Фоки, широко использовал Евагрия в числе других своих источников[5] и сам указывает на это в предисловии к своему труду, упоминая имя Евагрия наряду с другими.[6]

Несмотря на то, что труд Евагрия носит название церковной истории, он дал много сведений по политической истории

[1] Ibid., 6, 27, p. 240.
[2] Krumbacher. Geschichte, p. 245.
[3] Euagrius. Historia, 6, 24, p. 240.
[4] Ibid., p. XIII.
[5] Krumbacher. Geschichte, p. 291.
[6] Nicephoros Kallistos. Historia ecclesiastica, 1, p. 35.

12267

Библиотека Института

Анонимный трактат о военном искусстве

К числу источников для истории конца VI в. и начала VII в. должен быть привлечен византийский трактат о военном искусстве, изданный в серии Köchly и Rüstow.[1] Можно предполагать, на основании целого ряда признаков, что автор трактата писал во 2-й половине VI в. О личности его ничего неизвестно, за исключением тех немногих, скупых черт, которые можно найти в самом трактате. Они создают впечатление, что автор — технически осведомленный человек; он был μεχανικός или μεχανοποιός — механик или инженер. Так, он с большими деталями описывает все особенности сооружений и оружия, о которых он говорит. Можно предполагать, что он участвовал в качестве инженера в Дунайских походах.[2] На время составления трактата указывает то, что врагами Византии являются персы и арабы.[3] Первое было возможно только до арабского завоевания, следовательно, до второй четверти VII в. О персах сообщается, что в один из городов в качестве подарка послали триста человек рабов, которые потом захватили город.[4]

В одном из параграфов трактата есть намеки на восстание „Ника".[5] Издатели трактата видят в сообщении о праздновании триумфа, во время которого пленных врагов обводили вокруг сцены театра, — намек на триумф Велизария,[6] так как именно этот триумф имел эти неповторимые особенности.

Автор мыслится издателями современником императора Юстиниана, которого он называет „наш император" — ἡμέτερος βασιλεύς.[7] Отмечу еще одно обстоятельство: аноним сообщает о некоторых технических приемах, которые он характеризует как новые, „в наше время" принятые. Стену, на которую направлены баллисты или катапульты врага, следует защищать тканью из волоса, шерсти или льна, советует аноним.

[1] Köchly und Rüstow. Griechische Kriegsschriftsteller, II, 2. Der byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft. Leipzig, 1855. (Далее цитируется Anonymus.)

[2] Anonymus, XIX, 23, p. 118.

[3] Ibid., XLI, 4, p. 188; XL, 1, p. 182.

[4] Ibid., XLI, 4, p. 188.

[5] Ibid., II, 2, p. 44.

[6] Ibid., III, 15, p. 54. — Vorbemerkungen, p. 37.

[7] Ibid., V, 4, p. 58.

Ткань привязывали к зубцам стены, чтобы она смягчала удары камней баллисты и прикрывала стоящих на стене. Если у войска наготове не было таких тканей и покрышек, то трактат рекомендует взять матрацы, которыми пользуются жители и которые, следовательно, легко достать. Эти приемы оборонительной тактики описаны в сирийских хрониках VI в., у Иешу Стилита и Захарии Ритора. При осаде Амида стены обложили матрацами, которые прикрепили цепями к зубцам. Жители Эдессы в 503 г. повесили на стены покрывала из волоса и ткани, оберегая стены от персидских стенобитных машин.[1] Невольно напрашивается мысль, что аноним знал такого рода практику, которая предшествовала теории.

На основании приведенных выше данных можно, следовательно, датировать упомянутый трактат временем Юстиниана. Специально военные и технические сведения трактата были мною привлечены в исследовании об „Обороне городов Месопотамии VI в."[2] Для общей истории Византии конца VI и начала VII в. этот трактат представляет большой интерес и благодаря своему введению. Автор трактата рассматривает военное искусство ἡ στρατηγική как основную часть всей политики, всей государственной жизни, оно есть ἥ καὶ αὐτὴ μέρος ἐστὶ κράτιστον τῆς ὅλης πολιτικῆς.[3]

Этот взгляд автора на науку о войне послужил ему поводом для того, чтобы дать введение об управлении государством вообще. Введение не имеет начала, так как рукопись трактата дефектна, но та часть, которая сохранилась, дает представление о точке зрения автора, жившего в середине VI в., на государственный строй Византии того времени. Он рассматривает все сословия и классы, имея в виду их общественную пользу, их роль в экономике византийской державы, положение, занимаемое ими в структуре государства. Взгляды автора и данная им характеристика сословий представляют большой интерес для общего определения состояния византийского общества, причем важно отметить, что характеристика эта дается современником и человеком, участвовавшим в жизни не в качестве представителя верхушки общества,

[1] Подробности см.: Н. В. Пигулевская. Оборона городов Месопотамии в VI в. Ученые записки ЛГУ, вып. 12, Л., 1941, стр. 49, 77.

[2] Там же, стр. 46—80.

[3] Anonymus, IV, I, p. 54.

а его средних слоев. Автор принадлежал, по всей вероятности, к тем специалистам-инженерам, превосходный вкус, опыт и знания которых сохранили до наших дней замечательнейшие памятники искусства того времени. Военный инженер, он и в этом своем введении проявил государственный подход к делу, и его характеристика византийской государственности представляет большой интерес. Крумбахер охарактеризовал этот трактат как выдающееся по своей самостоятельности и самобытности сочинение.[1] При всех этих качествах автор использовал книгу Секста Юлия Африкана, так называемые „Кесты", составленные при императоре Севере (217—235). Ему были знакомы и сочинения Элиана, современника Траяна и Адриана (98—138), но и эти сочинения он дополняет новыми данными; он не подчиняется своим источникам, а владеет ими. Сочетание начитанности и практических знаний, теоретических взглядов с реальными, практическими основами создает автору тот базис, который дал ему возможность развернуть весь трактат как оригинальное продуманное и обоснованное сочинение. В некоторых мнениях, высказанных анонимом, виден человек государственного кругозора, не чуждый политической экономии своего века. То, что в центре интересов анонима находились военно-технические приемы, описание оборонной и наступательной тактики, делает особенно ценным для историка его введение, в котором он излагает свои взгляды на классы и сословия Византии, так как делает он это мимоходом. Он не вносит особого задора или крайностей в свои слова, так как основной, горячий его интерес в другом. Рассматривает он сословия и классы как элементы государственной машины, в которой они принимают участие и действуют в качестве отдельных ее частей. Роль отдельных сословий, их обязанности, как они ему представляются, дают новый, свежий, не привлекавшийся до настоящего времени материал для характеристики сословного строя в Византии.

Хронограф Феофана

К числу греческих источников изучаемого периода принадлежит также Хронограф Феофана. Единственный сын богатых и знатных родителей, Феофан Исповедник родился

[1] Krumbacher. Geschichte, p. 635.

при императоре Константине Копрониме (741—775). После кратковременного брака он принял монашество и сам основал монастырь между Кизиком и впадением Риндакоса на берегах Мраморного моря. Страстный защитник иконопочитания и открытый противник императора Льва V, Феофан был сослан в тюрьму, на остров Самофракию, где и скончался после 817 г.

Хронография Феофана замечательна тем, что составлена на основании трудов, не сохранившихся, не дошедших до нас. Побудил Феофана к этой работе его друг, авва Георгий, бывший синкелом константинопольского патриарха Тарасия.[1] В предисловии Феофан сообщает, что его друг составил исторический труд „от Адама до Диоклетиана" и просил его заняться его продолжением. Феофан отказывался от этой трудной и, по его мнению, непосильной для него задачи, которую он попытался выполнить только из послушания. Он разыскал много книг, исследовал их и составил летопись „от Диоклетиана до царствования Михаила и Феофилакта, его сына".[2] Трудился над ней Феофан между 810 и 814 гг., т. е. со смерти Георгия Синкела и до времени своего заточения.

Расположил свой материал Феофан хронологически, пытаясь свести разные и, в сущности, не сводимые для него данные; отсюда многочисленные затруднения для исследователя в его датах, которые он извлекал из различных книг.[3] Для конца VI и начала VII в. Феофаном были использованы труды Иоанна Епифанийского, Феофилакта Симокатты, Георгия Писидийского и „Бревиарий" патриарха Никифора. Кроме того, у него в руках побывали консульские анналы, константинопольская городская хроника и различные списки патриархов.

Для мусульманского периода может быть отмечен источник, общий для Феофана, Михаила Сирийца и фрагментов

[1] Theophanes. Chronographia recensuit Carolus de Boor. Lipsiae, 1883, p. 3. — Pargoire. St. Theophane le chronographe et ses rapports avec St. Theodore le Studite. Византийский временник, т. 9, СПб., 1902, стр. 31—192.

[2] Ibid., p. 4.

[3] G. Ostrogorsky. Die Chronologie des Theophanes im VII und VIII Jahrhundert, Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, B. 7, 1930, pp. 1—56.—D. Tabachovitz. Sprachliche und Textkritische Sttudien zur Chronik des Theophanes Confessor. Uppsala, 1926.

одной анонимной сирийской хроники,—„сирогреческий источник," как назвал его Крумбахер.[1] Брукс в специальном исследовании пришел к выводу, что источником Феофана было сочинение палестинского мелкита, составленное им после 780 г., а Михаил Сириец использовал не дошедшую до нас историю патриарха Дионисия Тельмахрского (умер в 845 г.).[2] И мелкит-аноним и Дионисий Тельмахрский использовали, в свою очередь, несохранившееся сочинение Феофила Эдеского, маронита, умершего в 785 г. Дионисий Тельмахрский пользовался Феофилом, не упоминая о нем, так как последний был противником монофизитов.[3] В числе источников Феофила Брукс предполагает наличие сочинения Иоханана бар Самуэля, которого вскользь упоминает и патриарх Дионисий Тельмахрский.

Детального исследования требует вопрос об источнике Феофана для предшествующего, домусульманского периода, где он дает сведения о персидском государстве и сасанидском дворе в VI и VII вв. В этих сведениях Феофан обнаруживает большую близость к традициям, известным по сирийским хроникам. При всех недостатках Хронографа Феофана, нельзя не согласиться с высокой оценкой, данной ей Крумбахером, который видит в ней сочинение, составившее эпоху в византийской историографии и дающее не в пример другим хроникам богатый фактический материал.[4] Общий источник сирийских хроник и Хронографа Феофана для периода послемусульманского был намечен Бруксом. Для периода домусульманского такого источника никто не намечал, но можно предполагать его наличие по тем общим для восточных и греческих источников чертам, которые при детальном исследовании обнаруживаются. Анализируя источники сирийской хроники Иешу Стилита, я отмечала уже общие черты сирийских хроник, некоторых сведений Прокопия Кесарийского и Табари, причем предположительно указала и на общий источник Иешу Стилита и Прокопия, которым был, по всей вероятности,

[1] Krumbacher. Geschichte, p. 343.
[2] Brooks. The sources of Theophanes and the Syriae chronicles. Byzant. Zeitschrift, B. 15, 1906, pp. 578—587.
[3] Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, p. 341.
[4] Krumbacher. Geschichte, p. 344.

утерянный для нас Евстафий Епифанийский.[1] Относительно Хронографа Феофана и отмеченных общих черт его с сирийскими хрониками работа была проведена Бруксом для мусульманского периода. Перед исследователем стоит вопрос, в какой связи находятся более ранние сведения Феофана с источником мусульманского периода и была ли это хроника, охватывавшая более раннее время, или для этого домусульманского времени следует предполагать другой источник, который может быть намечен. Несомненно, в связи со всем этим стоит и материал, который мы находим у Табари. Проблема может быть разрешена, если сначала рассмотреть сирийские хроники в связи с Феофаном, а потом уже дать их общую связь с Табари.

Сравнительный анализ данных Феофилакта и Феофана привел Адамека к выводу, что, хотя Феофан и пользовался Феофилактом, но, несомненно, имел и какую-то особую традицию. Иорга утверждает, что Феофан, использовав Феофилакта, остается только при консульских фастах и единственный раз цитирует Георгия Писидийского, поэта времени императора Ираклия.

Кроме консульских фаст, по мнению Иорги, была использована Феофаном и „азиатская хроника, вероятно, сирийская",[2] которая трактовала об арабских завоеваниях. С царствования Льва, Феофан располагает каким-то подробным источником, который, по всей вероятности, представлял церковную историю, враждебную имератору Льву как иконоборцу. Но биография Льва и военная история его времени позаимствованы Феофаном из другого, положительно настроенного относительно Льва источника.[3] Во многих фактах он нарушает хронологию, не выдерживает последовательности событий. Со времени вступления династии аббасидов в распоряжении Феофана, вероятно, находилась церковная сирийская хроника. Большим личным дарованием он не обладал. Исследование источников Феофана для изучаемого периода, во всяком случае, требует большой тщательности. Сам Феофан жил при Константине Копрониме, о времени которого он пишет по своим личным воспоминаниям.

[1] Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Л., 1940, стр. 25—28.
[2] Iorga N. Médaillons d'histoire littéraire byzantine. Byzantion, II (1925), 1926, p. 248.
[3] Ibid., p. 249.

Имеется и его собственное свидетельство под 6255 годом (755 г. н. э.), что в эту суровую зиму в Константинополе он играл с 30 товарищами в снегу, спускаясь на лед моря.[1]

Пасхальная хроника

Так называемая Пасхальная хроника представляет собою краткий хронологического характера труд, в введении к которому сообщается о христианском летосчислении и специальном расчете пасхалии. Из года в год повторяющиеся указания на пасхалию и дали хронике ее название. Составлена она была в царствование императора Ираклия (610—641), а одна из рукописей указывает 20-й год правления Ираклия как дату составления хроники.[2] Много оснований полагать, что автор был клириком из кругов, близких константинопольскому патриарху Сергию,[3] имя которого он неоднократно упоминает и о котором он сообщает различные подробности.[4]

Составитель хроники использовал ряд хронологических и сводных трудов предшествующих авторов. Для изучаемого периода Пасхальная хроника представляет интерес тем, что излагает события времени Маврикия, Фоки и Ираклия подробнее, чем они изложены в предшествующих кратких хронологических заметках. Автор имел сведения из близких ему константинопольских источников, возможно, и из устной традиции. Последние 27 лет, примерно с 600 по 627 гг., автор излагает как современник и свидетель событий, что увеличивает интерес и значение этой завершительной части его труда.

Учение новокрещенца Иакова

Агиологический памятник под названием „Учение новокрещенца Иакова“ был в течение долгого времени известен лишь в славянском переводе в Четьях-Минеях.[5] Только в 1910 г. Bonwetsch опубликовал найденный греческий подлинник.[6] Житие это во многих отношениях представляет большой интерес.

[1] Theophanes. Chronographia, p. 434.
[2] Chronicon paschale, Recens. Dinndofius, v. II, Bonnae, 1832, p. 16.
[3] Krumbacher. Geschichte, p. 337.
[4] Chronicon paschale, v. I, pp. 699, 701, 714, 715.
[5] Великия Четьи-Минеи. Изд. Археогр. ком., декабря 19, столбцы М., 1907.
[6] Bonwetsch. Doctrina Jacobi nuper baptizati.

Составлено оно не позднее 2-й половины VII в. и дает живую картину византийской жизни того времени. Содержание его следующее.

Царь Ираклий „повеле везде и всюду креститеся“ иудеям. Епарх Африки Георгий приказал, чтобы к нему собрались „вси первии иудеи“, к которым он обратился с вопросом: „Раби ли есте цареви?“. На утвердительный ответ он добавил: „Повеле благый да креститеся“. Объятые страхом и отчаянием иудеи не посмели ему отвечать. Один из них, Нонн, все же решился на возражения, но разгневанный епарх бросился на него и „своима руками биашеся по лицу“. Иудеи от страха окаменели и „хотяще и не хотяще“ выполнили его приказ и крестились. Но они были „в велице скорби“ от случившегося и продолжали оставаться враждебными и чуждыми христианству.

Привожу цитаты в славянском переводе, который хорошо передает греческий подлинник. В приказе императора Ираклия сомневаться не приходится. Подобный приказ был издан и Фокою в 609 г.[1] Византийскому правительству приходилось их повторять, так как иудеи не поддавались на такого рода принудительные меры.

Один иудей,—повествует далее житие,—по имени Иаков, „законоучитель,“ прибыл из Константинополя в Африку, куда именно не сказано, но, повидимому, в Карфаген, упоминаемый в заглавии. Он привез с собою „рухло много“, которое имел намерение здесь распродать. Как иудей он был выслежен и за отказ креститься был посажен в тюрьму. Окрещенный насильно, он затем имел откровение, которое побудило его обратиться к другим крещеным иудеям и убеждать их в правде христианства. В своем обращении к собравшимся его послушать иудеям он говорит о своем участии в борьбе демов. Он примыкал то к венетам, то к прасинам, в зависимости от того, где он больше мог принести вреда. При Фоке в Константинополе он „злая творях христианом“, браня прасинов иудеями и „мамризами“ (сыны блудницы). При демархе Крукии он с прасинами учинял поджоги, приносил всякий вред венетам, обзывая их манихеями. Он был и в Антиохии, когда Боноз подверг мучениям прасинов, и принимал в этом участие,

[1] Dölger. Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der Neuen Zeit. Reihe A. Regesten von 565—1025, München, 1924, p. 17.

мотивируя для вида свою вражду к прасинам тем, что в качестве венета был привязан к церкви. Но, когда после падения Фоки, прасины стали мстить Бонозу, таскали его по улицам Константинополя, делал это и он, притом „от всего сердца".

Факты, приводимые в житии, превосходно дополняют известные из летописных источников сведения; в этом историческая их ценность. Но совершенно очевидна тенденция памятника, и напрасно исследователи, как Кулаковский, Янсенс, принимают его содержание за чистую монету и пишут о том, в каких событиях принимал участие Иаков. Совершенно очевидно, для какой цели было создано „учение новокрещенца Иакова": для того, чтобы после сурового приказа попытаться смягчить и словом убедить иудеев в правде христианства.

Что касается самого Иакова, то это, конечно, вымышленное лицо, которому навязано участие во всех восстаниях и волнениях начала VII в. Фигура его, несмотря на многие, выхваченные из современности черты, глубоко тенденциозна: под влиянием откровения меняются его отношения к христианству. Несмотря на эту нарочитость памятника, его сведения представляют большую ценность для истории Византии в изучаемый период, но пользоваться им можно, только помня о пристрастном и специфическом характере его.

„Стратегикон" Маврикия

Под именем „Стратегикона" Маврикия известен греческий трактат о военном искусстве. Предположение, что трактат этот принадлежит императору Маврикию (582—602) должно быть отклонено на основании внутреннего свидетельства памятника. Во 2-й главе 9-й книги трактат, говоря о ночных нападениях, упоминает о таком нападении хазарского кагана на ромейских всадников, совершенном им при Ираклии — ὅπερ ἐποίησεν ὁ χαγὰν τῶν Ἀβάρων εἰς τὰ περὶ Ἡράκλειαν τοῖς Ῥωμάιοις καβαλλαρίοις, μὴ ἀνασχομένοις ἐν φοσσάτῳ.[1] Такое вероломное ночное нападение имело место в 619 гг.,[2] в девятом году царствования императора Ираклия. Феофан, вероятно, имеет в виду это событие, описывая поспешное бегство Ираклия, вследствие которого вся царская ставка попала в руки

[1] Mauricii artis militaris libri duodecim, graece primus edit Joannes Schefferus. Upsaliae, 1664, p. 206.

[2] Ibid., notae, p. 473.

кагана.[1] Имеются и другие данные, которые позволяют уточнить время написания трактата, как предшествующее арабским завоеваниям. Арабы совершенно не упоминаются в качестве врагов Византии, зато их список начинается с персов, обычаи которых излагает „Стратегикон" для того, чтобы ознакомить полководца с особенностями, военными навыками и устройством неприятеля. Едва ли имя персов могло появиться в трактате после 30-х годов VII в.[2] Замечательны различия, которые отмечает трактат в обычаях тюрков и аваров. Последние по его определению трудолюбивы и способны к прогрессу (к изменениям) и имеют большой военный опыт. Тюркские племена характерны своей воинственностью, независимостью и не имеют склонности к каким-либо занятиям, т. е. они характеризуются как народ, еще находящийся на варварской ступени развития. Авары в представлении автора, хотя и ведут полукочевой образ жизни, но управляются каганом и достигли высокого уровня военного искусства.

Западными врагами империи являются франки и лангобарды, о которых даны исторически верные и живые сведения. Но наиболее подробная характеристика дана славянам и антам, которые ведут одинаковый образ жизни. Их постоянным местопребыванием являются области за Дунаем, куда рекомендуется делать походы зимой, когда легче переходить замерзшие реки, а лес стоит обнаженным. Разницы между славянами и антами трактат не делает. У этих племен нет никакого государственного устройства; они даже не выбирают себе начальников и находятся в вечных ссорах между собою.[3] Для раннего периода истории славян материал, сообщаемый этим памятником, имеет исключительную ценность. Обращает на себя внимание, например, следующий факт, не замеченный русским переводчиком, не владевшим греческим и переводившим с латинского текста, составленного Шефером. Для переправы через реки славяне и анты изготовляют своего рода пловучие мосты, καὶ γεφυρώματα κατασκεύασαι, εἰ δυνατὸν, τὰς λεγομένας πλοτὰς, называемые плотами (τὰς πλοτὰς, в именит. пад. πλοταί,

[1] Theophanes, Chronographia ed. de Boor, Lipsiae, 1883, pp. 301—302.

[2] Mauricius. Ars militaris, pp. 254—260. Русский перевод „Стратегии Маврикия" был сделан Цыбышевым с латинского, точность его оставляет желать многого; издан в 1903 г. (СПб., стр. 169—173).

[3] Mauricius. Ars militaris, pp. 272—273. Перевод Цыбышева, стр. 182.

т. е. общеславянское плоты). Таким образом, автору трактата не только было известно самое сооружение, но и славянское его название, оставшееся непонятным и издателю Шеферу.[1]

Нельзя не отметить значения указаний „Стратегикона“ на устройство персидского войска, деление его на три части, со специальными задачами для каждой. Сведения эти находятся в прямой связи с материалом, почерпнутым из опыта Прокопием Кесарийским и Феофилактом Симокаттой. Персы рассматриваются как наиболее культурные из соседей Византии, опытные в военном деле враги.

Если трактат, известный под именем „Стратегикона“ императора Маврикия, ему не принадлежит, то во всяком случае он составлен в период до завоеваний арабов; упоминание имени императора Ираклия (610—641) — другое хронологическое указание для этого памятника. Первая половина VII в. является наиболее вероятным временем его составления.

СИРИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Анонимная сирийская хроника времени сасанидов

Небольшая анонимная сирийская хроника, охватывающая события конца VI и первой половины VII в., была впервые опубликована в 1891 г. Гвиди.[2] Текст ее был им обнаружен в борджианской, теперь ватиканской рукописи Mus. Borgiano Syr., 82, которая является копией древнего кодекса библиотеки монастыря раббан Хормизда близ Моссула. В „Corpus scriptorum christianorum orientalium“ текст был переиздан[3] с латинской версией, которой предшествовал в 1893 г. немецкий перевод Нельдеке.[4]

Хроника представляет собою небольшое компилятивное сочинение, основным источником которого была более

[1] Mauricius. Ars militaris, p. 277, notae, p. 494. — Древние славяне в отрывках писателей по VII в Отрывок 46. Вестник древней истории, 1941, № 1, стр. 254.

[2] Guidi. Un nuovo testo syriaco sulla storia degli ultimi Sassanidi. Actes du 8 Congrès international des Orientalistes. Leiden, 1891.

[3] Corpus scriptorum christianorum ortientalium, Scriptores syri. Series tertia, t. IV, pp. 15—39.

[4] Nöldeke. Die von Guidi herausgegebene Chronik übersetzt und kommentiert. Sitzungsberichte der Wiener Akademie, phil. hist. Klasse. B. 128, Abt. IX, Wien, 1893, p. 1—48.

обширная сирийская летопись, повествовавшая о сасанидах и до нас не дошедшая.

Тема хроники формулирована компилятором в заглавии: это — история Ирана „от смерти Хормизда, сына Хосроева, до конца царства персидского“. Падение государства сасанидов рассматривается как следствие победоносных походов Византии и последовавшего затем нашествия „сынов Исмаила“. Написана хроника простым языком; она примитивна, малоискусна, непритязательна, но ее материал в части своей представляет записи современников событий. В том виде, в каком она дошла до нас, она составлена сирийским клириком, писавшим в 70-х или 80-х годах VII в. Об этом говорит пространное сообщение об арабах, с которыми автор знакомит читателя, как с неизвестным и лишь недавно выступившим на историческую арену народом. Подтверждает такую датировку и замечание, что „Константинополь не был еще захвачен арабами“. Подобное предположение могло быть высказано только в период, ближайший к тому времени, когда Моавия вел борьбу под стенами византийской столицы. В состав хроники вошли части или фрагменты двух источников: „клезиастике“, т. е. церковной истории, и „космостике“, т. е. светской истории. Подробный анализ этих источников и литературная характеристика даны мною в специальной статье, предпосланной сделанному мной русскому переводу хроники.[1] Всемирная летопись и светский источник компилятора были им использованы фрагментарно и в определенных хронологических рамках, намеченных им самим. В этот свой главный источник автор вплел ряд повествований, имеющих лишь второстепенное значение, — рассказы, происшествия, биографии, составлявшие занимательную часть его сочинения.

Материал, относящийся к Ирану времени последних сасанидов, имеет большую ценность благодаря безискусственной простоте и хорошей осведомленности автора „светской истории“. Второй источник анонимной хроники, „клезиастике“, вышел из клерикальных кругов сирийского населения. На основании его данных можно судить о влиянии сирийских

[1] Н. В. Пигулевская. Анонимная сирийская хроника времени сасанидов. Записки Института востоковедения, т. VII, стр. 57—63; перевод, стр. 63—78.

клириков высших чинов при сасанидском дворе. Компилятор примитивно связал оба источника между собой; он переписывал из одной книги, переходил ко второй и вновь возвращался к своему первому источнику.

В русском переводе хроники мною было дано деление на параграфы, чтобы облегчить пользование им.

Первые восемь параграфов представляют изложение политической истории Ирана при Хосрое II, причем особое внимание уделено всему, что касалось положения сирийцев в государстве. Прерванное дополнительными рассказами из второго источника, оно продолжено (с § 12) сообщениями о походах Хосроя и Ираклия, о смерти Хосроя и царствовании последних сасанидов (§§ 17 и 18).

Из второго источника компилятор переписал рассказы легендарного характера и, наряду с ними, сообщения бытовые, „простонародные", характеризующие социальные отношения эпохи. Таковы данные о восстании в Паллугте, о манихеях, о городе Мерве.

Содержание последней части хроники (§§ 25, 26, 27) выходит за хронологические рамки, поставленные составителем в заглавии. Слова „в то время, о котором мы говорили выше, покорили арабы все области персидские и ромейские...", возвращают читателя к дальнейшей истории арабского завоевания. Рассказ о покорении Хузистана и персидской обороне, во главе которой стоял Хормиздан, „мидиец", подробен и вышел из первых рук. Он не принадлежал к составу первого источника, „космостике". Судя по заглавию, этот светский источник имел другие хронологические рамки, к тому же о роли Яздегерда и его смерти было уже сообщено, и к его имени составитель возвращается вторично в связи с новым источником. В противоположность живому и подробному рассказу о продвижении арабов на восток, завоевания на западе — Ароба и Египта — только упомянуты. Уже Нельдеке был склонен считать компилятора жителем Хузистана, с чем нельзя не согласиться.

Как исторический труд анонимная хроника уступает хронике Иешу Стилита. Но часть утерянной сирийской „всемирной истории", сохраненная анонимной хроникой, делает ее ценным источником для истории Передней Азии конца VI и начала VII в.

Михаил Сириец и его хроника

Один из последних средневековых сирийских историков Михаил Сириец оставил после себя большой сводный исторический труд, значение которого для изучаемого периода велико, так как его составитель использовал несохранившиеся труды предшествующих авторов.

Михаил родился в семье клирика Ильи Киндаси в Милитене. Он получил духовное образование и в 1166 г. принял посвящение. Достигнув выдающегося положения монофизитского патриарха Востока, он оказался в центре политических отношений всей Передней Азии. Насколько сложны были эти отношения, можно судить по разнообразию правительств и государственных деятелей, с которыми он оказался связанным. Византийский император Михаил Порфирородный, заинтересованный в соглашении с монофизитами Востока, приглашал Михаила в Константинополь, от посещения которого он, однако, воздержался. В 1172 г. Михаил провел больше месяца в ставке сельджукского султана Кылыч-Арслана II, сына Месуда, встреча с которым имела большое значение. В ставке Михаил вел беседы и споры с видным мусульманским философом Кемаль-эд-Дином.

Монофизитский патриарх поддерживал связи и на сиро-палестинском побережье. Его третья поездка в Иерусалим состоялась в 1178—1179 гг., когда Балдуин IV торжественно принял его в Акке. Особенно тесные и дружественные связи поддерживали сирийские монофизиты с Арменией, где во главе церкви находился выдающийся ее деятель, католикос Нерсес Шнорхали (1166—1173). После смерти последнего отношения с Арменией у Михаила несколько ухудшились, но в декабре 1198 г., за год до своей смерти, Михаил присутствовал на торжественном короновании рубенида Левона II. 7 ноября 1199 г. 73-летний Михаил скончался.

Влиятельный представитель многочисленных на Ближнем Востоке монофизитов, Михаил был видным деятелем своего времени и умел поддерживать связи и отношения с различными политическими группами и государствами. Деятельность его как яковитского патриарха была, в сущности, деятельностью светского лица, представлявшего в смежных государствах интересы высших слоев своих единоверцев.

Из литературного наследия Михаила Сирийца особенно замечателен обширный исторический труд — хроника. Она была составлена им на сирийском языке, и в течение долгого времени оригинал считался потерянным. Но и сохранившийся армянский перевод представлял интерес и давал возможность судить о ценности труда Михаила Сирийца.[1] Опубликование Шабо полного сирийского текста хроники по рукописям из Эдессы и Зафарана (монастырь близ Мардина) было событием для востоковедов. Найден также арабский перевод хроники.

По замыслу автора она должна была состоять из синхронистических сообщений, занесенных параллельными столбцами. Первый, правый, столбец заполнен сведениями о церковных событиях; второй, средний, событиями гражданской истории и, наконец, третий, левый, столбец был отведен для различного рода случайных сообщений. Последовательно провести этот принцип во всех 21 книгах хроники не оказалось возможным. Используя свои многочисленные источники, Михаил их сокращал, извлекая из них наиболее интересное или наиболее важное с его точки зрения. Он не стремился сгладить и согласовать между собою их разноречивые данные, в большинстве случаев переписывая их без всяких изменений. Отсутствие критического отношения к источникам, как у большинства его современников, сделало его труд несовершенным. Несмотря на это, писатель второй половины XII в., он дает важные данные и по истории конца VI и начала VII в., так как он сохранил фрагменты из утерянных сочинений более древних авторов. Перечисленные в хронике Михаила источники многочисленны и, несомненно, в части своей были известны ему лишь опосредствованно. Детального исследования вопрос о его источниках не имеет. Ценный анализ предложений Хаазе (Haase) не исчерпывает вопроса и односторонне рассматривает только связь этой хроники с Иоанном Ефесским.[2] Для интересующего нас периода имеет значение такой его источник, как Дионисий Тельмахрский.

[1] В. Райт. Краткий очерк истории сирийской литературы. Под редакцией и с дополнениями проф. П. К. Коковцова. СПб., 1902, стр. 180—181.

[2] F. Haase. Untersuchungen zur Chronik des Pseudo-Dionysios von Tell-Mahrê, Oriens Christianus. B. 6, H. 2, 1916, p. 242.

Завершив в 20-й главе 10-й книги изложение событий времени Тиверия, хроника Михаила Сирийца содержит данные относительно источников, на основании которых она составлялась. Начинается заметка сообщениями об Иоанне Ефесском в следующих выражениях: „Иоанн Амидский, называемый Асийским, начиная со времени Константина написал [сочинение] в трех томах, до времени Маврикиана [Маврикия], когда сам окончил свой путь этот блаженный. Он написал жития святых, что жили в его время; из них 54 рассказа я изложил в другой моей истории. Здесь я напишу имена всех этих святых, которые суть следующие...“.[1] Жития восточных святых, о которых говорит Михаил, сохранились и изданы.[2] Имена святых, перечисленные в хронике, соответствуют именам этого сочинения Иоанна Ефесского.

Для предшествующей этой 20-й главе 10-й книги части хроники Михаила Сирийца история Иоанна Ефесского была основным источником; со времени императора Маврикия таким становится для него Дионисий Тельмахрский. Несколько последних глав 3-й части истории Иоанна Ефесского, относящихся ко времени Маврикия, использованы, однако, Михаилом в дальнейших главах. Далее в хронике Михаила Сирийца следует примечание, „схолион“, окруженное в тексте рукописи рамкой. Перевод этой заметки следующий.

„Схолион. Захария Ритор начинает свое писание (ܟܬܒܐ ܕܣܛܘܪ) со времени Феодосия и [доходит] до времени Юстина. Кир, священник Батнана, писал в Эдессе о времени Юстина до смерти Тиверия в 14 книгах. Иоанн Амидский, называемый Асийским, начал свое писание со времени Константина, который построил Константино[поль] и составил писание в трех книгах до времени Маврикия. Эти пять сочинений покойный патриарх Михаил взял и собрал в своей книге до этих пор, сообщение о событиях государственных и рассказы церковные. Соответственно плану, принятому для порядка книги, он отделил [истории] церковные и насколько мог собрал их в верхней колонне, как мы пишем, а последовательность царств в среднюю колонну, а случайное и чудесное в нижнюю

[1] Michel le Syrien. Chronique, éditée par J. B. Chabot. Texte, p. 377, trad., II, p. 356, Paris, 1901, 1910.

[2] John of Ephesus. Lives of the eastern saints, edited by Brooks, E. W., Patrologia Orientalis, t. 17, f. 1; t. 18, f. 4.

колонну. Большой труд был для него в подразделении, потому что воспоминания были написаны путанно, особенно в писаниях святого Иоанна епископа, потому что, как он указывает, по причине гонений, которые он переносил, передвижения с места на место, он описывал одно событие прежде другого события, и то, что случилось во времена предшествующего царя, оказывалось написанным во времена царя последующего. Потому что это и подобное этому смущает понимание читателей, особенно тех, которые не следуют событиям. Поэтому, насколько возможно, упорядочил, разделил и дополнил мар Михаил, особенно книги хронологий святого мар Иакова Эдесского, Иоханана монаха, прозванного Литарбским[1] и Игнатия Мелитенского. История или какая-либо глава, будучи длинной и растянутой, относительно ли событий государственных или церковных, которые патриарх написал во всю ширину листа, и мы также писали беспорядочно, лист за листом, чтобы не обрезать и не смущать этим читателя. События же, сообщенные вкратце, были разделены на колонны, по порядку книги, и разбиты на главы. Каждая глава содержит то, что обозначено в ее начале. Вследствие того, что три хрониста — Захарий Ритор, Кир Батнский и Иоанн Асийский, или епископ Ефесский — до этого времени доводят свои писания и кончают здесь писать потому, что окончился их путь и они покинули мир сей, заметку эту сделал покойный мар Михаил, чтобы показать, что им были использованы вместе с древними писателями также посредники Африкан, Евсевий и также Захарий, Кир и Иоанн, и этим была увеличена ценность его хроники".[2]

Приведенный „схолион" дает возможность установить, что в том виде, в котором он сохранился, он отредактирован каким-то другим лицом, которое называет Михаила Сирийца „покойным", лицом, которое, следовательно, еще знало его и было его современником. Редактор заметки „схолион" утверждает, что она была сделана самим патриархом Михаилом для того, чтобы указанием на свои источники „увеличить ценность" своего труда. В настоящее время невозможно указать, в какой мере заметки коснулась рука редактора, в кото-

[1] В тексте ошибочно стоит ܕܝܕܪ, д'Иатриб.
[2] Michel le Syrien. Texte, p. 377, trad., II, p. 356.

ром с большой вероятностью можно видеть одного из первых, если не первого, переписчика труда Михаила Сирийца. Из упоминаемых в заметке источников более всего места уделено Иоанну Ефесскому. Кроме него названы Юлий Африкан и Евсевий, из которых первый мог быть известен Михаилу опосредствованно, через других авторов. Сирийский перевод церковной истории Евсевия Памфила был сделан еще в V в., и Михаил Сириец им, вероятно, пользовался. Кроме того, упоминаются Захарий Ритор, хроника которого сохранилась, Кир Батнский, автор не дошедшей до нас церковной истории, и Иоанн Ефесский, подробные сведения о котором были даны в хронике в заметке, предшествующей схолиону. Эти три имени связаны не случайно: они являются авторами церковных историй. Три других имени — Иаков Эдесский, Иоханан Литарбский и Игнатий Мелитенский — упоминаются как авторы сочинений хронологических. Что касается Кира Батнского, то его сочинения утеряны. Проф. А. П. Дьяконов сделал попытку восстановить с относительной вероятностью состав сочинения Кира Батнского из фрагментов, сохранившихся в тексте хроники Михаила Сирийца.[1] Но в связи с тем, что издание Анонимной хроники 1234 г. и издание хроники псевдо-Дионисия были осуществлены лишь в 1920 и 1933 гг., а сочинение Дионисия Тельмахрского смешивалось им с хроникой псевдо-Дионисия, выводы проф. А. П. Дьяконова не могут считаться окончательными и их необходимо пересмотреть.

Упомянутые выше заметки об Иоанне Ефесском и о прочих источниках в хронике Михаила Сирийца заключены в рамку, как это делалось в сирийских рукописях переписчиками, чтобы выделить какую-нибудь вставку, не связанную с основным текстом рукописи, зачастую исходящую от переписчика или интерполятора. Вслед за последней заметкой (схолион), текст которой приведен выше в переводе, в хронике следует указание на то, что здесь начинается новый ее источник — Дионисий Тельмахрский, предисловие которого к своему сочинению приводится у Михаила тут же. В следующей, 21-й главе, последний начинает излагать события царствования Маврикия. Прежде чем дать анализ предисловия, отмечу

[1] А. П. Дьяконов. Кир Батнский, сирийский церковный историк VII века. СПб., 1912, стр. 1—73.

в связи с другими данными приобретающий интерес факт, что и греческий историк Евагрий перечисляет свои источники точно так же, закончив историю царствования Тиверия и переходя ко времени Маврикия.[1]

Из предисловия Дионисия, переписанного в хронике Михаила Сирийца, можно извлечь некоторые сведения об его авторе. „Отсюда начинается [история] Дионисия патриарха, называемого Тельмахрским", — пишет Михаил. Предисловие обращено к его „духовному сыну, Иоаннису, митрополиту Дары", который в то время был уже человеком пожилым, так как Дионисий пишет о нем, что он стремился просвещаться всяческим знанием с юного возраста и „до твоей старости" (ܥܕ ܣܝܒܘܬܟ ܗܘ). Патриарх Дионисий полагал, что Иоаннис, митрополит Дары, мог и сам составить „историю", но предпочел обратиться к нему, Дионисию, которому этот труд представился чрезвычайно тяжелым. Дионисий жалуется на то, что „и мира или покоя я не имею на одном месте, но перехожу из селения в селение, передвигаюсь из области в область (ܡܕܝܢܬܐ), с длинными и тяжелыми путешествиями, с остановками и поклонами у ворот правителей [ܫܠܛܢ], с презрением и бесчестием, связанным с этим".[2]

Так характеризует Дионисий сложную политическую обстановку при мусульманском владычестве в первой половине IX в. Основные этапы жизни Дионисия могут быть восстановлены из различных источников. В качестве патриарха яковитов он вел деятельную жизнь, представляя интересы верхов христианского населения в халифате. В 825—826 гг. он побывал в Египте у эмира Абдаллаха ибн-Тахира, чтобы принести жалобу на разрушение яковитских святынь в Эдессе.

Получив разрешение на их восстановление, он с не меньшим успехом добился весной 829 г. у халифа ал-Мамуна признания своего авторитета. В следующем году он сопровождал его из Дамаска в Египет, где по поручению халифа своим авторитетом стремился воздействовать на готовых к восстаниям коптов. При халифе ал-Мутасиме, весной 838 г., он был с почетом принят в Багдаде. Распри среди яковитов,

[1] Euagrius. Historia, 5, 24, p. 217.
[2] Michel le Syrien. Texte, p. 378; trad., II, p. 357.

а к концу его жизни и притеснения, чинимые арабскими властями, принуждали его к постоянной борьбе. В своем историческом труде, предисловие которого приводит Михаил Сириец, Дионисий охватывал период от времени императора Маврикия до халифа ал-Мутасима, с 582/3 по 842/3 гг.[1] Последняя часть его труда написана им как современником и свидетелем событий. Из его предисловия можно выяснить источники, которыми он пользовался для составления предшествующих частей. Это предисловие Дионисия, несомненно, было использовано Михаилом Сирийцем в заметке об источниках, приведенной выше.

Среди сочинений, использованных или известных патриарху Дионисию Тельмахрскому, последний различает хронографии, или летописи, и церковные истории. К хронографии он причисляет писания „Иосифа, Андроника, Африкана, Аниана, Георгия rgtya, Иоанна Антиохийского и, наконец, Евсевия Памфила".[2] Он говорит о них в следующих выражениях: „...их сочинения называются не церковными [историями], а хронографиями, или летописями" — ܕܠܐ ܣܝܢܐ ܕܥܕܬܐ ܐܠܐ ܟܪܘܢܝܩܐ ܐܘ ܣܦܪ ܙܒܢܐ.

В другую группу Дионисий выделил историков, о которых он сообщает: „Писать же экклезиастики, то-есть истории церковные, первый начал тот же Евсевий, а после него Сократ, Зосима, Феодорит, Захария Ритор,[3] Иоанн Асийский и последний из всех Кир, священник Батнский. Другой также составил хронологию, я говорю Иаков Эдесский, Иоханан Столпник Литарбский. Написал истории подобные экклезиастике Даниил сын Моисея Турабдинский и другой, называемый Иоханан сын Самуила, из области западной, и еще другой, называемый Феофилом и Феодосий, митрополит Эдессы. Но те, что я теперь упомянул, писали свои истории кратко и отрывочно, не соблюдая точности времени или последовательности событий".[4]

[1] Baumstark. Geschichte, p. 275.
[2] Michel le Syrien. Texte, p. 378; trad., II, p. 358.
[3] Читаю ܙܟܪܝܐ, а не „и Илия" ܘܐܠܝܐ; см. примечание Chabot II, 378, который дает, однако, перевод „et Elias".
[4] Michel le Syrien. Texte, p. 378; trad., II, p. 358.

Относительно Феофила Эдесского он дополнительно сообщает, что так как он был „халкедонитом“, то в его сочинении приводится враждебная тенденция относительно монофизитов. Далее Дионисий сообщает, что свое сочинение он начнет с того времени, на котором остановился Кир Батнский; из хроники последнего он привлекает те части, или фрагменты, которые, по его мнению, не подлежат сомнению и отвечают истине.[1] Следовательно, в своей книге Дионисий отчасти использовал Кира Батнского и, следовательно, выражение его относительно „начала“ с того времени, где остановился Кир, не вполне точно. На основании того, в каком месте помещает Михаил Сириец указание на Дионисия как на свой источник, следует предполагать, что он начал свой труд со времени Маврикия, с 582/3 гг., как об этом было упомянуто выше. Михаил Сириец точно указывает время окончания хроники Дионисия — 842/3 гг.[2] Упоминая имя Дионисия на протяжении всего этого периода, он повторно сообщает о нем: „Патриархом нашей церкви православных[3] в то время был мар Дионисий Тельмахрский. Большинство рассказов, собранных в этой книге до сих пор, написал он весьма тщательно. В конце хроники, которую он составил в конце своих дней, он написал увещательное слово, в котором смешал печаль и поучение следующим образом“.[4] В конце 21-й главы 12-й книги хроники у Михаила Сирийца находится еще одна заметка, окруженная рамкой, подобно схолиону. В заметке сообщается: „Здесь окончил свою хронику премудрый Дионисий патриарх, называемый Тельмахрским, которую он написал в двух частях в 16 книгах (ܥܣܪ ܟܬܒ̈ܐ). В каждой части 8 книг, разделенных на главы. Он написал ее по просьбе Иоанниса, митрополита Дары. В хронике заключается время, или период в 260 лет, от начала царствования Маврикия, то есть года 894 греков и до года 1154, когда умер Феофил, император ромейский, и Абу Сахак, царь арабов, и воцарился Харун,

[1] Ibid.

[2] Ibid., texte, p. 544; trad., III, p. 311. — Chabot. Littérature syriaque. Paris, 1934, p. 93.

[3] Михаил Сириец подразумевает под именем православных своих единоверцев — монофизитов.

[4] Michel le Syrien. Texte, p. 538; trad., III, p. 104.

сын Абу Сахака, а над ромеями Михаил, сын Феофила, малый и слабый мальчик, а мать его правила государством“.[1]

Таковы хронологические рамки и общая характеристика главного источника Михаила Сирийца для конца VI и начала VII в. Сириологи справедливо сетуют на утерю этого сочинения, автор которого, в свою очередь, пользовался не дошедшими до нас сирийскими источниками. К числу последних принадлежит история Иоханана бар Самуэля, составленная им в 746 г., при широком использовании Иоанна Литарбского.[2] Дионисий упоминает и Даниила бар Моисея из Тур Абдина, составившего „истории“, подобные „экклезиастике“, из которых сохранились фрагменты, относящиеся к 738—748 гг. н. э. Их можно найти у Илии бар Шинайи.[3]

Перечисленные Дионисием источники повторены и в „схолионе“ хроники Михаила Сирийца, и весьма вероятно, что часть из них была ему известна только через посредство Дионисия, т. е. по имени. Но, несомненно, что некоторые другие источники, как, например, Иоанн Ефесский, были хорошо известны Михаилу.

В специальной статье, посвященной источникам греческой хроники Феофана Исповедника и сирийским хроникам, Брукс доказал, что для VIII в. (и отчасти для VII в.) сведения Феофана о Востоке восходят к „палестинскому мелкиту“, который был знаком с сирийскими хрониками. Этот источник был использован и Михаилом Сирийцем, благодаря чему их сведения имеют много общего.[4] Возможно, что Михаил Сириец располагал этим материалом не непосредственно, а через Дионисия Тельмахрского.

Для времени более раннего можно отметить близость сведений Михаила — Дионисия с Евагрием, Феофилактом и тем же Феофаном, на что впервые указано в настоящем исследовании. Выше мною было уже отмечено, что Михаил Сириец, как и Евагрий, после сообщений о смерти Тиверия до перехода к событиям царствования Маврикия характеризует свои источники. С 582 г. Михаил пользуется Дионисием Тель-

[1] Ibid. texte, p. 544; trad., III, p. 111.

[2] Baumstark. Geschichte, p. 273.

[3] Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri. Series tertia, t. III, pp. 7—8.

[4] E. W. Brooks. The sources, pp. 578—587.

махрским, а через его посредство фрагментами из утерянных сочинений Иоанна Литарбского и Кира Батнского. Для выявления этих источников приобретает значение Анонимная хроника 1234 г.,[1] которая использовала их, а также другая анонимная хроника, известная под именем хроники псевдо-Дионисия. Зависимость названных сирийских трудов друг от друга усугубляется в своей сложности тем, что сведения, роднящие их с греческими историками, могли иметь в основе не только устную, но и общую письменную традицию, выявление которой решило бы существенные вопросы источниковедения. Труд Михаила Сирийца в таком аспекте приобретает, несмотря на то, что относится лишь к XII в., большое значение для истории Передней Азии конца VI и начала VII в.

Фома Маргский

В 840 г. была составлена история несторианского монастыря Бет-Абэ, расположенного в среднем течении реки Большой Заба, притока Тигра. Автор „Книги начальников" принадлежал к числу монахов Бет-Абэ; в 837 г. он состоял секретарем патриарха Авраама, поставившего его епископом Марги, а затем митрополитом области Бет-Гармай.[2]

Труд Фомы Маргского излагает не только события, касающиеся монастыря Бет-Абэ на протяжении трех столетий, начиная с его основания и истории несторианского монашества вообще, но дает ценный материал для истории Передней Азии, как, например, по вопросу о связях несториан-сирийцев на побережье Каспийского моря, в южной Аравии, Иране и Китае. Интересные сведения сохранил сирийский автор о посольстве от шаханшаха Шерое к византийскому императору Ираклию, в котором видное положение заняла верхушка несторианского духовенства. Благодаря последнему обстоятельству сведения Фомы Маргского исходят из достоверной традиции. В связи с посольством находится факт перехода в православие несто-

---

[1] Chronicon ad an. Chr. 1234 pertinens. Ed. J. B. Chabot. Corpus scriptorum christianorum orientalium, Scriptores syri. Series tertia, t. 14. Parisiis, 1920, p. 15.

[2] Chabot. Littérature syriaque, p. 110. — Baumstark. Geschichte, p. 233.

рианского епископа Сахдоны, переписка которого с Ишоябом, несторианским католикосом, сохранилась и представляет большой интерес.[1]

Епископ Маргский имел возможность использовать письменные сирийские источники, а также устную традицию, как он и сам об этом говорит.[2] Он упоминает о библиотеке монастыря Бет-Абэ, книгами которой он пользовался при составлении своего труда.

Из сообщений „Книги начальников", как и из „Анонимной хроники времени сасанидов", очевидны попытки слабеющей государственной власти сасанидов найти опору в верхах сирийского населения Ирана. Оба упомянутых сочинения имеют несомненно общие источники, общую сиро-несторианскую традицию, которой они следуют в истории падения сасанидской державы.

Хроника псевдо-Дионисия

Приписываемая ошибочно патриарху Дионисию Тельмахрскому хроника, на которую указал еще Ассемани, удержала до настоящего времени название псевдо-Дионисиевой хроники. Как выше уже было отмечено, подлинная хроника монофизитского патриарха утеряна, анонимная же хроника, приписываемая ему, фактически принадлежит некому монаху Зукнинского монастыря.

С первыми листами рукописи исчезло и имя составителя этого компилятивного труда, но сохранилось указание на время его составления. В начале последней, 4-й, части этой хроники сообщаются следующие сведения о содержании предшествующих частей и составлении 4-й части.

„Эта книга или эта хроника начинается с сотворения твари и продолжается до рождения Авраама и царства Ниноса, который построил Ниневию и царствовал в ней 52 года.

В 42 году Ниноса родился Авраам, родоначальник отцов, как свидетельствует Евсевий, ибо у него нами позаимствован

---

[1] Н. В. Пигулевская. Жизнь Сахдоны. Записки Коллегии востоковедов, т. III, стр. 98.

[2] Thomas, bishop of Marga, The book of Governors, ed. by E. A. Wallis Budge, London, 1893, v. I, p. XXXV.

материал этой хроники до времени верующего Константина, отсюда до Феодосия младшего у Сократа, по вере новацианина, от Феодосия же до [времени] царя Юстиниана, т. е. до года 885, у святого Иоанна, епископа Асийского. Отсюда же до настоящего года, года, в котором мы живем ныне, то есть 1086 Александра, а мусульман 158, мы не нашли хроники столь тщательной, как древние".[1]

Годом составления хроники, следовательно, является 1086 г. греческого счисления, который соответствует 775 г. н. э. В единственной рукописи хроники сохранилось фрагментарно введение, которое подтверждает дату составления хроники с разницей в один год.

Текст этого введения из Ватиканского кодекса (Codex Vaticanus, Syr. 162, ff. 1—2) напечатан во II томе издания псевдо-Дионисия, стр. 418—420. „В этой книге содержатся, как бы в венце, годы от сотворения мира и до сего времени, в которое она написана, то-есть в год 1087 Александра Македонского". Тогда воцарился над Сирией, Египтом, Арменией, Азербайджаном и над арабами Махди бар-Абдалах. „А над греками воцарился Леон сын Константина, а над ромеями вновь воцарился Фафнос (ϡιϱϱ). Сумма всех лет в ней шесть тысяч".[2] Год 1087 соответствует 776 г. н. э., следовательно, временем составления хроники является 775/6 гг. н. э., принимая во внимание приведенный выше 1086 г., как год ее составления во введении к 4-й части. Императором византийским автор называет Льва IV, воцарившегося 14 сентября 775 г.[3]

Имя автора хроники неизвестно. Однако можно указать что на fol. 66 v переписчик Елисей оставил на полях заметку, в которой упоминает Иешу Стилита из Зукнинского монастыря, „написавшего сию памятную книгу". Относится ли имя этого автора ко всей компиляции или к небольшой Эдесской хронике начала VI в., сказать трудно. В настоящее время принято считать все это сочинение принадлежащим перу монаха Зукнинского монастыря, имя которого осталось неизвестным.[1]

[1] Chronicon anonymum pseudo Dionysianum vulgo dictum, ed. J. B. Chabot, t. II, pp. 145—146. Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri. Series tertia, t. II, Parisiis, 1933. — J. B. Chabot. Chronique de Denys de Tell-Mahre. Quatrième partie, p. 1. Bibliothèque de l'Ecole des Hautes-Études, fasc. 112, Paris, 1895.

[2] Ps. Dionisius, II, p. 419.

[3] Ibid., Praefatio, p. VI.

Сохранилась хроника в единственной Ватиканской рукописи — Codex Vaticanus, Syr. 162, часть которой в виде небольших фрагментов оказалась в числе манускриптов Британского музея в Лондоне.

Ватиканская рукопись была доставлена в Рим в 1717 г. Ассеманием. Она принадлежит к числу рукописей, перевезенных из Месопотамии в Скитский монастырь Моисеем Низибийским в 932 г. Содержание этого компилятивного труда и его источники сообщил сам автор.

Первая часть, до времени Константина Великого, составлена по церковной истории Евсевия Кесарийского, хронографии Юлия Африкана и Эдесской хронике. В ней использованы также апокрифы — Пещера сокровищ, роман об Александре, легенда о семи спящих отроках ефесских и другие.

Вторая часть в основе своей изложена по истории Сократа, но имеет дополнения из книги „Плерофорий" Иоанна Руфа и текста Энотикона Зенона. В состав второй части вошла и хроника Иешу Стилита, вкрапленная в нее целиком, от начала до конца.

Часть третья начинается временем императора Зенона и кончается смертью Юстиниана, заключая в себе всю вторую часть труда Иоанна Ефесского. В этой части сохранилось и замечательное послание Симеона Бетаршамского о химьяритах.

Четвертая часть по свидетельству автора не имела какого-либо одного источника, так как он „не нашел хроники столь тщательной, как древние". Для нашего исследования эта часть имеет больше всего значения ввиду того, что включает соответственный хронологический период. В краткой форме сообщаются события с 487 по 715 гг; несколько больше подробностей дано для последующих годов, и чрезвычайно детально изложены бедственные события, постигшие в Месопотамии сирийцев между 767—775 гг. Указав на то, что с 885 г. греков (574 г. н. э.) не нашлось „тщательно" составленного исторического сочинения, составитель хроники сообщает:

[1] Baumstark. Geschichte, p. 274. — Chabot. Littérature, p. 89.

„Также и относительно злых и горьких времен, которые переживали мы и наши отцы, мы не нашли никакой хроники, как и относительно этого времени стеснения и горечи, что постигли нас из-за наших грехов, и мы были преданы в руки ассирийцев и варваров. Мы не нашли никого, кто бы написал что-нибудь или оставил память об этом злом времени и о горьком притеснении, что претерпевает земля в наши дни и наше время". В оправдание своих жалоб на тягостное время он приводит пророчества и другие цитаты из писаний и затем дает объяснение, в каком затруднительном положении он находился как автор.

„Мы объездили многие места, но мы не нашли ничего, написанного тщательно, но только кое-что. Также мы выслушали еще от древних старцев то, что они видели и что случилось с ними, и еще то, что мы сами видели; мы пожелали собрать и расположить события одно за другим в таком порядке. Но всякий, кто, встретив [эту книгу], пожелает пренебречь ею, пусть знает, что не в одной области, одном государстве или в одной стороне происходили явления и события, и [притом] различным образом. Поэтому, если бы ему встретилось в [другой] хронике несхожее с этой, то пусть он поймет, что и первоначальные писатели не согласны друг с другом, но один преуменьшает, другой преувеличивает; один пишет о церкви, другой о других делах. Но не огорчит это избранных и богобоязненных, в один ли год или годом и двумя позднее [произошли события], но достаточно для богобоязненных, чтобы они видели наказания предшествующих битв, чтобы они отвратились от злодейства, дабы и их не постигли эти наказания".[1]

Таким образом, составитель хроники утверждает, что с 574 г. он не располагает тщательно изложенным материалом. Значит ли это, что он не знал и не располагал последней, третьей, частью Иоанна Ефесского, как полагает и проф. А. П. Дьяконов.[2] Та часть хроники, которую он мог бы позаимствовать из 3-й части сочинения воинствующего епископа, во всяком случае, очень кратка.

---

[1] Ps. Dionisius, II, p. 147.

[2] А. П. Дьяконов. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908, стр. 305.

Относительно времен „злых и горьких", о которых он говорит, что их „пережизали мы и наши отцы", т. е. охватывающих два поколения, его собственное и ближайшее старшее, он сообщает большие подробности. Более всего он опирался в этом случае на устную традицию; так, он „объездил многие места" в поисках достоверных письменных источников и „также мы выслушали еще от древних старцев" то, что „они видели и что случилось с ними". Ко всему этому добавлено то, чему был очевидцем составитель хроники —„то, что мы сами видели". Все это было собрано, и события были „расположены одно за другим". Предвидя упреки в несовершенстве, автор хроники заранее отводит их, указывая на то, что описываемые им события происходили в различных областях и государствах по-разному, что, сообщая о них, каждый поступал по своему усмотрению, преувеличивая или преуменьшая, уделяя больше внимания той или иной стороне дела. Кроме того, он не вполне уверен в точности своей хронологии и не считает существенным, что события произошли годом или двумя позднее или ранее.

Если эти рассуждения составителя компиляции относятся к 4-й части его труда, то все же существенны его взгляды на составление компиляции в целом. Проф. А. П. Дьяконов привел убедительные доводы тому, что в хронике псевдо-Дионисия были использованы два особых летописных источника, ныне утерянных, из которых один кончался 868 г. греков (557 г. н. э.), другой, которым автор пользовался до конца 3-й части хроники.[1]

В целом хроника оценивалась исследователями как недостаточно критический и проверенный источник. Однако тот факт, что составитель переписывал своих предшественников, сокращая, но не изменяя и не сглаживая противоречий между отдельными их сообщениями, дает возможность выделить эти источники и оценивать их сообщения в их первоначальном виде.

Отдельные части хроники были изданы в разное время.[2] В 1933 г. Шабо издал текст хроники полностью, включая и 4-ю часть, которую он издал еще в 1895 г. с французским

---

[1] А. П. Дьяконов. Иоанн Ефесский, стр. 226.

[2] Baumstark. Geschichte, p 274.

переводом.[1] Латинский перевод всей хроники обещан Шабо, но еще не вышел из печати. [2]

3-я часть хроники псевдо-Дионисия, содержащая в значительной своей части хронику Иоанна Ефесского, появилась впервые в названном издании 1933 г. На ее основе возможно разрешение вопроса об общих источниках Иоанна Ефесского и Иоанна Малалы или Иоанна Антиохийского. Сопоставляя хронику в целом с хроникой Михаила Сирийца и другими, можно выяснить этот сложный, но исключительно существенный историографический вопрос о связях сирийской и греческой хронографии.

Анонимная хроника 1234 г.

Анонимная хроника 1234 г. была составлена неизвестным автором. Скудные сведения о нем сводятся к немногочисленным фактам, сообщенным им самим. Так, в 1187 г. он находился в Иерусалиме и пережил взятие этого города Саладином. Двумя годами позднее он находился в областях Месопотамии, в обществе мафриана Григория. Возможно, что Месопотамия была родиной или постоянным местом жительства автора, который хорошо с ней знаком.[3]

Анонимная хроника состоит из двух частей — светской и церковной, составленных каждая отдельно. Первая часть, посвященная светским событиям, первоначально была закончена в 1203/4 гг., но затем была продолжена автором до 1233/4 гг.

До настоящего времени известна лишь одна рукопись этой хроники, относящаяся к концу XIV в. и находящаяся в Константинополе, в собственности частного лица P. Fehim. Первая часть рукописи, посвященная светским событиям, сохранилась почти целиком с небольшими пропусками в конце. От второй части, излагающей церковные события, сохранились лишь некоторые фрагменты.[4]

---

[1] Chronicon pseudo Dionysianum, ed. Chabot, 1933. — Chabot. Chronique de Denys de Tell-Mahré, 4-me partie, Paris, 1895.

[2] Chabot. Littérature syriaque. Paris. 1934, p. 90.

[3] Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, p. 302.

[4] Chronicon anonymum ad annum Christi 1234 pertinens, interpretatus est J.-B. Chabot. Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri. Series tertia. T. XIV. Versio. Lovanii, 1937. Praefatio, p. I.

Первое издание хроники было дано Rahmani.[1] К изданию, осуществленному Chabot, приложен полный латинский перевод хроники,[2] фрагменты первой части хроники и краткое содержание отдельных ее глав до времени императора Анастасия (518 г. н. э.) были даны Nau на французском языке.[3] История первого и второго крестового походов в изложении этой хроники дана в переводе Триттона, с примечаниями Гибба.[4]

Хроника эта мало известна и очень редко привлекалась к исследованиям, между тем она представляет большой интерес и дает существенные данные для сравнения с данными хроники Михаила Сирийца.

Ввиду этого к настоящему исследованию приложен сделанный мною русский перевод с сирийского той части хроники, которая касается изучаемого в данном исследовании периода.

ИСТОЧНИКИ НА ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

Ат-Табари

Абу Джафар Мухаммед бар Джарир по своему происхождению был персом. Он родился в 839 г. в Амуле близ Каспийского моря, в персидской провинции Табаристан, которой он обязан своим прозванием ат-Табари. С ранних лет он посвятил себя изучению наук и совершил ряд путешествий. Он посетил Рей, Багдад, был затем в Басре, Куфе, вновь вернулся в Багдад, где обосновался на некоторое время. Затем он отправился в города Сирии, жил некоторое время в Египте, вновь вернулся в столицу халифов, откуда предпринял два путешествия на родину. В 923 г. он умер в Багдаде.[5]

---

[1] Ign. E. Rahmani. Chronicon civile et ecclesiasticum anonymi auctoris. Šarfah., 1904, 1911.

[2] Chronicon ad annum Christi 1234 pertinens, edidit J. B. Chabot. Corpus Scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri. Series tertia, t. 14, 1920; t. 15, 1917; Versio, t. 14, 1937.

[3] Nau. Traduction de la chronique syriaque anonyme, éditée par Mgr Rahmani. Revué d'Orient chrétien, 1907, 12, pp. 429—441, 1908; 13, pp. 90—99, pp. 436—443.

[4] The first and second crusades from on anonymous syriac chronicl transl. by A. S. Tritton with notes by H. A. R. Gibb. Journal of the Royal Asiatic Society, 1933, I, pp. 69—101; II, pp. 273—305.

[5] The Encyclopaedia of Islam, t. 4, p. 578.

Табари углубленно работал над различными отраслями мусульманских наук, занимался толкованием Корана, фикхом. Плодовитый писатель, он оставил после себя целый ряд произведений, из которых наиболее выдающееся положение занимает многотомная хроника. Это — компиляция, составлена она на основании различных источников и дает подробную историю халифата. Период до возникновения ислама занимает сравнительно небольшую часть хроники. Для конца VI и начала VII в. значение имеет раздел, посвященный истории сасанидской державы и арабских племен до мусульманских завоеваний. Сведения в этой части хроники восходят к достоверной арабской традиции предшествующего времени и опосредствованно опираются на среднеперсидские источники. Сам автор ссылается только на Хишама, как на один из авторитетов. Многочисленные совпадения с „Шахнамэ“ Фирдауси обратили на себя внимание Нельдеке, которым история сасанидского Ирана из хроники Табари была переведена на немецкий язык.[1] По его мнению, как Табари, так и Фирдауси использовали „Книгу правителей“ Ходайнамэ. Из прозаического введения к персидской поэме явствует, что Ходайнаме была впервые составлена во времена Хосроя I Анушервана (531—579), а окончательную редакцию прошла при последнем сасанидском царе Яздегерде II (632—651). „Книга правителей“ впитала в себя устную традицию и использовала письменные источники, о чем можно говорить на основании свидетельства византийского историка VI в. Агафия. Сведения о сасанидской державе Агафий получил от сирийца Сергия, черпавшего их из *βασιλικὰ ἀπομνημονεύματα*.[2] Фирдауси и Якуби пользовались „Книгой правителей“ в обработке на новоперсидском языке пехлевийского текста. Табари пользовался арабской версией „Книги правителей“, которая была широко распространена.[3] Арабский перевод или обработку „Книги правителей“ сделал Ибн ал-Мукаффа в VIII в., и версия, которой пользовался Табари, частью основывалась на его переводе.

[1] Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen. Leiden, 1879.

[2] Agathias, 4, p. 30.

[3] Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber, Einleitung, p. XXI.

Адбаллах ибн ал-Мукаффа — перс по рождению и после перехода в ислам продолжал придерживаться религии отцов. Он жил в Басре, где был близок с кругом основателей арабской филологии. В своих переводах он познакомил арабов с сокровищами среднеперсидской литературы, в том числе со сказаниями о Калиле и Димне и „Книги правителей“. В качестве сторонника потомков Али, к которым склонялись персы халифата, Ибн ал-Мукаффа был казнен в 757 г. в Басре по приказу халифа ал-Мансура.[1]

Сочинение Ибн ал-Мукаффы не сохранилось. В пространном введении к своему переводу Нельдеке указал, что Табари не пользовался книгой Ибн ал-Мукаффы, но более поздним сочинением, в котором была использована помимо этой последней и другая версия, на что указывает сличение с Табари анонимного Codex Sprenger, 30. Упомянутый кодекс и Табари не зависимы друг от друга, но они восходят к общему источнику, в который, кроме данных Ибн ал-Мукаффы, вошли сведения, имеющие другое происхождение.

Табари не является ни самостоятельным исследователем, ни критически настроенным умом, но он добросовестно переписывал свои источники и как простодушный компилятор сохранил ценный материал.[2]

В той части, в которой Табари касается истории арабов до возникновения ислама, он ссылается на авторитет Хишама. Мохаммед ал-Кельби и сын его Хишам были едва ли не первыми арабскими прозаиками. Мохаммед ал-Кельби, умерший в 763 г., составил комментарий на Коран, но особое внимание уделял арабской генеалогии, а в связи с этим и традициям племен. Хишам, на основании материалов своего отца, составил большую книгу об арабских генеалогиях. Сохранилось лишь краткое и более позднее извлечение из нее. Хишам, умерший в 819 г., — главный авторитет Табари для ранней истории арабов. В основном — это надежный и авторитетный источник, не лишенный, однако, легендарных добавлений. В центре внимания Хишама было княжество Хиры, о котором подробно сообщает и Табари.[3] В этой части своей хроники Табари

[1] Brockelmann. Geschichte der arabischen Literatur, Weimar, 1898, I, 151. Zweite Ausgabe, Leipzig, 1909, pp. 95—97.

[2] Ibid., I, 142; Zweite Ausgabe, pp. 108—109.

[3] Nöldeke. Tabari, Einleitung, p. XXVII.

упоминает в тексте „историю княжества Хиры“ или указывает: „Хишам рассказывает“, и затем сообщает данные об арабских княжествах и их истории в связи с историей сасанидского Ирана.

Хронология Табари может быть удачно выверена и исправлена на основании анонимной сирийской хроники и сасанидских монет.

Большой интерес и значение имеют связи арабской традиции Табари с византийскими историками, связи, которые в достаточной степени еще не выяснены. Общее в сведениях Табари с предшествующей по времени сирийской историографией более ощутительно и очевидно. В греческой традиции, в частности в хронике Феофана, несомненно, есть точки соприкосновения с представленной Табари традицией, идущей из коренных арабских и персидских кругов.

Агапий Мембиджский

В 330 г. хиджры, в 941 г. н. э., было закончено историческое сочинение Китаб-ал-Унван, которую написал на арабском языке христианский историк Агапий (Махбуб) Мембиджский. Сочинение его озаглавлено: „Книга истории, сочинение Махбуба, сына Константина, грека из Манбиджа“.[1] Менбудж, или Манбидж, является названием города Иераполя.

Таким образом, являясь сыном грека и, следовательно, доступным византийским влияниям, Агапий писал на арабском языке. Он начал свою книгу „от начала создания“, с древнейших времен. Масуди, который писал свой Тенбих в 945 г., называет Китаб ал-Унван в числе своих источников.[2]

Для истории VI и VII вв. источником Агапия были сочинения Феофила Эдесского. Умерший в 785 г., Феофил, сын Фомы из Эдессы, был астрологом и находился на службе у халифа ал-Махди. Он был автором утерянного исторического труда, составленного на сирийском языке, на который он также перевел „две книги Гомера об Илионе“.[3] Его обширная история до нас не дошла, но она была использована Дионисием

[1] А. Васильев. Агапий Манбиджский, христианский арабский историк X в. Византийский временник, 1904, т. XI, стр. 583.

[2] Там же, стр. 576, 580.

[3] Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur, Bonn, 1922, p. 341.

Тельмахрским. Агапий „многие книги“, которые были составлены Феофилом, стремился изложить кратко. „Он составил многие книги об этом, — пишет Агапий, — но мы сократили из них эту книгу и прибавили то, что нам казалось необходимым, устраняясь при этом от длинноты“.[1]

Рукописи Агапия немногочисленны. Впервые они привлекли внимание академика В. Р. Розена, а затем все сочинение Агапия было издано с французским переводом его учеником А. А. Васильевым.[2]

Антиох Стратиг

В 1909 г. Н. Я. Марр издал найденную им рукопись, содержавшую на грузинском языке „Пленение Иерусалима персами в 614 г.“. До этого времени этот памятник был известен лишь в небольших отрывках. Автор „Пленения“ был грек, галатиец Антиох, монах монастыря св. Саввы, по прозванию Стратиг. Возможно, что это прозвище имело отношение к его жизни до поступления в монастырь. На греческом языке сохранилось его сочинение Πανδέκτης τῆς ἁγίας Γραφῆς — назидательный сборник в 130 главах. „Пленение Иерусалима“ в подлиннике утеряно, на греческом языке сохранились лишь его отрывки, как и отрывки армянского перевода. Н. Я. Марру удалось найти полный грузинский перевод памятника и сокращенное арабское извлечение из него, которое он опубликовал. Антиох Стратиг был современником последней персидской кампании против Византии и очевидцем взятия Иерусалима в 614 г. Оставленный им памятник представляет выдающийся интерес, тем более, что близких этим событиям источников весьма ограниченное число. Если „Пленение“ не лишено некоторых преувеличений, если его дидактический тон и длинные ламентации скучны, то все это искупается целым рядом сведений, точных хронологических данных, которые касаются персидских походов. Для историка большой интерес представляют также и его данные относительно социальной борьбы в византийских провинциях, которую он мимоходом характеризует, упоминая партии прасинов и венетов, а также Боноза, жесто-

[1] Agapius (Mahboub) de Menbidj. Kitab al-Unvan. Histoire universelle, editeé et traduit en français par A. Vasiliev. Patrologia Orientalis., t. 5, pp. 561—692; t. 7, pp. 399—550; t. 8, pp. 462—591.

[2] А. А. Васильев, там же, стр. 587.

кого военачальника Фоки. Существенное значение имеют сведения Антиоха Стратига относительно последних сасанидов, хронологическая последовательность царствований которых очень запутана.

Превосходный перевод и вводное исследование памятника, данные Н. Я. Марром, сделали его широко доступным.[1]

МОНЕТЫ

К числу источников, которые могут быть использованы с большой пользой для изучаемого периода, являются монеты. Наиболее полное издание монет времени Маврикия и Фоки находится в пятом выпуске „Византийских монет" И. И. Толстого.[2] Как изображения Маврикия на монетах, так и надписи — Dominus noster Mauricius Tiberius, perpetuus Augustus — находятся в полном соответствии с каноном и традицией предшествующего времени. Маврикий изображается с бритым лицом, в консульском одеянии, с короной на голове. Некоторые монеты представляют его в военном одеянии, в военном плаще, что подчеркивает его деятельность как военачальника. В обоих случаях его одеяние повторяет традиционное изображение императора Тиверия. Как и последний, Маврикий на некоторых монетах появляется в сопровождении жены. Но имеется и существенная разница: на обратной стороне этих монет изображен также сын Маврикия, Феодосий. Верность семейным традициям, стремление подчеркнуть преемственность династии объясняют изображение на монетах старшего сына и наследника. Встречаются также монеты с изображением Маврикия и Феодосия вместе, связь между ними подчеркнута легендой Amoenitas Dei — приятное Богу.[3]

Легенды на монетах Фоки повторяют легенды монет его предшественников — Dominus noster Focas, perpetuus Augustus, Victoria Augusti. Но характерно, что внешность Фоки, судя

[1] Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г. Грузинский текст исследовал, издал, перевел и арабское извлечение приложил Н. Я. Марр. Тексты и Разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. IX, СПб., 1909.

[2] И. И. Толстой. Византийские монеты. Вып. V. Монеты Тиверия, Константина и Маврикия Тиверия. СПб., 1913, стр 509—582; 582—592.

[3] Там же, стр. 566—570.

по монетам, резко отличалась от внешности его предшественников. „Лицо обрамлено густою бородою клином; волосы на голове длинные, подстриженные „гривкою на лбу" — описывает его И. И. Толстой. Это несомненно портретное изображение Фоки, о которым и письменные источники говорят, как о носившем бороду. Таковы многочисленные изображения Фоки впрямь на золотых и медных монетах.[1] Те же черты портретного изображения могут быть отмечены и на монете с профилем бородатой головы Фоки. На некоторых монетах в профиль Фока безбородый и здесь утеряны индивидуальные особенности его внешности. В одном случае это портретное изображение Фоки, в другом случае все его индивидуальные черты утеряны. Особенно отчетливо это может быть отмечено при сравнении бородатого и безбородого профиля Фоки.[2] Особенности внешности Фоки, что он носил бороду „клином", а не брил ее, отпускал волосы „гривкой" на лбу, говорят о том, что он в этом отношении порвал с традицией предшествовавших ему императоров, что вполне соответствует условиям, при которых воцарился Фока.

Известно, какое исключительное значение имеют памятники материальной культуры Сасанидской империи, в том числе и монеты. Достаточно, например, вспомнить о блюде, на котором представлены „Часы Хосрова Парвеза" — выезд лунного божества, многочисленные сцены охоты различных царей, представляющие высокую художественную ценность.[3]

Монеты царей династии сасанидов имеют обычно изображение царя и легенду с одной стороны, изображение алтаря, символа зороастрийской религии с другой. Хосрой II представлен на своих монетах в профиль, в короне, своеобразно украшенной, как бы двумя крыльями. На шее у него ожерелье, в ушах серьги; он носит усы и бороду, а волосы его убраны в виде длинных кудрей. Легенды монет имени Хосроя содержат титул и год правления, в котором их чеканили.[4] Монеты

[1] Там же, табл. 42, №№ 2, 3, 9, 16, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 34, 36, 37, 38, 44, 46, 47.

[2] Там же, табл. 42, №№ 36, 37 — профиль с бородой, №№ 31, 33, 42 — безбородый профиль.

[3] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 19, табл. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

[4] Paruck. Sasanian coins. Bombay, 1924, pp. 114—116, plate XXI.

Бахрама VI (Варахрана), восставшего против Хосроя, верны той же традиции и отличаются лишь особой формой короны. Каждый из вступавших на престол царя царей непременно устанавливал новую, особую форму короны, которая позволяет безошибочно узнавать его на изображениях, не имеющих подписи, как, например, на блюдах. Бистам, другой соперник Хосроя II, также чеканил монеты, которые следуют общепринятым сасанидским образцам, имеют соответствующие надписи, ту же символику зороастрийской религии. Как Варахран, так и Бистам, восставшие против Хосроя II, стремились, однако, связать себя с древней сасанидской традицией и доказать этим свои права на наследственный престол; соответственным образом они стремились сохранить и привычный вид царской монеты.[1]

[1] Ibid., pp. 111—112, plate XX.

ВИЗАНТИЯ ПОСЛЕ ЮСТИНИАНА

В 565 г. умер Юстиниан. Окончилось блестящее царствование автократора, не оставившего без своего личного вмешательства ни одной стороны государственной жизни. Великолепные постройки в столице, блеск и роскошь царских приемов, надменное пренебрежение в отношении всех прочих держав покрывали своей мишурой неудовлетворительное состояние армии, тяжесть непосильного бремени налогов, под которыми стонало население, глубокое разложение бюрократического аппарата, опустошенную казну. Непрочные успехи, достигнутые в северной Африке, утверждение Равеннского экзархата были прямым ущербом для сохранения восточной границы, где Византия имела достаточно сильного противника в лице Хосроя I. Сасанидская империя вновь делала попытки достичь берегов Черного моря, действуя как дипломатическим путем, — вступив в сношения с лазами или цанами, — так и оружием. Пробиваясь к Средиземному морю, войска Хосроя захватили богатейшую Антиохию на Оронте. Часть завоеванных областей была возвращена, но Иран вновь вспомнил о дорогах на запад. Внук Хосроя I прошел тем же путем, но с той разницей, что, захватив Сирию, укрепился и присоединил Палестину, Каппадокию и Египет к своим владениям.

Юстиниан никому не поручил своего царства; состарившийся деспот никого не считал достойным престола, за который цепко держались его дряхлеющие руки. Его племянник, Юстин II, женатый на родственнице царицы Феодоры, Софии, привлек на свою сторону сенат и церковь, обеспечив себе тем самым престол. Опасаясь оппозиционных настроений, правительственные круги в течение некоторого времени скрывали от народа факт смерти Юстиниана. Комедия воцарения

началась ночью, когда сенаторы и сановники пришли просить Юстина взять бразды правления. Обычное венчание в Евдоме не имело места. С престолом новый государь получил неоплатные долги и тощую казну. При первом выходе императора на ипподром кредиторы царского двора стали требовать уплаты долгов, и Юстин был вынужден послать за золотом, которое принесли в мешках рабы, и удовлетворить требования. Насколько непрочным было положение Юстина II, указывает заговор, возникший в сенатских кругах, который был раскрыт, главные виновники казнены, а их большие богатства конфискованы правительством. Стремясь стать популярной в кругах знати и сенаторов, августа София потребовала от банкиров и ростовщиков залоги и векселя знати и возвратила их должникам, как это когда-то сделал император Анастасий.

При Юстине в империи ожили центробежные тенденции. Крупная землевладельческая знать стремилась все к большей самостоятельности. Некоторая уступка тенденции к независимости провинций была дана законом 568 г., на основании которого высшие должностные лица провинций утверждались по ходатайству епископа и землевладельцев, тогда как до этого места обычно покупались за большие взносы.

Во внешней политике Юстин изменил систему дотаций варварам, отказавшись платить обычную дань аварам. На востоке Иран, все еще управляемый Хосроем I, не давал империи возможности завязать торговые сношения с тюрками и находившимися под их властью согдами, стремясь к тому, чтобы торговля шелком сохранилась в руках персов. И в другом отношении Иран удачно соперничал с Византией. В южную Аравию персами была снаряжена экспедиция, прибывшая туда морем. Абиссинцы были изгнаны, и здесь утвердил свой протекторат Иран. Искусная дипломатия Византии только продолжала сохранять дружественную связь с Абиссинией, южная Аравия была для нее потеряна. В возобновившейся между персами и ромеями войне перевес остался за первыми. Осада византийскими войсками Низибии была неудачной, а войска Хосроя захватили Апамею и Дару (573—574). Юстин тяжело болел, страдая периодическими припадками умопомешательства.

С конца 574 г. фактически правил государством Тиверий, комит экскубиторов, усыновленный Юстином, один из самых красивых и обаятельных людей своего времени. Своим воз-

вышением он был отчасти обязан Софии, жене Юстина, которая, оставшись вдовой (578), пыталась развести Тиверия с женой и женить на себе. Его отказ и нарушение ее честолюбивых планов сделали Софию врагом Тиверия. Византийская Федра оказалась в центре неудавшегося дворцового переворота, целью которого было посадить на престол Юстиниана, полководца и племянника Юстина II. Тиверий принял решительные меры, София была устранена и поселилась отдельно. Об ее интригах известно было двум современникам: Григорию Турскому — на западе и Иоанну Ефесскому — на востоке.

Общее разорение населения империи, недовольство, явно выраженное движением демов, и стремление задобрить высшие круги и чиновников побуждали Тиверия, когда он был еще соправителем, прибегать к примитивному способу умиротворения, к богатым подаркам и мелким подачкам, которые он раздавал направо и налево. Эта щедрость, не лишенная расчета, вызывала гнев царской четы, и неоднократно от него отнимали ключи царской сокровищницы и „бросали ему“ лишь столько, сколько находили нужным.

В период самостоятельного правления Тиверий продолжал ту же политику задабривания; он щедро распределил донатив, раздав 72 таланта золота, не считая серебра и шелковых одежд. Скопленное его предшественником было, по его мнению, результатом несправедливости, хищений и принудительных мер. „Зачем собрано столько золота, если всю землю душит голод?“— говорил он. Но уже для современника было очевидно, что расточительность и щедрость Тиверия „обогащали богатых“ и знатных, а бедным пользы не приносили. Его действия имели в виду интересы господствующего класса, многочисленного чиновничества и отчасти войска.

В какой степени экономическое состояние империи требовало срочных мер, свидетельствует законодательство. Новелла, изданная Тиверием, на протяжении четырех лет снимала во всех провинциях четвертую часть податей, так что из четырех лет один год был от них освобожден. Известным облегчением для более широких кругов был и отказ от денежных сумм, которые давали старая система взимания ἄρτοι πολιτικοί и снятие пошлины на доставляемые в город вино и масло. Принимаемые правительством Тиверия меры не могли, однако, иметь решающего значения: волнения в городах не только не пре-

кращались, но усиливались. Социальные коллизии превращались в городские восстания, в которых „еретики“ и православные евреи и самаряне принимали равное участие.

Процессы против инаковерующих, которые велись по инициативе высшего чиновничества и клира, частью сводились к вымогательству, и новые денежные суммы поступали в казну в качестве конфискаций. Со своей стороны, обогащались и судьи, получая взятки и освобождая за мзду обвиняемых. Для того чтобы обвинить в ереси или язычестве, достаточно было оклеветать человека. Волнения в городах возникали по любому поводу. Внутреннее состояние империи было критическим, оно усугублялось и внешне-политическим положением. Наступал момент, когда восточная империя вплотную стала перед угрозой быть уничтоженной варварскими нашествиями. Славяно-аварские полчища врезывались в самое сердце Балканского полуострова, где оседали все более плотные массы славянских племен. Дунай перестал быть даже номинальной границей Византии, а Сирмиум был отдан кагану.

На востоке Иран со своим исконным стремлением к Средиземному и Черному морям не требовал особых поводов для того, чтобы с новой силой начать борьбу с империей; для этого достаточно было старых счетов за Армению и племенных раздоров северных арабов. Уже старевший Хосрой Ануширван с успехом продемонстрировал свою власть над Арменией (576), сжег Севастию, сумел уйти из окружения в горных ущельях на запад от Евфрата и разорил Мелитену. Переговоры о мире и обмен посольствами были лишь ширмой, скрывавшей истинные намерения держав. Пятнадцатитысячная персидская армия, во главе с Тамхосроем, разгромила византийские войска, стоявшие в Армении под началом военачальника Юстиниана, сына Германа.

Назначение Маврикия, комита экскубиторов, на восток несколько улучшило положение, но он не успел предупредить пятнадцатидневного набега Тамхосроя, который двинулся из Армении, обходя крупные города и крепости: Кифариз, Мартирополь, Амид, и разорял мелкие селения. Ответным походом Маврикий вторгся в Арзанену, взял крепость Афум (578). Новые переговоры о мире еще не были завершены, когда в феврале 579 г. умер Хосрой I. Хормизд не был склонен заключать соглашение и держал послов в положении, мало

отличном от заключения. Попытки Маврикия захватить в Арзанене крепость Хломар не увенчались успехом, как и поход 581 г., когда ему не удалось пройти пустыню и пришлось сжечь собственные корабли с хлебом на Евфрате, так как персидский военачальник Адарман, обманув его бдительность, успел разорить Теллу, Решайну и область Эдессы.

В 582 г. новая попытка к соглашению также мало увенчалась успехом. Переговоры еще длились, когда Тамхосрой, стоявший под Дарой, двинулся со своими войсками на лагерь Маврикия у Теллы-Константины и пал в кровопролитной битве. Победа досталась ромеям, и Маврикий возвратился в Константинополь триумфатором. Как и во весь предшествующий период, инициатива в войне исходила от Ирана, который вел агрессивную политику, и в подавляющем большинстве случаев военные действия имели место на территории империи.

Двумя десятилетиями позже персы были в силах овладеть богатейшими областями Византии, дойти до Средиземного моря, основаться в Египте. Отвоевать занятую персами территорию империя смогла лишь накануне того, как эти области стали достоянием арабов.

Во второй половине VI в. Византия пыталась обойти Иран и дипломатическим путем. Армении постоянно оказывали покровительство, но не раз предавали ее интересы и обманывали ее. Империя подкупала и заключала договоры с аланами и сабирами, которые также быстро меняли свою ориентацию, так что полагаться на них было невозможно. Наконец, особенно настойчиво Византия стремилась заключить союз и втянуть в коалицию против Ирана тюркский каганат. Здесь были затронуты и экономические интересы: необходимо было взять в свои руки торговлю шелком и освободиться от персидских купцов, которые наживались на посреднических сделках с согдами и ромеями. Но и это плохо удалось Византии.

Царствование Тиверия было непродолжительно; он заболел меланхолией и, не имея наследника, поспешил устроить помолвку дочерей — Константины с Маврикием, а ее сестры — с Германом, и обоих зятьев сделал кесарями.

14 августа 582 г. Тиверий умер. Накануне, по его приказу, „венец и бармы“ византийских императоров были возложены на Маврикия.

МАВРИКИЙ (582—602)

Империя оказалась в руках человека ограниченного ума и негосударственного склада. Происходя из каппадокийского рода города Аробиссуса, Маврикий, в ущерб политическим интересам, покровительствовал родственникам и родному городку. Личные мужество и храбрость, несомненно, принадлежали к числу его достоинств. Военный опыт он приобрел в войне с персами. При Тиверии он состоял комитом 15 000 войска федератов и вместе с Нарсаем, бывшим его ипостратегом, был послан на восток.[1] Но широких политических взглядов и государственной программы он не имел. Опасаясь за Италию, он мелочно ссорился с папой Григорием I, роняя, а не поднимая тем авторитет империи. В то же время Маврикий считал империю собственностью рода и был способен разделить ее на уделы и, раздав сыновьям и племянникам, совершить ее феодальный раздел. Таков был смысл его завещания.[2]

Узкие интересы семьи он близоруко предпочитал государственным интересам, стремясь каждому члену семьи доставить доходное место. Его исключительно многочисленное потомство вызывало скабрезные насмешки столичной толпы, распевавшей песенки, в которых его сравнивали с молодым петушком. Показное благородство покрывало его мелочность, узость, черствость и скупость. На него находили порывы покаяния; тогда он метался, просил поддержки у епископов, пустынников, сознавая свои преступления. Осенью 602 г.

[1] Theophanes. Chronographia, p. 251.

[2] Нельзя согласиться с неоправданной положительной характеристикой Маврикия, данной в книге Ostrogorsky. Geschichte des Byzantinischen Staates, München, 1940, p. 48.

он обратился письменно в монастыри, мучимый угрызениями совести. Его государственные промахи и политическая недальновидность усугублялись его личными недостатками, которые препятствовали хотя бы некоторому ослаблению общей напряженной ситуации.

Алчность и скупость Маврикия были известны всем, вызывая особенно резкие выступления населения против него. Хотя он и нашел казну опустошенной, а дворец „как бы выметенный метлой", он сумел наполнить свою сокровищницу за счет жалования войску, нарушения прежних законов о завещаниях, всякого рода конфискаций и изъятий. Он неоднократно допускал столицу жестоко голодать, спекулируя на государственном хлебе, привозимом из Египта. Войскам он сокращал жалование, что всякий раз вызывало волнения, взрывы открытого негодования и бунты. В один из таких моментов центурион Фока и был выдвинут солдатами, как выражавший их требования представитель.

В 599 г. Маврикий отказался выкупить 12 000 пленных, захваченных аварами, не пожелав потратить на это необходимых денег, чем усугубил ненависть к себе самых широких слоев населения.

Виднейший политический деятель этого времени, папа Григорий I, хорошо знал Маврикия, так как в 579 г. находился в качестве представителя папского престола в Константинополе. Он относился к нему отрицательно и даже приветствовал воцарение Фоки,[1] ожидая, что несправедливости Маврикия будут заглажены в новом царствовании. Однако мнение Григория I нельзя считать вполне объективным: папский престол по ряду вопросов не поладил с Маврикием. Претензии константинопольского патриарха на звание вселенского, с точки зрения Григория I, были несостоятельными. Одним из упреков, которые он делал по этому поводу, был тот, что главы константинопольской кафедры неоднократно были последователями и даже основателями еретических учений, поэтому они никак не могут претендовать на ту честь, которая воздается римскому папе.[2]

[1] Sancti Gregorii Papae I opera omnia. Patrologia latina, t. 77, col. 1281—1282. — Görres, Papst Gregor der Grosse und Kaiser Phokas. Zeitschr. für wissenschaftliche Theologie, t. 44, pp. 592—602.

[2] Patrologia latina, t. 77, col. 746.

Маврикий ставил епископов вопреки желанию Григория I, а потом требовал, чтобы папа принимал их в общение, как это было в 595 г. по поводу избрания Максима в Салоне, в Далмации.[1] Но наиболее резким было столкновение между папой и византийским императором по вопросу о лангобардах. Григорий I в своей кипучей деятельности выходил далеко за пределы чисто церковных интересов. Политический деятель выдающегося размаха, он во многом превосходил Маврикия, кругозор которого был не широк. Папа не только сумел поставить хозяйство непосредственно принадлежавших церкви угодий и патримониев, но стремился объединить и поддержать население Италии вообще, находившееся в бедственном положении, под постоянно повторявшимися набегами варваров. Несомненно и другое, — что римское духовенство, с его стройной организацией и экономически твердой основой, во многих отношениях превосходило бюрократическое управление Константинополя. Папская курия взяла на себя выгодную заботу о снабжении Рима хлебом. Распоряжался этим зерном Григорий, Маврикий же в конце 598 или в начале 599 г. приказал, чтобы все это зерно было передано представителю Равеннского экзархата Цириданy (Ciridanus). Это распоряжение, несомненно, должно было затронуть Григория не меньше, чем назначение нежелательных ему епископов. Но общие интересы папы превалировали над личными, и Григорий I обратился к Цириданy с письмом, прося, чтобы передача зерна происходила с должным вниманием и чтобы государственные интересы (utilitatem publicam) были соблюдены.[2]

В борьбе с варварами примитивные приемы обороны оружием уже не годились. Население Италии настолько тяжело страдало от нападений лангобардов, что Григорий считал необходимым принять срочные меры. Сосредоточенные в пределах Италии войска были недостаточны, настоящая защита организована не была, варварские дружины угрожали Риму.

Как и папа, Маврикий учитывал опасность нападений лангобардов на Италию, но он пытался справиться с ними руками франков. Между Маврикием и франкским королем Хильдебертом Австразийским происходил частый обмен посольствами в первые годы правления императора. Желая обеспечить себе возможность перевести войска на восток и предоставить Италии относительное спокойствие, Маврикий в 583 г. послал 5000 (по другим источникам 4000) золотом Хильдеберту.

[1] Письмо Григория I к императрице Константине. Patrologia latina, t. 77, col. 750.

[2] Patrologia latina, t. 77, col. 1245.

В Константинополе рассчитывали, что Хильдеберт прогонит лангобардов из Италии, и с этой целью в том же 583 г. было заключено с ним соглашение.[1]

Этот год был во многих отношениях труден для империи, так как аварский каган захватил города Сингидон, Виминакий и Анхиал. Послы Елпидий и скрибон Коментиол имели поручение уговорить кагана заключить перемирие. Согласие было куплено дорогой ценой: империя обязалась уплатить 20 000 золотом за этот мир.[2]

Франкский король золото, присланное из Византии, взял, но лангобардов из Италии не выгнал и войны с ними не вел. Дипломатические шаги Византии не увенчались успехом, и в 585 г. константинопольские послы дважды требовали с Хильдеберта обратно выданную ему сумму.[3] Не создав, таким образом, на западе должной защиты, Маврикий столкнулся с папой Григорием I, для которого после папского престола Италия и забота о ней, как опоре этого престола, была на первом плане.

Столкновения с Маврикием вызвали резкую характеристику Григория I, данную им этому императору в послании Фоке, с которым Рим поддерживал не только дипломатическую, но и дружественную переписку. Чего Григорий I не достиг с Маврикием, того он достиг с Фокой. Этот император соглашался на многие уступки, и его западная ориентация, несомненно, была вызвана волнением на востоке и отсутствием популярности в столице. Дружественные отношения с Фокой сложились и у преемника Григория I, Бонифация IV.

Неудавшиеся дипломатические попытки Маврикия побудили папу, несколько лучше него осведомленного в делах Италии, искать другого выхода. Дальновидный Григорий попытался

[1] Dölger. Regesten, p. 10.

[2] Theophanes. Chronographia, p. 253.

[3] Dölger. Regesten, p. 11.

стать на путь мирного соглашения с лангобардами и посредством христианизации примирить их с империей. Герцог Ариульф соглашался на положение федерата или сходное. Переговоры папы счел за вмешательство в сферу своих действий экзарх Италии, патрикий Роман, и сделал соответствующее представление императору. В Константинополе считали или делали вид, что считали, будто „наивный" Григорий стал жертвой „хитрости" Ариульфа. Папа ответил на упреки Маврикия чрезвычайно характерным посланием (595), в котором он указывал на то, что упрек в наивности, равносильной глупости, никак не может к нему относиться; что он страдает, видя, как его любимая страна делается достоянием варваров, облита кровью, потоптана; что „Италия, так сказать плененная под игом лангобардов" огорчает его в сильнейшей степени, как и брошенное ему обвинение в „фальши": Sed et hoc me vehementer affligit, quia ego unde crimen falsitatis tolero, inde Italia quotidie dicitur sub Langobardorum jugo captiva.[1]

Вопреки этому конфликту 595 г., соглашение с лангобардами было неизбежно. В 598 г. был заключен мир на три года, причем конунг Агилульф требовал на заключенном договоре подписи папы, ибо действительным вершителем судеб Италии, ее хозяином и господином был папа, и это знали одинаково хорошо как варвары, так и ромеи. Мир был непрочен, но за него надо было держаться. Время полного отрыва Италии от Константинополя был недалеко.[2] Империя принимала все меньше участия в обороне Апеннинского полуострова; все ее внимание сосредоточивалось на Востоке, куда оттягивались главные военные силы, даже вопреки славянской грозе на Дунае.

А Дунай представлял не мало опасностей. Все с меньшим правом можно было его называть границей империи. Аварам был отдан Сирмий, Сингидон. Славяне врывались крепкими дружинами и доходили до самой Долгой стены, при попустительстве аварского кагана, а то и по его наущению.

[1] Patrologia latina, t. 77, col. 766.

[2] Bury. History of the later Roman Empire, London, 1889, II, 152.— К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии. Москва, 1917, стр. 140. Иной взгляд высказал H. Grégoire в рецензии на книгу Острогорского, Byzantion, 1944, v. 16, f. 2, p. 551.

Последовательный анализ борьбы империи со славянами и аварами на Балканском полуострове был дан Васильевским Бюри, Успенским, Васильевым.[1] В связи с новыми данными сирийских хроник этот вопрос был затронут вновь.[2] Проблеме — империя и славяне — было уделено в последние годы большое внимание.[3]

Настоящее исследование ставит себе целью рассмотреть вопросы, касающиеся восточной политики Византии, ее столкновений с сасанидским Ираном, их взаимоотношений. При анализе этих связей и борьбы не отделимы явления социального порядка. Обострение классовой борьбы именно на востоке, осложненной религиозной и этнической рознью, в значительной степени решило международные судьбы империи, отдав ее в руки Ирану, а затем победоносному халифату.

ВОЙНА МЕЖДУ ИРАНОМ И ВИЗАНТИЕЙ В 583 — 590 гг.

На протяжении веков военные действия между Ираном и Византией не прекращались. Как и ряд его предшественников, Маврикий вступил на престол, имея известный военный и дипломатический опыт, приобретенный им на востоке. Его современник, сириец Иоанн Ефесский сообщает ряд подробностей о военных действиях под его командованием при императоре Тиверии, о которых имеются сведения и у греческих писателей того времени. Но они не дают возможности назвать Маврикия ни талантливым полководцем, ни способным дипломатом. Торжественный прием, оказанный ему в Константинополе весной 582 г., был не столько им заслужен, сколько выражал благоволение Тиверия.

Отсутствие дипломатических дарований у Маврикия сказалось в том, например, что он не сумел сговориться с начальником гарнизона крепости Хломар, безуспешно осаждав-

[1] Bury. History, II, pp. 114—142. — Акад. Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, стр. 386—406, 610—622.— А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, стр. 116, 169.

[2] Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, Л., 1941, стр. 91—108.

[3] Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Византийский сборник, Л., 1945, стр. 95—143. — Ф. М Рассейкин. Византия и славяне (Библиографический обзор за 1922—1938 гг.). Византийский сборник, Л., 1945, стр. 270—273.

шейся им в 580 г. Биган был персом, но христианином, однако ни для него, ни для епископа Хломара, посланного к Маврикию для переговоров, этот последний не нашел ни убедительных слов, ни обещаний.[1] Еще больший промах и политическая недальновидность имели место в другом случае. Совместные действия против Ирана со стороны Византии и арабов всегда были желательны для благоприятного исхода войны. В крепком роде гасанидов империя имела традиционную поддержку против персов, особенно полезную в борьбе с арабами княжества Хиры, находившегося под протекторатом Ирана. Но Маврикий рассорился с Мундаром, обвинил его в том, что он предупредил персов о приближении византийских войск, и персы успели разрушить мост через Тигр. Тем самым задуманный поход не удался, и прошедшим через пустыню арабским и византийским отрядам пришлось вернуться обратно.[2] Жалобы Маврикия на Мундара императору Тиверию привели к дальнейшим трениям. Мундар, обиженный, удалился со своим родом в пустыню, перестал блюсти интересы империи и несколько лет держался в отдалении. Только хитростью удалось его захватить и привести в Константинополь. Сыновья же его, мстя за отца, стали разорять византийские области.

Таким образом, Маврикий своей ссорой лишил империю дружественной поддержки арабов-гасанидов и даже вызвал с их стороны враждебные действия.[3]

Неспособный дипломат, Маврикий был мало популярен и среди войска. Он не умел ни поднять его боевого духа, ни развернуть удачного стратегического плана. Чем, кроме неспособности, можно объяснить его неудачи в дальнейшем? Когда Адорман разорял Месопотамию, Маврикий не сумел этого предотвратить или во-время притти на помощь. На Евфрате находились суда, нагруженные хлебом, заготовленным для византийской армии. Маврикий не отвел их своевременно в безопасное место и не создал им защиты. Поставленный

[1] Menander. Fragmentum, 57.—Müller. Fragmenta historicorum graecorum, t. 4, pp. 258—259.

[2] Ioannes Ephesius, 6, 16.—Simocatta, 3, 17, p. 146.

[3] Ioannes Ephesius. Historia ecclesiastica. Pars tertia, edidit E. W. Brooks. Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri. Series tertia, Parisiis, 1935, t. III, p. 312. Versio, interpretatus est E. W. Brooks. Lovanii. 1936, t. III, p. 237.

перед опасностью нападения персов, он сжег эти суда, затем поспешил с отборными отрядами за врагом к Калинику. Однако персы успели уже скрыться, захватив с собой всю добычу.[1] Победа при Телле-Константине, приписываемая Маврикию, фактически была достигнута благодаря личной смелости стратега Константина, как об этом рассказывает и Иоанн Ефесский.[2] Узнав, где находится в персидском войске военачальник Тамхосрой, Константин пробился к нему и поразил его насмерть. Среди персов наступило замешательство, которое дало победу ромеям.

Известно, что нельзя доверять льстивым характеристикам византийских хронографов. В большей степени доверия заслуживают сообщения Иоанна Ефесского, который рассказывает о скупости Маврикия, сократившего расходы по армии, что привело к недовольству, скоро сказавшемуся и на военных действиях. Относительное равновесие, едва достигнутое на востоке, и некоторый успех в битве при Телле-Константине были нарушены столкновениями с арабами.

Объединение арабских племен, тесный союз с Византией, установившийся к середине VI в., были разбиты враждой с гасанидами, разбоями, учиненными сыновьями Мундара, и общим распадением племен. Вся арабская группировка, тяготевшая к Византии, была размагничена, что неизбежно привело к укреплению связей между южноарабскими племенами и арабами, находившимися под протекторатом Ирана.

Когда Маврикий, вызванный в 582 г. в Константинополь, оставил войска, его заменил Иоанн, прозванный Мистаконом за свои длинные усы. Он был облечен званием магистра войск Востока (magister militum per Orientem), что было для него, до этого стоявшего во главе войск Армении, большим повышением в чинах.[3]

Столкновение находившихся под начальством Иоанна Мистакона ромейских полков с персидскими полчищами произошло при впадении реки Нимфия в Тигр. Во главе персидских войск стоял полководец, облеченный званием

[1] Simocatta, 3, 17, p. 146.

[2] Ioannes Ephesius, 3, 26; textus, p. 329, versio pp. 249—250.

[3] Simocatta, 1, 12, p. 64.—Higgins, M. The Persian War of the emperor Maurice (582—602). Part I. The Chronology, with a brief history of the Persian Calendar. Washington, 1939, p. 72.

хардарига (Χαρδαριγάν), как объяснял это слово Симокатта, лишний раз обнаруживая свою осведомленность в персидских делах и языке.[1] Ромейские войска были распределены на три ссновные группы: средней командовал сам Иоанн Мистакон, правое крыло было в распоряжении ипостратига Курса, левое—Ариульфа.[2] Натиск византийских войск, под давлением которых персы дрогнули, оказался недружным, так как Курс, завидуя Иоанну, не двинул своих частей вперед. Сопротивление персов перешло в наступление, ромеи стали отступать. В окружающих горах их стала преследовать персидская конница, и битва была ими проиграна.

Более того, персы осадили крепость Афумон (τό 'Αφούμων φρούριον), расположенную несколько восточнее верхнего течения Тигра.[3] В противовес этому, византийские войска перешли Нимфий и осадили Окбу, расположенную на высокой и недоступной горе и служившую опорной точкой в предшествующих операциях, но безуспешно. Осажденным в Окбе поспешили на выручку персидские отряды, и ромеи потерпели новое поражение. При отступлении многие из них погибли в Нимфии.[4] Никаких дальнейших походов Иоанн не предпринял, и армия оставалась в бездействии.

В год консульства Маврикия, после 14 августа 583 г., во главе восточных армий был поставлен зять императора Филиппик, женатый на его сестре Гордии.[5]

Филиппик укрепил Монокарт, крепость расположенную близ возвышенности 'Αϊσουμα ὄρος, известной под именем Караджа-даг, с которой берет начало река Хабор и мелкие притоки Тигра. Возвышенность эта тянется на юго-запад от Амида и на север от Теллы-Константины.[6] На правом берегу Тигра, несколько южнее Амида, Филиппик занялся укреплением селения Кархароман. Καρχαρωμᾶν, несомненно, представляет собою транскрипцию сирийского названия »римская крепость" (karka romiae), которая, вероятно, была

[1] Simocatta, 1, 9, p. 55; 1, 12, p. 62.—Theophanes, p. 253.
[2] Simocatta, 1, 9, p. 56.
[3] Ibid., 1, 12, p. 62.—Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches, Bruxelles, 1935, карта I.
[4] Simocatta, 1, 12, pp. 62—63.—Honigmann. Ostgrenze, p. 25.
[5] Simocatta, 1, 13, p. 64.—Higgins, pp. 72.
[6] Honigmann. Ostgrenze, карта I.

старым сооружением. Отсюда Филиппик двинулся на Майакарири (Μαϊαχαριρί), укрепление, расположенное в западной части возвышенности, образующей так называемую „гору Изала" ('Ισαλά ὄρος).[1] Его марш был вызван известием о движении персов под начальством хардарига, имевшего намерение пройти на гору Изалу между Амидом и Низибией через Майакарири. Майакарири — другое сирийское название, которое означает „холодные воды".

Предупредив персов, Филиппик вынудил их отступить и продвинулся дальше к реке Нимфию. С этих новых позиций он сумел нанести чувствительный удар персам и совершал набеги на персидскую провинцию Бет-Арабайе (Βεαρβαὲς).[2] Евагрий сообщает, что он „притеснял многих родовитых и знатных Нисибии и из числа других находящихся по сю сторону Тигра".[3]

„Притеснения" и дали результаты в виде богатой добычи, захваченной Филиппиком.[4]

Далее движение Филиппика было направлено на Сисавраны (в тексте у Симокатты ошибочно Σισαρβάνων) и Турабдин (Рабдай) с одной группой войск. Другая часть двинулась к Феодосиополю (Решайну) и дошла до реки Хабора. Поход этой части войск происходил по безводной местности, и она достигла намеченной цели с большими жертвами.[5]

Таким образом, Филиппик перешел от оборонительной войны к наступательной. В следующем, 584 году, он совершил набеги на Арзанену, но болезнь заставила его оставить действующую армию. Возложив командование войсками на ипостратига, гунна Аисиха, и на бывшего оруженосца императора, Стефана, имевшего чин тагмарха, Филиппик отправился лечиться в Мартирополь.[6] Между тем, персидские войска под командованием военачальника, носившего титул хардарига, двинулись к возвышенности Айзум, к укрепленному и обновленному Монокарту. Эта крепость, переименованная в Тивериополь, оказалась, однако, недоступной для персов, и, сняв осаду, они

[1] Simocatta, 1, 13 ,pp. 64—65.
[2] Simocatta, 1, 13, p. 65.—Honigmann, p. 25.
[3] Euagrius. The ecclesiastical history, 6, 3, ed. Bidez und Parmantier, p. 224.
[4] Ibid.
[5] Simocatta, 1, 13, pp. 65—66.
[6] Ibid., 1, 14, pp. 66—67.

только разрушили стоявший близ города храм Иоанна пророка, принадлежавший монастырю.[1]

Персы продолжали свое движение в направлении местности Зорбандон (τὸ Ζόρβανδον χωρίον) и через 8 дней вернулись восвояси.[2] Их походы носили, следовательно, характер случайных и кратковременных набегов.

К зиме 584 г. войска были отпущены на зимние квартиры, а Филиппик, находя, что он достаточно потрудился, направился „в Византию", т. е. в столицу, чтобы „приветствовать императора". Он стремился напомнить о себе при дворе, что было необходимо для его военной карьеры.

Ранней весной следующего, 585 г.,[3] Филиппик находился в Амиде, куда собралась с зимних стоянок армия. Сюда шаханшахом было направлено посольство для ведения мирных переговоров. Феофилакт Симокатта называет представителем персов Μεβόδης ὁ Πέρσης, считая это именем собственным. Мебод представляет собою извращенное „мобед", т. е. одно из высших жреческих званий на персидском языке. В том виде, как излагает речь посла Симокатта, она заносчива. По существу же Иран выставлял требование получать дотацию золотом, которую и ранее выплачивала Византия. В случае отказа шаханшах вновь угрожал войной, образно характеризуя ее словами ζωγράφος γὰρ τοῦ θανάτου ὁ πόλεμος — „ибо картина смерти — война". Филиппик ничего не ответил и закрыл заседание.[4] Через несколько дней его посетил епископ Нисибии, продолжая те же переговоры. Мирные предложения шаханшаха Филиппик направил в письменном виде императору, который их решительно отверг. Новое доказательство политической недальновидности Маврикия!

Филиппику было предложено вновь начать военные действия. Он двинулся из Амида в северном направлении и, достигнув летом 585 г. долины Солаха близ Дары, скрестил оружие с персами. Левый фланг был поручен Илифреду, дуксу (Симокатта пишет архонту) Эмессы и гунну Апсиху. Правой колонной командовал Виталий таксиарх, а средняя была под началом стратега Ираклия, отца будущего императора

[1] Simocatta, 1, 14, p. 67.
[2] Ibid., 1, 14, p. 67.
[3] Dölger, Regesten, p. 11, считает это 586 г.
[4] Simocatta, 1, 15, p. 68.

Ираклия. Такое деление было принято тактикой того времени.

Соответственно построились и персидские войска: правая часть находилась под началом названного выше Μεβόδης ὁ Πέρσης, средняя — под началом самого хардарига, левая — Афраата, племянника хардарига, сына его сестры.[1] Упорная и длительная битва закончилась перевесом ромеев и дала им возможность вступить в Арзанену. Бежавшее к Даре персидское войско было вынуждено уйти дальше, так как гарнизон этой маленькой крепости отказался открыть им ворота. За действиями персидских армий наблюдали византийские отряды под начальством Ираклия.[2]

Отряды Филиппика разоряли между тем Арзанену. Привычное к нападениям население попряталось в пещеры, но враги находили их и уничтожали.[3] Успехом битвы при Солахе Византия была обязана талантливому Ираклию; Филиппик несмотря на свое военное образование, имел меньше успеха. После Арзанены он попытался осадить крепость Хломар, но немногочисленные персидские войска, не представлявшие действительной угрозы, вынудили его отступить.[4] Он направился к крепости Афумону и в бегстве потерял свой обоз. В войсках началось брожение с момента, когда под Хломаром византийский лагерь был разбит на виду у персов. От Афумона Филиппик со своими отрядами переправился через Нимфий и затем вернулся к Амиду.[5]

Возвышенности Изалы имели большое стратегическое значение, к тому же они весьма плодородны и покрыты виноградниками и фруктовыми садами. Поэтому Византия делала усилия защитить гору Изалу и были укреплены ее крепости. Симокатта называет две из них — Фатах и Алейзас. Тут в 586 г. некоторое время находились и отряды Ираклия, которые от Таманона (Θαμανῶν) двинулись к возвышенности Малабаза (Μαλαβασῶν ὄρος), на левом берегу Тигра, на восток от впадения Нифмия в Тигр. Поход увенчался успехом: удалось захватить большое количество добычи, а область была предана

[1] Ibid., 2, 5, p. 78.
[2] Ibid., 2, 5, pp. 78—79. — Theophanes, p. 256.
[3] Simocatta, 2, 7, pp. 81—82.
[4] Theophanes, p. 256.
[5] Simocatta, 2, 9, pp. 86—88.

огню.[1] Ираклий вернулся со своими войсками в Феодосиополь.[2] Весной 587 г. войска были поделены Филиппиком между Ираклием, получившим две трети войск, и двумя другими военачальниками — Федором из Турабдина и Андреем, который был толмачом „сарацинских племен, что были подчинены ромеям". Ираклий захватил не названную источниками крепость в Иране, расположенную на высокой скале. Войска Федора и Андрея осадили крепости Матзарон и Беиудаес (вероятно, испорченное Бет иехудайе); первую разрушили, а Беиудаес захватили, поднявшись на его стены с помощью кольев.[3] При наступлении зимы Филиппик отправился в Константинополь, а стратегом поставил того же Ираклия.[4] Достигнув Тарса, он написал Ираклию письмо, советуя, чтобы тот передал командование войсками Нерсесу, эгемону Теллы-Константины, а сам отправился в свою родную Армению.[5] Причиной таких действий Филиппика было то, что ему в дороге уже стало известно, что он смещен и на его место назначен Приск.

Маврикий до 18 апреля 588 г. издал закон, сокращавший оплату и содержание войска: annona militaris должна была быть уменьшена на одну четверть.[6] Хотя Филиппик в последней летней кампании не принимал непосредственного участия, но он был в курсе настроения солдат и считал закон Маврикия опасным. Ожидая мятежа солдат, он не стал проводить этот закон в армии, тем более, что он не чувствовал себя прочным в занимаемой должности.

Теперь, когда Филиппик был смещен, он желал, чтобы смысл закона Маврикия стал ясным для войск и был открыто сообщен им, с тем чтобы его преемник был поставлен в трудное положение.[7]

Между тем, Приск прибыл в Антиохию, откуда послал войскам распоряжение собраться в Монокарте. Сам он двинулся

[1] Theophanes, p. 256.
[2] Simocatta, 2, 10, p. 89.
[3] Simocatta, 2, 18, p. 106. — Theophanes, p. 259.
[4] Simocatta, 2, 18, p. 109.
[5] Ibid., 3, 1, pp. 109—110.
[6] Higgins, p. 72. — Dölger, Regesten, p. 11, дает дату 30 марта 587 г. — Segré. The annona civica and the annona militaris, Byzantion, 1944, v. 16, f. 2, pp. 406—409.
[7] Simocatta, 3, 1, p. 110. — Theophanes, pp. 259—260.

в Эдессу, где встретился с Германом, стратегом Дамаска или „Финикии Ливанской", центром которой был этот город.

В Эдессе Герман пробыл лишь четыре дня и уехал оттуда в лагерь. Вслед за Германом отправился туда и Приск. В соответствии с принятым обычаем, едва было замечено приближение Приска, навстречу ему был послан отряд во главе с военачальниками. Всех раздражило, что Приск не приветствовал их спешившись, как это полагалось. Однако первые дни праздника пасхи прошли спокойно. Но когда царская грамота стала известна и весть о новом законе распространилась между всеми, волнение охватило войска (ἀναρχίας ἀκμὴ λαμβανεὶ τὴν πρόοδον).[1] Солдаты бросились к палатке Приска, взяв мечи и подбирая по дороге камни. Испуганный Приск схватил лошадь одного из всадников царской стражи и бежал в крепость Теллу-Константину, где ему пришлось лечиться от ран и тяжелых побоев, нанесенных камнями.[2] Из Константины Приск направил в лагерь епископа этого города и других лиц, чтобы уговорить солдат успокоиться, обещая просить императора изменить приказ. Желая найти „виновного" и направить гнев армии в другую сторону, Приск пытался обвинить во всем Филиппика, будто бы посоветовавшего Маврикию издать этот закон.[3] Но волнение не улеглось. Солдаты прогнали епископа, не желая слушать его увещаний; Германа, дукса Дамаска, вопреки его настойчивому сопротивлению и отказам, объявили стратегом. Выйдя из повиновения, солдаты стали грабить окрестное население, и угрожали с той же целью направиться в соседние города, от чего их с трудом удержал Герман. Войска низвергали статуи императора и обезображивали его портреты.[4] Приск, перебравшийся в Эдессу, не мог придумать новых мер воздействия и послал в лагерь епископа Эдесского, которого, однако, никто не стал слушать.[5] Между тем сами войска послали к Приску сорок пять депутатов. Ему удалось привлечь их на свою сторону, но когда они, в свою очередь, попытались переломить настроение воинов, те стали их „поносить"

[1] Simocatta, 3, 1, p. 110. — Euagrius, 6, 5, p. 225.
[2] Simocatta, 3, 1, p. 112. — Theophanes, p. 260.
[3] Simocatta, 3, 2, p. 112.
[4] Ibid., p. 113. — Theophanes, p. 260.
[5] Simocatta, 3, 2, p. 114. — Euagrius, 6, 6, p. 225.

и выгнали из лагеря. Пять тысяч человек двинулось с самыми воинственными намерениями на Эдессу. Приск вынужден был бежать в столицу, тем более что в это время прибыл в Эдессу Федор, сообщивший о скором прибытии Филиппика, вновь назначенного из Константинополя.[1]

Волнения в войсках были в Византии явлением обыденным, часто повторявшимся. На этот раз они начались на почве экономической. Однако движение, вызванное сокращением аннон, приняло и известный политический характер, так как было направлено персонально против Маврикия. Об этом свидетельствуют уже приведенные выше факты. К тому же Феофан утверждает, что войска давали „клятвы" в том, что не будут служить, пока царствует Маврикий — ὁ δὲ στρατὸς ὅρκοις κατησφαλίζετο μηδαμῶς ὑπὸ Μαυρικίου βασιλεύεσθαι.[2] Феофилакт утверждает, что воины (в Монокарте) не желали видеть своим военачальником возвращенного Филиппика и что они — ὅρκους τε διέθεντο μηδὲ τῆς ἐκείνου στρατιαρχίας ἀνέχεσθαι — „давали клятвы не терпеть его начальства".[3]

Несомненно, что наиболее действенным из всего предпринятого для успокоения войск было направление летом 588 г. к восточным войскам Аристовула, „куратора царских домов". Он должен был словами и деньгами, клятвами и дарами смягчить настроение солдат и добиться того, чтобы мятеж, перераставший в восстание, был подавлен — ὅπως ὅρκοις καὶ δώροις διαλύσῃ τὴν τυραννίδα.[4] Положение в провинциях Византии, пограничных с Ираном, стало напряженным. Персы безнаказанно переходили границу; византийские войска не только им не сопротивлялись, но, при полном отсутствии дисциплины, нарушали правила, беспорядочно передвигались, располагались, где хотели. И городам приходилось вести войну на два фронта: против внешнего врага и внутреннего — разорявших их своих же войск (διπλοῦς ταῖς πόλεσιν ὑπῆρχεν ὁ πόλεμος ἔκ τε τῶν οἰκειοτάτων καὶ τῶν πολεμίων ἐκτρεφόμενος τε καὶ λιπαινόμενος).[5]

[1] Simocatta, 3, 3, p. 115. — Theophanes, p. 260.
[2] Theophanes, p. 261.
[3] Simocatta, 3, 3, p. 115.
[4] Theophanes, pp. 261. — Simocatta, 3, 3, 115. — Higgins. p. 72. — Dölger, Regesten, p. 11, дает 587 г.
[5] Simocatta, 3, 3, p. 115.

Между тем военные действия со стороны персов не прекращались. Брожение в византийских войсках и восстание не могли пройти незаметно для персов. Они „радовались несчастьям ромеев" и смеялись над ними. Однако, нападение персов на Теллу-Константину окончилось для них, несмотря на разложение византийских войск, неудачей. Герман с тысячью воинов их отбил, а затем сформировал армию в четыре тысячи человек и сам вступил в персидские пределы, где действовал с успехом.

Добыча и дары, присланные с Аристовулом, несколько смягчили настроение войска. Относительно примиренная часть из них была направлена в Мартирополь, другая двинулась в пределы Ирана и возвратилась через области Арзанены и реки Нифмия обратно. За ними последовали персидские войска под командованием военачальника Марузы (ὁ Μαρουζᾶς ὁ τοῦ Περσικοῦ στρατηγός).

Жестокое сражение произошло у Мартирополя. Три тысячи персов было взято в плен, сам Маруза был убит в бою, и только около тысячи персидских солдат смогли спастись, бежав к Низибии. Захваченные у персов знамена (βάνδα) и голова Марузы в качестве трофеев были посланы Маврикию, хотя полное примирение между войском и императором едва ли было достигнуто.[1] Между тем наступила зима 588 г., а с ней и перерыв кампании.[2]

Филиппик, хорошо учитывая настроение войск, не решался к ним присоединиться и предпочитал оставаться в Иераполе-Мембидже, пережидая волнения. Другим лицом, на которое возлагали надежду успокоить смятенные войска, был Григорий, епископ антиохийский, к которому Маврикий обратился с письмом весной 589 г.[3] Григорий был в чести у войска, так как снабжал его деньгами и провиантом. Астерий, префект Востока, завидовал популярности Григория и возбудил против него облыжные обвинения. Григорий поехал в Константинополь требовать правосудия, был оправдан и избавлен от клеветы.[4]

Император возложил на него переговоры с войском, но

[1] Simocatta, 3, 4, p. 116; 3, 5, pp. 117—118.
[2] Honigmann. Ostgrenze, p. 27.
[3] Agapius de Membidj. Patrologia orientalis, t. 8, f. 3, p. 440.
[4] Euagrius, 6, 7, pp. 225—226.

Григорий по возвращении в Антиохию заболел и смог добраться только до Литарб,[1] находящихся в 300 стадиях (около 50 верст) от Антиохии. Сюда он собрал старшин войска и обратился к ним с успокоительной речью. Обращение Григория сохранили Евагрий и Никифор Каллист; дословно они не совпадают, но в основном содержание этой речи у обоих авторов одно и то же. Григорий ставил в упрек солдатам, что они преследуют своих офицеров, что они их ненавидят. Но епископ высказывал надежду, что их действия вызваны не „духом восстания", а дурным поведением их начальников, что они не будут вести войны против своего императора и своей родины.[2] Если эти слова и могли быть навеяны историкам последующими событиями, связанными с воцарением Фоки, то, во всяком случае, успех этого движения был в значительной степени подготовлен в предшествующий период. Мятежное настроение войска требовало, однако, других мер воздействия.

Общими усилиями враждебное отношение к Филиппику было смягчено, армия как будто согласилась вновь признать его главнокомандующим. Ему послали об этом уведомление в Тарс и вызвали его оттуда.[3]

К этому же времени относится еще одно событие.

При Хосрое Анушерване в 573 г. в Даре было захвачено большое количество пленных, которые были заточены в персидской крепости, известной под именем „замка забвения", о чем подробно рассказал Прокопий Кесарийский.[4] Относительно местонахождения этой крепости существуют расхождения: Симокатта называет Гилигерд (Γιλιγέρδων) в области Бизак, недалеко от города Бендосабейра (Βενδοσαβόρων), в котором, по моему мнению, следует видеть несколько видоизмененную транскрипцию Гундешабора. Оснований относить „замок забвения" к Nahr-Tire мало. Наиболее вероятно, что Гилигерд Феофилакта расположен в 10 милях от Шуштара, где

[1] Литарбы, el-Athreb. — Dussaud. La topographie historique de la Syrie antique et médiévale, Paris, 1927, p. 219.

[2] Euagrius, 6, 12, pp. 229—231. — Nicephorus Callistus, 18, 15.

[2] Simocatta, 3, 5, pp. 118—119. — Theophanes, p. 262.

[4] Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. Перевод С. Дестуниса, часть I, СПб., 1876, стр. 55.

находится одноименное селение и в настоящее время.[1] В этой крепости, кроме ромеев, были еще кадисеи, которых Феофилакт определяет как βάρβαρον δὲ τὸ φῦλον τῆς Μηδικῆς. Это известные кудишайе сирийских хроник. Общее несчастье сблизило ромеев с кадисеями. Услыхав о приближении византийских войск, они соединенными усилиями перебили стражу и вырвались из крепости. Ромеи поспешили достигнуть своих пределов.

К середине мая 589 г. относится взятие персами Мартирополя. Это оказалось для них возможным только благодаря тому, что недовольство в среде византийских войск не было изжито. Некто Ситта, один из мелких военачальников (δεκάδαρχος), находившийся в Мартирополе, был обижен своим начальником. Он перебежал к персам и предложил, чтобы 400 человек из них притворно перешли на сторону ромеев, что те и сделали. Попав в город, эти 400 человек сумели его захватить, открыв ворота своим войскам.[2] Лишь только об этом стало известно Филиппику, он двинулся с войсками к Мартирополю и разбил под ним свой лагерь. Но персы подтянули к этому важному, занятому ими, пункту свои силы, во главе которых находился полководец из знатной персидской семьи Сурен.[3]

В Мартирополь были направлены также отряды из персидской Армении, которыми командовал „стратег" Афраат. Благодаря таким большим силам персы в решительной битве под Майферкатом (Мартирополем) победили. Они окончательно сконцентрировали свои силы в одном важном стратегическом пункте и тщательно его оберегали.

Такая крупная потеря на востоке вызвала неудовольствие в Константинополе. Маврикий отставил Филиппика от должности и заместил его Коменциолом.[4] Под его командованием византийские войска столкнулись с персами в 589 г. у Сисавран, близ Низибии.[5]

[1] Marquart. — Messina. A catalogue of the provincial capitals of Eranšahr. Roma, 1931, p. 99. — Marquart. Südarmenien und Tigrisquellen, pp. 44—48.

[2] Euagrius, 6, 14, p. 231.

[3] A. Christensen. l'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1934, p. 98.

[4] Simocatta, 3, 5, p. 119.

[5] Honigmann. Ostgrenze, p. 27. — Higgins, p. 72.

Самого Коменциола постигла неудача: под ним был убит конь, Коменциол бежал с поля битвы со своим отрядом и добрался до Феодосиополя. Успех и победу византийскому оружию принесла стойкость Ираклия (отца императора Ираклия). Он приостановил бегство византийских войск и затем храбро ударил на персов. В битве Афраат был убит, персы бежали, ромеи победили. Тела убитых на поле битвы персов были ограблены, а когда забрезжил рассвет, византийские войска захватили и самый лагерь персов, в котором они нашли драгоценные пояса, тиары, оружие и знамена.[1] Остатки персидских войск бежали и скрылись в Низибии.[2]

Византийские войска вслед за тем обложили Мартирополь. Оставив там большое количество сил, другая их часть выступила в направлении к Окбе. Крепость Окба (Ὄκβα, иногда Акба) находилась на берегу реки Нимфия (Каллата) со стороны персов, на восток от Майферката (Мартирополя), которому она угрожала и против которого и была выстроена. В 583 г. она была разрушена, но персы отстроили ее вновь. В 589 г., при Коменциоле, она была вторично целиком разрушена византийскими войсками.[3]

Сравнивая тексты Табари в арабской и персидской версиях с тем, что дает Фирдауси, можно восстановить факты, известные тому основному источнику, к которому восходят эти авторы.

Против Ирана были двинуты враждебные войска с трех сторон. Коалиция возглавлялась, несомненно, Византией, унаследовавшей весь многовековой дипломатический опыт Римской империи. Войска ромеев на западной границе Ирана грозили перейти в наступление. С севера от Ардебильских ворот должен был двинуться хазарский каган со своими войсками. Это были группы тюркских, гуннских и других племен и народов, во главе которых становилась то одна, то другая орда, и ее имя присваивалось новому полукочевому государству. Но наибольшую опасность для Ирана представляли тюркские войска, перешедшие в наступление у Аму-дарьи и возглавлявшиеся каганом Шавой.

И, конечно, по попустительству Византии, со стороны Евфрата, из пустыни, „два молодых и гордых шейха“ — голубоглазый Амр и кривой Аббас, — выступили со своими отрядами, грабя и вымогая в ближайших им доступных областях Ирана.[1]

Оценка создавшегося сложного положения вложена в персидской версии Табари в уста великого мобеда, совета которого спрашивал Хормизд. Единственный страшный враг — тюрки у Аму-дарьи. Арабов можно было легко успокоить; им послали провиант и деньги, с тем чтобы они отказались от своих нападений и грабежей. Это был обычный и для Византии способ умиротворения своих воинственных соседей. С империей, по совету мобеда, следовало покончить миром — возвратить спорные города, захваченные при Хосрое Ануширване. Что касается „хазар“, с ними следовало разделаться решительным и быстрым ударом.[2] Более чем вероятно, что военные действия Ирана на Кавказе привлекли внимание Византии. Отсюда и возник сбивчивый и мало осведомленный рассказ Феофилакта о победе византийских войск над персидскими в 8-м году правления императора Маврикия.

По представлению Феофилакта, победоносные войска Бахрама после победы над тюркским каганом Шавой двинулись на Кавказ. Здесь они встретились с византийскими войсками, будто бы дошедшими до Ганзака (ἐπὶ τὸ Κάνζακον). Опытный полководец Роман с 10-тысячным войском двинулся на персов, оставив остальные войска в обозе. Персидский авангард, застигнутый врасплох, попал в ущелье, где был перебит. Другая часть персидских войск, преследуемая ромеями, спаслась в своем лагере. Затем оба войска вновь встречаются в Албании, в долине, образуемой рекой Араксом. Бахрам пытается применить ряд хитростей, но безуспешно. Роман поддерживает боевой дух войска. На пятый день войска сразились. Византийская армия победила и обратила персов в бегство. Множество из них было перебито и осталось на поле сражения в пищу диким зверям.[3]

В исторической правдивости этих сообщений Феофилакта, повторяемых Феофаном, сомневался проф. Ю. Кула-

[1] Simocatta, 3, 6, p. 120.
[2] Euagrius, 6, 15, p. 233.
[3] Ibid., 6, 15, p. 233. — Honigmann, p. 27. — Higgins, p. 72.

[1] Tabari, Nöldeke, p. 270.
[2] Tabari. Chronique, traduite sur la version persane par H. Zotenberg, t. II. Paris, 1869, p. 249. — Firdousi. Livre des roix, ed. J. Mohl, t. 6, pp. 568—569.
[3] Simocatta, 3, 7, p. 124. — Theophanes, p. 263.

ковский, так как географические указания Феофилакта сбивчивы.[1] В основе этого сообщения, я полагаю, лежали неотчетливые сведения о военных действиях персов против „хазар" на Кавказе, которые, несомненно, вызвали опасения Византии. Арабский извод Табари знает об опустошениях, произведенных в ближайших к Дербенту областях войском хазарского кагана.[2] Персы должны были дать им соответствующий отпор, как это предлагается и в советах мобеда, приведенных выше. Возможно, что эти факты и послужили канвой, на которой Феофилакт вышил рисунок победы ромеев в долине Аракса и проникновения их войск до Ганзака.

Главной опасностью для Ирана были, однако, как уже упоминалось, тюрки на северо-восточной границе, у Амударьи. За мир с гуннами персы выплачивали им сорок тысяч золотом, а когда власть в этих областях перешла к тюркам, эта дань продолжала ими выплачиваться. „Варвары", получавшие от персов деньги, драгоценные предметы, утварь, стали требовать увеличения дотаций. Но шаханшах на это не пошел, объявил тюркам войну и выиграл ее. С победой ему досталась большая добыча.[3]

Восточным авторам известно об этой войне гораздо больше как из традиции, восходящей к авторитету Хишама ибн Мухаммеда, так и из других источников, которые легли в основу сообщений Табари и получили художественную обработку в „Шахнаме" Фирдауси.

В 11-м году Хормизда, следовательно в 589—590 гг., против него выступил с 300 000 воинов тюркский каган, имя которого сохранилось как Шаба или Шава. Собираясь в поход, он послал „Хормизду и знатным персидским" вызывающее обращение, приказывая чинить и строить мосты на дорогах, по которым он войдет в Иран, а оттуда в ромейские земли.[4]

Против Шавы Хормизд послал полководца Бахрама бар Бахрамгушнаспа, имевшего прозвание Чобина. С ним была армия в 12 тысяч человек, состоявшая из зрелых мужей,

---

[1] Ю. Кулаковский. История Византии, т. II, Киев, 1912.
[2] Tabari, Nöldeke, p. 270.
[3] Simocatta, 3, 6, pp. 121—122.
[4] Tabari, Nöldeke, pp. 269—270.

набранных самим Чобином.[1] Это войско составляло главное ядро и было его опорой. Бахрам Чобин, талантливый полководец, живой, находчивый, лукавый, умный, сыграл выдающуюся роль в последующей истории сасанидского Ирана. Главной опорой персов был, как и прежде, Балк, где авангарду персидских войск удалось задержать движение тюрков. Когда войска Бахрама прибыли, произошел ряд сражений, из которых персы вышли победителями и захватили лагерь Шавы, известного в китайских анналах под именем Хаову. Нармуд, сын Шавы, пытался продолжать борьбу, но Бахрам подверг осаде крепость, в которой он спасался, и вынудил его сдаться.[2] Бахрам получил огромную и очень драгоценную добычу, только часть которой была караванами направлена шаханшаху.

Победы и слава Бахрама, скопление в его руках множества материальных ценностей, которыми он не был склонен делиться с Хармиздом, создали ему возможность претендовать на престол „царя царей".

---

[1] Tabari, Nöldeke, p. 270. — Chronique de Tabari, ed. par Zotenberg, II, pp. 256—257. — Mirhond. Histoire des rois de Perse de la dynastie des Sassanides, trad. par Silvestre de Sacy. Paris, 1893, p. 394.
[2] Tabari, Nöldeke, p. 272. — Firdousi, vol. 6, pp. 630—641.

ИРАН В КОНЦЕ VI в.

ВОССТАНИЕ БАХРАМА ЧОБИНА

В истории сасанидского Ирана восстание Бахрама Чобина представляет одну из наиболее интересных ее страниц. На рубеже V и VI вв. маздакитское движение потрясло державу персов; на некоторое время оно получило перевес, чтобы вновь уступить его реакционным силам. Движение это вызвало, однако, ряд реформ, проведенных в жизнь Хосроем Анушерваном, реформ, направленных к укреплению среднего и высшего землевладельческого слоя.[1] Положение сына Хосроя, Хормизда, оказалось не легким. Из того, что дают источники, можно заключить, что Хормизд оказался в конфликте с частью знати, пользовавшейся огромной властью, влияние и силу которой он стремился ослабить. Есть указания и на то, что Хормизд проводил мирную политику в отношении христианского населения Ирана, что также вызывало неудовольствие в господствующих высших кругах. Отрицательную характеристику Хормизду дают византийские писатели. Они ставят ему в упрек безрассудную гордость и высокомерие.

Анонимная сирийская хроника говорит, что Хормизда ненавидели знатные, что он „отягчил иго знатным и всему миру".[2] Табари приписывает ему хитрость и злобу, унаследованные от матери-турчанки, но считает его хорошо образованным, победоносным и славным царем, которому доставалось все, „к чему тянулась его рука".

[1] Н. В. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосроя Анушервана. „Вестник древней истории", М., 1937, т. I, стр. 143—153.

[2] Chronicon anonymum, ed. Guidi, p. 15; Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri. Series tertia, t. IV. Parisiis, 1904. — Н. В. Пигулевская. Анонимая хроника. Записки Института востоковедения АН, т. VII, стр. 63.

По свидетельству того же Табари, Хормизд стремился сократить влияние знати.[1] Он осудил или подверг наказанию 13600 человек из числа ученых, знатных и родовитых персов. Многих из них он подверг заключению, снизил их звания и чины. Его заботой было сблизиться с „простонародием" и добиться его расположения. Он благоволил рядовым воинам и был суров к высшим чинам.

Феофилакт, а вслед за ним Феофан говорят о жестокости и беспримерной скупости Хормизда, о казнях, которым он подверг знатных. Одни кончили свою жизнь в заточении, другие нашли могилу на дне Тигра. Самые войны он затевал с целью погубить персов этим путем и избежать их восстания.[2] Исключительно резкий и суровый тон Феофилакта был бы скорее уместен в персидской традиции, которая могла исходить от высших слоев, от пострадавшей от Хормизда знати. Он, очевидно, и получил свою информацию из этой среды, с которой византийские круги могли столкнуться в то время, когда Хосрой II находился в ромейских пределах и пользовался гостеприимством императора.

Источники как восточные, так и византийские, создают цельный и четкий образ шаханшаха Хормизда. Полутюрк, полуперс, живой, восприимчивый, лукавый и находчивый, он был воспитан и хорошо образован для своего времени. Его решительные действия в отношении знати были вызваны желанием освободиться от ее влияния и давления на все государственные дела. В войсках он преследовал ту же цель, сурово обходясь с высшими чинами. В отношении „слабых и бедных", которые представляют собою в источниках категории социального порядка, он был снисходителен. Иначе говоря, Хормизд стремился найти опору в более широких кругах своей державы. Казни и конфискации имущества „родовитых" создали ему славу скупого. Несомненно, и он, как его предки Балаш и Кавад I, вооружил против себя и жречество, так как среди подвергнутых наказанию названы и „ученые". Хормизд, не имея необходимой опоры в знати и жречестве, стремился найти ее в христианских кругах. И эта его попытка поддерживалась, в известной мере,

[1] Tabari, Nöldeke, p. 267.

[2] Simocatta, 3, 16, pp. 144—145. — Theophanes, pp. 263.

и сыном его Хосроем II Парвезом. Когда к Хормизду обратились „маги“ с претензиями на христианских клириков, он ответил им, что как его престол не может стоять на одних только передних ножках, подобно тому и его государство не может держаться на одних только исповедующих маздеизм. Всего удивительнее, что этот анекдот сообщен не христианской, а мусульманской традицией.[1]

Так, Хормизд искал поддержку в различных кругах, но ни знать, ни жречество не могли ему простить его крутых мер, и восстание Бахрама Чобина, начавшееся, как военный мятеж, получило их поддержку.

У Фирдауси Хормизд представлен как царь народа; все, что касается „бедных“, является для него первым и насущным делом.[2] Благодаря тому, что он в течение всего года переезжал с места на место, входил во все дела, ничто не могло от него укрыться, и он знал обо всем. Справедливость его решений была такова, что дехканы его благословляли.[3] Средний землевладельческий слой был той социальной группой, в которой шаханшах искал опоры в своих действиях, направленных против знати и части жречества. В этом отношении он продолжал внутреннюю политику своего деда Кавада, курс которой был взят на среднего землевладельца, получившего гораздо большее значение после маздакитского движения.

Подати в сасанидском Иране всегда взимались жестоко, но „скупость“, „отягчение ига“ и взимание податей в ущерб своим подданным ставились специально в упрек Хормизду. Эти упреки исходили, повидимому, из высших кругов и войска, так как о снисхождении Хормизда к низшим слоям данные сохранились. Общее неудовольствие вызывали длительные и кровопролитные войны, будто бы предпринятые им с целью погубить персов, чтобы они не восстали против него — καὶ πῶς κατηνάγκαζε Πέρσας ἐν μεγάλοις πολέμοις χωρεῖν, ὅπως διαφθαρῶσι καὶ μὴ κατ'αὐτοῦ στατιάσωσιν.[4] Несомненно, что его широкая и активная военная политика была связана с внутренними затруднениями и осложнениями в государстве.

[1] Tabari, Nöldeke, p. 268.
[2] Firdousi, t. 6, pp. 548—549.
[3] Ibid, t. 6, pp. 564—565.
[4] Theophanes, p. 263.

Что послужило непосредственным толчком к восстанию Бахрама Чобина, сказать трудно. Наиболее вероятно, что богатая добыча, доставшаяся победителю тюрок, была в значительной части им присвоена, а не доставлена шаханшаху.

Недовольный Хормизд отрешил его царской грамотой от звания, послал к Бахраму знатного вельможу (ἄρχοντί τινι) по имени Сарама, назначенного его преемником. Но Сарам был схвачен Бахрамом и растоптан большим слоном, которому он был брошен.[1] Конечно, нельзя отнести к числу достоверных фактов оскорбительную посылку женского платья Бахраму от шаханшаха. Такой же литературной обработкой следует считать и сообщение о письме Бахрама, в котором он обидно обзывает Хормизда „дочерью Хосроя“.[2]

Бахрам поднял мятеж, убеждая солдат в жестокости и жадности Хормизда, принял их присягу и намеревался низложить шаха. Началась война персов между собою — ἄρχεται δ'ἐντεῦθεν Μήδοις καὶ Μήδοις ὁ πόλεμος.[3]

Победитель тюрок вошел с ними в соглашение и, обеспечив таким образом себе тыл, двинулся в направлении столицы. Стоявшие близ Низибии персидские армии пришли в волнение. Двинувшись к городу, они вызвали к городским воротам одного из правителей Низибии, убили его, а голову послали царю Хормизду. Затем персы стали обмениваться между собой посольствами. Посланные от шаха к Бахраму начальники (οἱ ἡγεμόνες) переправились через Заб и были им приняты в его палатке в торжественной обстановке. Хормизд пришел по этому поводу в состояние сильного гнева[4] и назначил главнокомандующим, феруханом, Шахрбараза.[5] Шах приказал также освободить подвергнутого опале Задеспру, славного

[1] Simocatta, 3, 8, p. 127. — Theophanes, p. 263.
[2] Simocatta, 3, 8, pp. 125—126.
[3] Ibid., 3, 8, p. 125.
[4] Simocatta, 4, I, p. 150.
[5] Ibid. Звание ферухана соответствует на персидском языке званию магистра войск — το δ'ὄνομα [φεροχάνης] τὴν τοῦ μαγίστρου ἀξίαν τῇ Ῥωμαικῇ ἐνσημαίνεται γλώττῃ (Simocatta, 4, 2, p. 151. — Theophanes, p. 264).

Christensen (L'Iran, pp. 491, 493) указывает, что farrrurhv или farrukh является прилагательным от farr, диалектической формой от khvarr, что значит gloire, majesté — слава, величество. В этом он следует мнению Нельдеке. Tabari, Nöldeke, p. 292 (2).

военачальника, под командой которого находился гарнизон Мартирополя.

Войска двинулись навстречу Бахраму к притоку Тигра, Большому Забу, где находились войска Бахрама, прервавшие своим пребыванием здесь сношения между столицей и северными областями.

Правительственные отряды и восставшие встретились недалеко от Заба. Но Задеспра, вместо совместных с феруханом действий, перешел на сторону Бахрама. Послы, пришедшие к нему от правительственных войск, тоже не достигли никаких результатов и не поколебали настроения восставших. Бахрам умел вести пропаганду среди войск; он всюду напоминал об отрицательных чертах шаха и его расправах. Среди войск феруханa появился целый ряд перебежчиков, и настроение воинов потеряло свою твердость.[1] Поколебались и вождь дайломитов (делемитов, населявших южные области побережья Каспийского моря) Зораб (Ζοαράβ) и Сарам младший (Σαράμης ὁ νεός), бывший в то время оруженосцем стратега, а впоследствии телохранителем Хосроя. Зораб и Сарам убили феруханa, ограбили его и перешли к повстанцам. Шаханшах Хормизд был об этом поставлен в известность через пять дней. Он вернулся в Ктезифон и стал спешно собирать оставшиеся в качестве особой защиты войска, но они уже не могли быть ему опорой. В столице господствовали враждебные шаханшаху настроения. „Когда услыхали знатные столицы, которые тоже ненавидели Хормизда, о восстании Варахрана, они поклялись, согнали Хормизда с его престола, ослепили его и посадили на его место сына его Хосроя".[2]

Родственник по матери сына Хормизда Хосроя, Биндой, томился в тюрьме по распоряжению шаха. Его брат Бистам сумел освободить Биндоя, который был сыном одного из спахбедов — τὸν Ἀσπαβέδου μέν υἱόν; они подняли восстание и в третьем часу дня 6 февраля 590 г. ворвались во дворец. Хормизд сидел на престоле в золотой тиаре, украшенной жемчугом, смарагдом и другими драгоценными камнями. Он был одет в прекрасную тонкую одежду, расшитую и разукрашенную.

[1] Simocatta, 4, 2, pp. 151—152.

[2] Chronicon anonymum, p. 15. — Н. В. Пигулевская. Анонимная хроника, стр. 63.

Блеск золота и драгоценных камней слепил глаза смотревших на него. Но Биндой смело обратился к нему, понося и ругая его — ἐβλασφήμει ἐς τὸν Ὁρμίσδαν. Никто из окружавших не „защитил" его царского достоинства, никто не оборвал и не остановил его — μηδενὸς τοίνυν κατασυρίττονος Βινδόου. Более того, они сами набросились на Хормизда, а Биндой „в то время, когда все на него нападали", взял его за руку, свел с трона, обнажил его голову, сняв с него диадему, и отдал его страже, с тем чтобы его отвели в тюрьму.[1]

Братьям, которые произвели таким путем дворцовый переворот, сочувствовали массы народа — πλῆθος. Эти слова Феофилакта Симокатты послужили темой для вариации, данной Феофаном, что сыновья спахбеда „собрали множество крестьян и горожан" — συναθροίσαντες πλῆθος ἀγροίκων τε καὶ πολιτικῶν.[2] Хосрой, видимо, не проявлял инициативы, он был испуган, но Биндой „приказал" ему стать царем и занять престол своего отца. Хосрой принял клятву верности от окружающих и воссел на престоле 15 февраля 590 г.[3]

Не вполне ясна традиция относительно бегства Хосроя в Адербайган, которая в разные моменты засвидетельствована как в греческой, так и в арабской традиции. В одном случае сообщается, что Хосрой так испугался, услыхав, что отец его Хормизд лишился царства, что из тех мест, где он жил, бежал в Адербайган, но Биндой убедил его вернуться и принять власть над персидским государством.[4] Наиболее вероятно, что бегство Хосроя было вызвано тем обстоятельством, что ловкий Бахрам повел против него, как своего главного соперника, интригу. По персидской традиции, по распоряжению Бахрама еще до переворота были выбиты монеты с изображением Хосроя II и пересланы Хормизду, который на это разгневался. Испуганный наследник престола успел скрыться.[5] Табари в арабской традиции сообщает об этом иначе. Хосрой бежит в Адербайган в момент, когда угроза Хормизду со стороны восставших стала действенной и возросло неудовольствие в столице. В Адербайгане у него собрался ряд марзбанов

[1] Simocatta, 4, 3, pp. 153—154.

[2] Theophanes, p. 264.

[3] Simocatta, 4, 3, p. 154. — Higgins, pp. 26—27.

[4] Simocatta, 4, 3, p. 154.

[5] Tabari, ed. Zotenberg, II, pp. 268—269. — Firdousi, 6, p. 689.

и спахбедов, т. е. управителей и высших военачальников. После того как Хормизд был смещен ослеплен и брошен в тюрьму, Хосрой со своими сторонниками вернулся в столицу Ктесифон.[1] Таким образом, в смещении Хормизда непосредственного участия сын его Хосрой не принимал. Более того, Табари сообщает о переговорах отца с сыном, о советах Хормизда, о стремлении Хосроя быть мстителем за ослепление отца.[2]

На то, что и после смещения Хормизд пытался оказать влияние на судьбу своей державы и решить вопрос о престолонаследии не в пользу Хосроя, указывает Феофилакт Симокатта. Во всяком случае, Хормизд в тюрьме пользовался известными привилегиями, но едва ли ему была предоставлена возможность выступить с речью в собрании знатных Ирана — ἡ σύγκλητος τῶν Περσῶν.[3]

Речь эта представляет интерес с точки зрения оценки событий современниками и апологии, которую мог бы представить смещенный шаханшах. Основные моменты этой речи сводятся к следующему: нельзя попирать царские права и царское достоинство и покровительствовать восставшим. Хосрой имеет ряд недостатков, которые делают его не подходящими для замещения престола, поэтому он выдвигает кандидатуру его брата, который хоть и „брат Хосроя по плоти, но не брат по духу“. Наконец, Хормизд стремится защитить свои действия в качестве шаханшаха, указывая на положительные результаты правления — „тюрки, платящие дань“, дайломиты (οἱ Διλιμνῖται) сложили оружие и склонили выи „перед нами“ и, наконец, ромеи потеряли свои крупнейшие города и оплакивают отпавшие области.[4]

Ответ шаханшаху держит Биндой. Его речь, как и слово Хормизда, составлена Феофилактом по тому же принципу, по которому писал речи военачальников и императоров и Прокопий Кесарийский. Такие речи, монологи и диалоги, представляющие собою вымысел автора, — вариации на тему, но тему, данную историей. Речь Биндоя представляет собою совокупность мотивов, которыми руководилась группа знатных,

[1] Tabari, Nöldeke, pp. 273, 276.
[2] Tabari, Nöldeke, pp. 274, 277.
[3] Theophanes, p. 264. — Simocatta, 4, 3, p. 155.
[4] Simocatta, 4, 4, pp. 156—157.

сместивших Хормизда. Биндой считает неправильным изменять порядок престолонаследия, как того желает Хормизд, и выдвигать младшего сына на место старшего. Тюрки покорены не столько доблестью Хормизда, сколько доблестью персов и их военачальников, умиравших за родину.

Успехи персидского оружия он приписывает судьбе, которая способствовала тому, что ромеи потеряли города и селения, лишая таким образом Хормизда личных заслуг. Громадное богатство и множество „золота“ царской сокровищницы налицо, но громко раздаются жалобы со стороны городов, селений, деревень, крестьянских поселений, которые он обездолил, собрав с них деньги.[1] Уничтожающую критику Биндоя поддержал весь совет знатных, и Хормизд был осужден. Его подраставшего сына привели и убили у него на глазах. Мучительной смерти в его присутствии была подвергнута его жена, после чего он был ослеплен.[2] Не лишено основания соображение, высказанное Феофилактом, что опасения, как бы история Кавада не повторилась и чтобы Хормизд не мог бежать или действовать из заточения, побудили его ослепить. Хосрой, вступивший на престол, пытался смягчить положение отца в тюрьме, посылая ему еду и питье. О его попытках к примирению знают и восточные историки. Но в ответ Хормизд только бурно выражал свой гнев. Он был казнен — его насмерть засекли палками.[3]

Хосрой с первых шагов повел политику, направленную на смягчение отношений со знатью; он отпустил многих, томившихся в тюрьме по распоряжению его отца, и почтил „многим золотом“ наиболее видных и известных из персидской аристократии. Иначе говоря, он ориентировался на знать, на удовлетворение ее желаний, стремясь снискать ее расположение. Он делает попытки сговориться и с Бахрамом, посылает ему письмо, подарки (δώροις βασιλικοῖς), обещает ему второе после себя место (буквально — власть) в государстве (τὴν δευτέραν τοῦ κράτους ἀπονεῖμαι ἀξίαν) и полную личную безопасность.[4] Все это Бахрам презрел и ответил на все

[1] Simocatta, 4, 5, pp. 158 — 160.
[2] Simocatta, 4, 6, p. 160. — Theophanes, p. 265.
[3] Simocatta, 4, 7, p. 162. — Theophanes, p. 265.
[4] Simocatta, 4, 7, p. 162. — Tabari, Nöldeke, p. 274.

предложения дерзким посланием, в котором обращался к Хосрою без всякого титула. Наоборот, самому себе Бахрам дал самые изысканные звания: друга богов, победителя, врага тиранов — τυράννων ἐχθρός, начальника персидских войск — τῆς Περσικῆς ἀρχων δυνάμεως. Титул „враг тиранов“ обращает на себя внимание, как и определения οἰκονομικός, προνοητικός, πρᾶος, φιλάνθροπος. Первые два — „хозяйственный“, или „экономный“, и „предвидящий“ — противопоставлялись, очевидно, расточительности и неосмотрительности шахов, которым в противовес Бахрам хотел оттенить эти свои качества. Третий и четвертый из перечисленных терминов должны были говорить о его мягкости, доброте и человеколюбии — качествах, опять-таки несвойственных шаханшахам. Далее, он отрицает возможность какой бы то ни было поддержки Хосрою, так как благородные и почтенные не могут придти к соглашению с безродными и беспорядочными людьми. Поэтому он рекомендует Хосрою снять и сложить свой венец в святилище, а затем явиться к нему, Бахраму, с тем, чтобы стать правителем одной из провинций персидского государства (κλιματάρχης τῆς Περσικῆς πολιτείας).[1]

Если можно сомневаться в подлинности передаваемых Феофилактом писем, то самый колорит их имеет большой интерес; а тот общеизвестный факт, что Феофилакт располагал превосходной, исходящей из Ирана, традицией, придает им известную ценность.

На послание Бахрама Хосрой ответил, не выражая гнева: стремление склонить врага на свою сторону брало верх. Самому себе он приписывает все титулы наследственного самодержца и называет себя „царем царей, владыкой властвующих, господином народов, родоначальником мира (εἰρηνάρχος), спасающим людей, между богами человеком благим и вечным, между людьми явленным богом, преславным, победительным“ и т. д. Бахрама он именует стратегом персов и „нашим другом“ — Βαράμ, στρατηγῷ Περσῶν, ἡμετέρῳ δε φίλῳ.[2] На выпады в послании Бахрама он отвечает старой, неоднократно применявшейся дипломатической уловкой. Найдя в письме к нему, Хосрою, много несуразностей, он приписывает их не Бахраму, а высказывает предположение, что помогавший ему писать

[1] Simocatta, 4, 7, p. 163.
[2] Ibid., 4, 8, p. 164.

выпил много вина, впал в дурной сон, видел сновидения, которые и записал в грамоте. Хосрой настаивает на том, что он закономерно наследовал престол и в заключение старается задобрить Бахрама, называя его „наш лучший будущий союзник“ — ἐσόμενος ἡμῶν ἄριστος σύμμαχος.[1]

Если Симокатта, действительно, не располагал документами, то, во всяком случае, он изложил в письмах современную ему точку зрения на события, точку зрения, усвоенную в византийских кругах под влиянием персидских сторонников Хосроя. Нет сомнения, что в основе словесного состязания между Хосроем и Бахрамом, в форме писем или диалога, лежит историческая традиция, так как и арабы сообщают о споре между ними. И здесь Хосрой обращается к главе восставших с обещанием сделать его спахбедом всего Ирана, на что Бахрам отвечал оскорбительными словами.[2] Соглашения сторонами достигнуто не было, от дипломатических сношений перешли к военным действиям.

Лагерь Бахрама находился на Большом Забе. Хосрой стал стягивать к Низибии войска из Азербайджана и областей по Забу. Центральная группа войск находилась под началом Биндоя, правый фланг — под началом Сарана, левый — Замендена. Настоящего лагеря правительственная армия не разбила ввиду своего неблагоприятного расположения. На ночное время войска входили в город и прятались там. Бахрам же оградил свой лагерь валом, в соответствии с обычным приемом военного искусства того времени. В течение длительного времени военные действия с обеих сторон ограничивались лишь незначительными вылазками, которые облегчали предварительные передвижения. Но Бахрам сумел сделать удачное ночное нападение и нанести крупный урон войскам Хосроя. Другая часть войск ему изменила, перешла на сторону восставших и смешалась с ними.[3]

Хосрою оставалось только обратиться в бегство. Ему советовали бежать на Кавказ или спасаться в Атропатену. Но он принял решение двинуться в ромейские пределы через Перозшапор, Анат, Хит к византийской крепости Киркезиуму.[4]

[1] Simocatta, 4, 8, p. 165.
[2] Tabari, Nöldeke, p. 279.
[3] Tabari, Nöldeke, p. 280.— Simocatta, 4, 9, pp. 166—167.
[4] Chronicon anonymum, p. 16.— Simocatta, 4, 10, p. 168.

На достаточно далеком расстоянии, таком, что можно было десять раз метнуть камень, Хосрой послал вперед вестника сообщить о своей судьбе, о том, что он бежит к кесарю и ищет военной помощи у ромеев. Комендантом крепости Киркезиум был Проб, φρουράρχος, который и принял Хосроя с его женами и детьми. На следующий день Хосрой обратился к Пробу с просьбой передать императору его послание.

ХОСРОЙ В ВИЗАНТИЙСКИХ ПРЕДЕЛАХ

В ожидании ответа от императора Хосрой остановился в Эдессе, где ему был предоставлен роскошный дом.[1]

Возможно, что предварительные переговоры с Маврикием Хосрой повел еще раньше, через доверенного арабского шейха Джафнаха, находившегося под протекторатом Византии. Джафнах сообщил императору о положении шаха и передал ему послание Хосроя.[2]

К этому времени относится колоритный эпизод, сохранившийся в сирийской традиции. Находясь в Эдессе, Хосрой как-то заглянул во двор знатного богача Иоанна Расфайа и пленился красотой его дворца. Приглашенный к нему на пир, Хосрой пожелал, чтобы вино было ему поднесено женой Иоанниса, но она отказалась это сделать. Впоследствии Хосрой отомстил ей за презрительное отношение к себе жестоким заключением, в котором ей не давали сменить одежду и не резрешали мыться. Она умерла оттого, что ее заживо съели паразиты.[3]

Послание Хосроя к Маврикию было искусно составленным дипломатическим документом, в котором было много выспренних выражений и неопределенных обещаний, но ни одного реального обязательства. Хосрой льстиво называет Маврикия „мудрейшим царем"; решив просить помощи, он собирается провозгласить ромеев „спасителями" и „врачами" персидской державы — σωτῆρας καὶ ἰατροὺς τῆς Περσῶν πολιτείας.

[1] Agapius de Membidj. Patrologia Orientalis, t. 8, f. 3, p. 442.
[2] Agapius de Membidj, p. 442.
[3] Chronicon ad an. Chr. 1234 pertinens, ed. J. B. Chabot, § 87, p. 223. Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri. Series tertia, t. 14. — Michel le Syrien. Chronique, texte, pp. 390—391.

В то же время он старается не уронить значения и достоинства Ирана. Весь мир построен так, что смотрит двумя глазами; подобно этому существует и два государства — ромейское и персидское. Он жалуется на восстание Бахрама и говорит, что бежал в „ваше государство", чтобы просить военной и экономической поддержки. Подписывается он как сын и просящий пристанища — Χοσρόης ὁ σὸς νἱὸς καὶ ἱκέτης.[1] Однако одну уступку, которая засвидетельствовала бы его добрые намерения, было необходимо сделать немедленно — передать Византии Майферкат (Мартирополь), который осаждали ее войска. Шах послал в крепость вестников и уполномочил их главу, Мирагдуна, сообщить о той новой и сильной поддержке, которую он получил в Константинополе. Сообщение, что Хосрой будто бы одновременно тайно послан сказать гарнизону, чтобы они не сдавались, некоторые исследователи считают клеветой. Не потому, чтобы он был неспособен к лукавству, но в этот момент помощь Маврикия была ему в исключительной степени необходима. Хосрой отправил также своего дядю Бистама в Адербайган и в Армению требуя, чтобы они признали его своим владыкой.[2]

Бахрам, узнав о смещении Хормизда, „страшно гневался", но не потому, что он жалел о нем, а потому, что „не он [сам] выполнил это дело" и не мог поэтому использовать все последствия этого устранения; ему пришлось еще иметь дело с новым соперником, Хосроем.[3] Взяв над ним верх, Бахрам быстро освоился со своим высоким положением. Заняв Ктесифон, он заключил Биндоя в темницу, как сторонника Хосроя, его родственника, принимавшего активное участие в возведении его на престол. Часть знати он привлек на свою сторону дарами и подношениями. Он надел на себя царскую корону 9 марта 590 г., приурочив это торжество к празднику Навруза — новому году.[4] В Майферкат он послал приказ не сдавать ни в каком случае крепости ромеям, держаться крепко и не признавать Хосроя.[5]

[1] Simocatta, 4, 11, p. 171.
[2] Simocatta, 4, 12, p. 173. — Lebeau: Histoire de Bas-Empire. Nouv. édition par St. Martin. Paris, 1829, t. 10, p. 309.
[3] Chronicon anonymum, p. 15. — Н. В. Пигулевская. Анонимная сирийская хроника, стр. 63.
[4] Higgins. The Chronology of the Persian war, pp. 29, 73.
[5] Simocatta, pp. 4, 12, p. 173.

Еще весной 590 г. Маврикий распорядился, чтобы Хосроя приняли в Иерополе (Мембидже), но отказал ему в посещении столицы, Константинополя. Хосрой остался в Иерополе. Это было необходимо и потому, что Маврикий желал скорейшего наступления. Между тем, почти одновременно в византийскую столицу прибыло два посольства — от Бахрама и того же Хосроя. Бахрам желал, чтобы ромеи отказались поддерживать Хосроя, и за это уступал Низибию и области до Тигра — διασχυριζόμενος Νίσιβίν τε πόλιν παραδιδόναι Ῥωμαίοις καὶ τὰ ἄχρι Τίγριδος ποταμοῦ.[1]

Получив предварительную поддержку Маврикия, Хосрой должен был теперь дать более основательные и реальные обещания за помощь империи, которая могла склониться и к его сопернику, „тирану" Бахраму. Наиболее существенными уступками и обещаниями Хосроя было: передать ромеям Майферкат, Дару, уступить Армению — то, что послужило к раздору между державами, — и, наконец, заключить длительный мир.[2] Вопрос обсуждался в заседании сената. Маврикий стоял за поддержку Хосроя, но в сенате раздавались голоса, предостерегавшие против этого; высказывались сомнения в обещаниях Хосроя, опасались его хитрости и новых осложнений на восточной границе.[3]

Себеос сообщает о еще больших уступках, сделанных Хосроем Византии: он отказывался в своем обращении к Маврикию от Сирии (разумеются некоторые области Междуречья), Арвастана до города Низибии; в Армении — от области Танутеракана до Арарата и города Двина, от нескольких других областей и от Грузии до Тифлиса (Tphxis). Кроме того, он обещал хранить мир.

Точка зрения императора восторжествовала.[4] Шаханшах в специальной грамоте подтвердил свои обещания, и дело было окончательно решено в пользу шаханшаха. К нему было отправлено посольство и посланы обратно знатные персидские пленники, среди которых известны имена Самена и Хосройпероза.

[1] Simocatta, 4, 14, p. 180.
[2] Ibid, 4, 13, p. 177.
[3] Jean de Nikiou. Chronique, éd. par Zotenberg. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, t. 24, p. 528. — Sebèos. Histoire d'Heraclius, trad. par F. Mlacer, Paris, 1904, p. 15.
[4] Sebèos. Histoire d'Heraclius, p. 15.

Из Мембиджа Хосрой и глава византийского командования (магистр армии) Коменциол направились к Телле-Константине, куда прибыли вслед за ними два епископа, Домициан Милитенский и Григорий Антиохийский. Им, по всей вероятности, дано было деликатное поручение обратить Хосроя в христианство, на что он не согласился. Епископы передали ему царские дары и ответ на его повторное посольство.[1]

В отношении христианства Хосрой проявил своеобразную терпимость; как и отец его Хормизд, Хосрой покровительствовал и отдельным группировкам несторианского духовенства, о чем речь будет ниже. Возможно, что Маврикий желал воспользоваться этим положением, чтобы оказать влияние на христианскую церковь в Иране. Он высказал недовольство по поводу того, что Хосрой прибыл в византийские пределы не сопровождаемый „патриархом своего государства, особенно же потому, что мар Ишояб Арзенайский был мужем мудрым и одаренным".[2] Вероятно, в Византии учитывали новую возможность сближения и благоприятный момент для того, чтобы оказать давление на несториан.

Между тем, со стороны Бахрама был допущен ряд ошибок. Опасаясь враждебного отношения и выступления нескольких персидских военачальников, он заточил их в темницу.

Замерд и Зоанамб вместе с другими вошли в соглашение с Биндоем. При его поддержке они собрали целую группу и решились на переворот. Выбравшись из тюрьмы „во вторую стражу ночи", они ворвались во дворец к Бахраму, но последний был об этом заранее предупрежден. Вооруженная им стража после жестокого сражения победила и разбила восставших. Биндою удалось бежать к брату Бистаму, в Адербайган, где он стал успешно действовать в пользу Хосроя.[3] Византийский стратег Иоанн Мистакон, командовавший войсками в Армении, должен был действовать в контакте со сторонниками Хосроя и двигаться к Телле-Константине, где были сосредоточены главные силы под началом Коменциола.

[1] Simocatta, 4, 14, p. 179.
[2] Chronicon anonymum, p. 16. — Н. В. Пигулевская. Анонимная хроника, стр. 63.
[3] Simocatta, 4, 15, p. 181. — Tabari, Nöldeke, p. 282.

Низибия, один из крупнейших городов Передней Азии, был в центре внимания как сторонников, так и врагов Хосроя. Последний направил в город посольство, чтобы поставить его жителей в известность относительно дружественного союза его с Византией. Войскам Бахрама Низибия не соглашалась открыть свои ворота, так что он был вынужден оставить несколько отрядов неподалеку от нее, опасаясь потерять ее окончательно. Эти отряды удалось перетянуть на сторону Хосроя, и они двинулись от Низибии к Телле.[1] Солхан, занимавший положение главы города Низибии (πολιοῦχος), склонил в пользу Хосроя πάντα ἁπασαν Ἀραβίκν τὰς τε μέχρι Τίγριδος ποταμοῦ πρὸς τὸν Χοσρόην ὡς ἔστιν εἰπεῖν μετατίθησιν.

На сторону шаха перешла область Бет Арабайе до реки Тигра, одна из очень богатых и значительных областей Ирана.[2]

Для византийских войск неблагоприятно складывались обстоятельства у Мартирополя. Приставленный к Хосрою епископ Домициан занимался не только делами веры. Обвинив Хосроя быть может и несправедливо в тайном приказе не сдавать крепость ромеям, Домициан вынудил его послать новое распоряжение — сдать город войскам его союзников. Персидское командование выполнило этот приказ; главные его представители сами прибыли в Теллу, в том числе и Ситта, известный своей хитрой сдачей Мартирополя шаханшаху Хормизду. Епископ Домициан стал требовать от Хосроя наказания Ситты и, кстати, напомнил ему, что Ситта был другом Бахрама. Под давлением Византии Хосрой отдал Ситту Коменциолу, который подверг его жестокой казни: сжег его живым.[3] Насколько сильным было это давление, можно судить по тому, что Домициан угрожал Хосрою, что, в случае его отказа, византийским войскам будет дан приказ стать на сторону Бахрама и защищать его интересы. Домициан за все свои хлопоты был вознагражден тем, что сам направился в Майферкат, где совершил торжественное богослужение и приветствовал горожан пространной речью.[4]

[1] Simocatta, 4, 15, pp. 181—182.

[2] Lebeau (X, p. 315) и Ю. Кулаковский (II, стр. 439) ошибочно считают Αραβία — Аравией или арабами.

[3] Simocatta, 4—15, p. 183.

[4] Ibid., 4, 15—16, pp. 183—187.

Между тем, Бахрам продолжал сопротивляться византийским войскам. Он послал военачальника Мирадурина с большими силами в крепость Анат — ἐς τό Ἀναθῶν φρούριον, находящуюся близ Киркезиума, расположенного при впадении Кобура в Евфрат. В Низибию им был направлен Задеспра,[1] который до этого находился при главнокомандующем, ферухане его войск. Находившийся в Низибии Солхан заковал послов Бахрама в цепи и послал их к Хосрою. Тому же Солхану шаханшах был обязан и захватом Задеспры, против которого он направил двух полководцев, Розана и Хормиздана, с конницей. Отряд его пошел на второй день в область Карка — δευτέρα δ'ήμέρᾳ ο Σαδεσπράτης ἐν τοῖς μέρεσι τοῦ Χαρχὰς παραγίνεται.[2]

Мне представляется, что в основе этого сообщения Феофилакта, которое имеется и у Евагрия, лежит восточная традиция, в которой имелось сирийское слово „карка", греческое Χαρχὰς (Феофилакт) или Χάρχας.[3] „Карка" по-сирийски значит крепость, или укрепленное место, город; слово это сохранилось как часть названия некоторых городов, например, Карка-де-бет-Селох, Карка-де-Ледан и др. Дальнейший текст подтверждает мое предположение, называя Карку фрурией с многочисленным населением — πολύανδρος.

Схватка произошла ночью; отряд Розаса ворвался в крепость, перебил гарнизон. Задеспра был схвачен и убит, а голова его была послана в Низибию Солхану. Последний, в свою очередь, переслал ее в качестве трофея Хосрою в Теллу-Константину в феврале 591 г.[4]

Старания обратить Хосроя в христианство привели к некоторым результатам. Так, у Евагрия, приводится текст его послания при золотом кресте, ex voto мученику Сергию (Саргису), весьма чтимому на Ближнем Востоке, останки которого находились в Русафе или Сергиополе. В упомянутом послании, текст которого приводит Евагрий, имеется дата, когда именно Хосрой получил голову Задеспры, что существенно для общей хронологии событий — καὶ τῇ ἑνάτῃ φεβρουαρίου μηνὸς τὴν κεφαλὴν τοῦ Ζαδεσπρὰμ ἤνεγκεν ἐπὶ ἡμῶν. Это —

[1] Ζαδεσπρα, Ζαδεσπράτης. Simocatta, 4, 2; 5, 1.

[2] Simocatta, 5, 1, p. 189.

[3] Euagrius, 6, 21, p. 235.

[4] Simocatta, 5, 1—2, p. 190.

девятое февраля; оно падает на первый год царствования Хосроя — ἐν τῷ πρώτῳ ἔτει τῆς βασιλείας ἡμῶν — и, следовательно, отвечает 591 г. н. э.[1]

К тому же году относятся волнения в отрядах Бахрама, посланных им в Анат. Солдаты — ἀναιροῦσι τὴν ἡγεμόνα, убили Мирадурина, а голову его послали к Хосрою.[2]

Между тем, Хосрою пришлось обратиться к Маврикию с новыми просьбами в связи с тем, что военные действия со стороны византийских сил были недостаточно активны для успеха его дела. Хосрой просил прислать большую сумму денег; он брал ее заимообразно, обещая вернуть после того, как укрепится на престоле отцов. Кроме того, он желал, чтобы Маврикий сменил военачальника, так как он с Коменциолом не поладил. Император удовлетворил его просьбу: прислал ему денег, а командование восточными армиями передал Нерсесу, отозвав Коменциола. Михаил Сириец утверждает, что Хосрой получил 40 кентенариев золотыми дариками.[3]

Весной того же года новый военачальник передвинулся вместе с Хосроем в Мардин (Μάρδης), расположенный недалеко от Дары, которая, в свою очередь, была ближайшим стратегическим пунктом к Низибии. В Мардин к шаханшаху стали прибывать посланные различных персидских областей, в том числе Арабайи. Дары и подношения Хосрой распорядился охранять, вернее — дать на хранение в ромейские крепости. К нему прибывали также персидские отряды, отдельные люди из Парса, Испагани и Хорасана.[4]

Следующим этапом для движения византийских и персидских войск Хосроя была Дара. Засевшему в ней персидскому гарнизону шаханшах приказал сдать крепость ромеям, которые в нее и вошли. В Даре Хосрой, повидимому, желая продемонстрировать свое отношение к христианству, въехал в церковь на коне. Его заставили ее покинуть, а Хосрой оправдывался незнанием христианских обычаев.[5] Возможно,

---

[1] Euagrius, 6, 21, p. 235.
[2] Simocatta, 5, 2, p. 191.
[3] Michel le Syrien, p. 386, средняя колонна.
[4] Tabari, Nöldeke, pp. 285—286.
[5] Simocatta, 5, 3, pp. 192—193.

что рассказ этот с начала до конца вымышлен; если же это не так, то в действиях Хосроя следует видеть известную демонстрацию: он отдавал обратно завоеванную персами крепость, и это его унижало; своим поступком он хотел, очевидно, указать на некоторую свою независимость, самостоятельность. Этот акт мог прекрасно сочетаться с подношениями церкви; одно другому в представлении шаха могло не противоречить.

На шестой день пребывания в Даре Хосрою были поднесены дары от императора: пояс, тиара, усыпанные драгоценными украшениями, предметы обстановки и, наконец, присланная Маврикием его собственная стража. Со своей стороны, шаханшах направил в Константинополь с доверенным лицом, знатным Долабазом, ключи от Дары и письменное подтверждение прав Византии на эту крепость.

Маврикий богато одарил посла и „назвал Хосроя своим сыном“ — παῖδα Χοσρόην ἀποκαλῶν.[1] Под 6081 г. Феофан пишет: τούτῳ τῷ ἔτει τεκνοποιηθεὶς ὁ βασιλεὺς Μαυρίκιος Χοσρόην τὸν βασιλέα Περσῶν. Это „усыновление“ персидского царя византийским императором было дипломатическим шагом, имевшим немалое значение.[2]

Дара становилась штаб-квартирой, поэтому Хосрой распорядился перевести в сопровождении специального отряда свой гарем, жен и детей, в надежную крепость Сингару (Синджар)[3] в области Бет Арабайе, которая считалась неприступной. Из Дары союзные войска двинулись на Аммодий, расположенный на юг от нее, где епископ Домициан простился с войсками. Его пространная речь у Симокатты не автентична, но ее содержание указывает на заинтересованность византийских кругов в движении на Иран.

Далее, войска дошли до реки Мигдонии (на которой расположена Низибия); часть осталась здесь в лагере, а отряд Сарама двинулся вперед, заготовляя все необходимое для остальных. Наконец, были достигнуты берега Тигра. Войска двинулись не спеша, ожидая подкрепления со стороны сил, расположенных в византийской Армении, двигавшихся для

---

[1] Simocatta, 5, 3, p. 194.
[2] Theophanes, p. 266.
[3] Honigmann. Ostgrenze, карта 1.

соединения с ними. Когда основные силы расположились на реке Забе лагерем, Бахрам направил сюда отряд, возглавленный военачальником Бризакием, которого удалось захватить в удачной ночной операции. На пиршестве, которое устроил Хосрой византийским и персидским военачальникам, он приказал убить Бризакия, а на следующее утро его войска перешли Заб.

Мебод (Μεβόδης ὁ Πέρσης), сопровождавший со своим отрядом гарем Хосроя в Синджар, двинулся оттуда, как было установлено, на столицу Ктезифон с тем, чтобы захватить возможно скорее богатства царской сокровищницы. Перс, поставленный во главе ее охраны Бахрамом, бежал, испугавшись угроз. Часть персидской знати также покинула столицу и двинулась в близлежащую Антиохию, отстроенную византийскими пленниками по приказу Хосроя Анушервана наподобие Великой Антиохии. Войска окончательно захватили административный центр Ирана и казну шаханшахов. Хосроя утвердили во власти и послали ему об этом весть. Возвращение представителя сасанидской династии на престол вызывало страх в кругах, которые в той или иной степени были связаны с Бахрамом. Чтобы привлечь на сторону Хосроя население и успокоить его, военачальник, именуемый Мебодом, отправил в Антиохию персидскую особое послание, текст которого приводится Симокаттой, с утверждением, что он ему был хорошо известен.[1] Но жестоко поплатились евреи, которые субсидировали Бахрама, давали ему взаймы средства и поддерживали его; с ними расправились с исключительной суровостью.[2]

Между тем, войска Хосроя продолжали свое продвижение по реке Забу; основные силы, возглавлявшиеся военачальником Нерсесом, достигли так называемого „климата Хнатайс". Тагматарх Коменциол командовал правым крылом; он, по заданию Нерсеса, с тысячью всадников должен был укрепиться на берегах реки второго Заба — τοῦ ἑτέρου Ζάβα ποταμοῦ, т. е. Малого Заба.[3] Бахрам, несомненно, талантливый полководец, приказал занять переправу, послав туда необходимые отряды. Другой его стратегической задачей было препятствовать воз-

[1] Simocatta, 5, 6, p. 200.
[2] Ibid., 5, 7, p. 201.
[3] Ibid., 5, 8, p. 202.

можности соединиться отрядам, двигавшимся во главе с Иоанном Мистаконом с севера из Армении, с армией, которой командовал Нерсес. Последний, имевший превосходный боевой опыт, был осведомлен о движении и направлении сил Бахрама и, воспользовавшись другой переправой, перешел реку Заб в „область нанизенов" — εἰς τὴν τῶν Νανισηνῶν χώραν. Речь идет о народе, населявшем берега Заба, который в некоторых списках Симокатты называется областью анизенов — Ἀνισηνῶν.[1] Ночью Нерсес сделал со своими войсками переход, чтобы соединиться с полками Иоанна Мистакона, и на утро Бахрам должен был убедиться, что его попытки предотвратить этот шаг были тщетны. Тем не менее осторожный и опытный главнокомандующий поджидал прихода других отрядов и не разрешил стремившемуся в бой Иоанну выступать. Соединение всех персо-византийских войск поставило Хосроя во главе 60 000 войска.[2] Бахрам располагал войском лишь в 40 000 человек. Войска Хосроя в той же численности фигурируют и у Табари, который сообщает, что Маврикий послал ему в помощь своего „брата Феодосия с 60 000 воинов". Всем же делом руководил муж по имени Сергий.[3] По поводу имени последнего Нельдеке сделал остроумную догадку, что это имя чтимого на Ближнем Востоке святого, которому Хосрой посылал ex voto. Оно ошибочно стало именем командующего войсками. Не было у Маврикия и брата Феодосия, а был сын, который в войне на востоке не участвовал.[4] В дальнейшем изложении Феофилакта Симокатты подчеркиваются преимущественные достоинства византийских войск перед персидскими. Из приводимых им подробностей можно предположить, что командование византийских и персидских войск сохраняло свою самостоятельность, хотя общие приказы исходили от главнокомандующего и шаха. Дисциплина в персидских войсках представлялась Нерсесу минимальной, а самые воины казались „варварами"; во время боевых действий они поднимали страшный шум и крики, тогда как византийские войска шли

[1] Simocatta, 5, 8, p. 203. — V. Minorsky. Roman and byzantine campaigns in Atropatene. Bulletin of the school of Oriental and African studies University of London; 1944, v. 9, pp. 2, 244.
[2] Ibid., 5, 8—9, pp. 203—204.
[3] Tabari, Nöldeke, p. 284.
[4] Ibid., p. 284.

молча и организованно. Того же требовал Нерсес от персидских войск Хосроя. Соединенные силы построились так, что центр занимали шаханшах и главнокомандующий, правую персидскую колонну возглавляли Мебод и Сарам, левым флангом, где были сосредоточены армянские войска, командовал Иоанн Мистакон.[1] Такое расположение войск подтверждается и сведениями, сохранившимися у Фирдоуси.[2]

Бахрам пытался сговориться со знатью Армении, находившейся в рядах объединенных войск и возглавлявшихся Мушегом, но оба его послания не достигли цели. О его предложениях опасались даже распространяться, чтобы не вызывать разногласий. Последнее было весьма характерно для общего состояния Армении.[3]

Из войска Бахрама 500 человек перешли на сторону Хосроя. Сам Бахрам Чобин не принял боя; он двинулся в сторону и обосновался на гористом месте, где его трудно было атаковать. При создавшемся положении Нерсес не находил нужным его атаковать, чем вызвал неудовольствие Хосроя, который заставил персидские войска перейти в наступление. Жестокий урон был, повидимому, нанесен обеим сторонам, так как только вмешательство византийских полков предотвратило гибель отрядов Хосроя. Но и Бахрам после нанесенного удара двинулся в отдаленные нагорные местности, находящиеся около Ганзака. Следовать за войсками Бахрама было трудно, но соединенные силы все же двинулись за ним. Он менял направление и располагался лагерем в разных местах, чтобы утомить врага. Наконец, византийские войска достигли реки Бларата, куда их привело преследование Бахрама.[4] Здесь они расположились лагерем на Бларате, сохраняя прежнее распределение и командование силами. На следующий день они расположились в боевом порядке, готовясь к сражению.[5] Войска Бахрама тоже приготовились к бою. Главные его силы составляла конница, но, чтобы устрашить врага, он выстроил перед конными полками слонов — ἐλέφασι

[1] Simocatta, 5, 9, p. 205.
[2] Firdousi, ed. Mohl, t. 7, p. 157.
[3] Sebèos. Histoire, 3, pp. 19—21.
[4] V. Minorsky. Roman and Byzantine campaigns in Atropatene pp. 247—248.
[5] Simocatta, 5, 10, p. 206.

τοῖς Ἰνδικοῖς θηρίοις. „Индусские животные" управлялись наиболее храбрыми и мужественными воинами. Напор персов Бахрама был направлен на правый фланг соединенных войск, где стояли персидские силы Хосроя под началом Мебода. Последние дрогнули, но им была оказана поддержка со стороны византийских частей, посланных Нерсесом. Тогда Бахрам двинулся на центральную часть, в расположение собственно ромейских войск, которые не только выдержали и отразили атаку, но и сами перешли в наступление. Под командой Нерсеса персам Бахрама было нанесено поражение, значительная часть их была перебита, другие искали спасения в бегстве.[1] Особенно упорное сопротивление оказала группа в шесть тысяч, которая отстаивала себя сначала в лагере, а потом пыталась бежать, но была захвачена византийскими войсками. Живых перебили: одних поразили стрелами, а других потоптали слоны.[2] В состав войск Бахрама в качестве союзников входили тюрки. Захватив их в плен, Хосрой послал их в дар Маврикию. Тюрки эти имели на лбу знак креста, который им начертали их матери. Этот христианский знак они переняли от каких-то христиан, чтобы предохранить себя от заражения чумой, которая была распространена у „восточных скифов".[3]

Лагерь Бахрама был захвачен и разграблен; палатки жен с детьми, как и все драгоценности, были переданы Хосрою. С восходом солнца было совершено нападение на ту часть войск Бахрама, которая отступала на слонах; они были схвачены, а слоны живыми приведены к Хосрою.

Бахрам с оставшимися десятью тысячами отступил в центральные области Ирана. За ним были посланы силы, возглавленные Бистамом и Марином, действия которых существенных результатов не дали. Война заглохла и прервалась.[4] Бахрам бежал в Хорасан, а затем двинулся еще дальше, к тюркам.[5]

Главная масса персо-византийских войск оставалась у поля битвы, но разложение трупов и всякого рода инфекции заставили их покинуть эти места и двинуться к городу

[1] Sebèos. Histoire d' Heraclius, 3, pp. 21—22.
[2] Simocatta, 5, 10, pp. 207—208.
[3] Ibid., 5, 10, p. 208.
[4] Theophanes, p. 267.
[5] Tabari, Nöldeke, p. 287.

Ганзаку. Здесь Хосрой устроил пир ромейским военачальникам, ознаменовав этим победу. Затем византийские войска были им отпущены, но для своей личной охраны он просил прислать ему отряд в тысячу „тяжеловооруженных“ в качестве его личных телохранителей.[1]

Престол царя царей вновь принадлежал представителю династии сасанидов. Но опытный и осторожный Нерсес желал еще раз напомнить о значении византийского оружия и обратился к шаху со словами: „Помни, Хосрой, настоящий день. Ромеи даровали (χαρίζονται) тебе царство“.[2]

„Хвастовство“ ромеев, по всей вероятности, послужило поводом для того, чтобы в арабо-персидской традиции решительное поражение войск Бахрама было приписано только персидским войскам Хосроя, без участия византийских воинов и военачальников.[3] Самое имя магистра войск востока Нарсая сохранилось в измененной транскрипции Neïathous — Нерсес. Никакой исторической почвы нет в злой сплетне Иоанна Никиусского, что Хосрой хотел отравить ромейское войско после победы, и оно было спасено бдительностью Нерсеса. Этот рассказ основан лишь на ненависти византийских кругов к Хосрою II после его завоеваний.[4]

За помощь Византии Хосрой выплатил большие суммы и послал многочисленные подарки. Табари исчисляет количество денег, возвращенных им Маврикию и розданных воинам, в 20 миллионов дирхемов, что составляет около 9 миллионов золотых рублей.[5]

Фактически сумма, конечно, была меньше, но она, несомненно, покрывала все, что Маврикий прислал ему в долг для ведения войны, и он щедро наградил как византийских военачальников, так и рядовое войско. Михаил Сириец говорит, что „многочисленные подарки дал Хосрой ромейскому войску, которое ему помогло, и он дал каждому по 400 зузе и отпустил их“.[6] Все источники единодушны в том, что он

[1] Simocatta, 5, 11, p. 210.
[2] Theophanes, p. 267.
[3] Firdousi, t. VII, pp. 160—161, 164—165.
[4] Jean de Nikiou. Chronique, pp. 528—529.
[5] Tabari, Nöldeke, p. 287.
[6] Michelle Syrien. Texte, 387, trad. II, p. 372. — Иностранцев. Сасанидские этюды, стр. 75.

послал императору драгоценные изделия из золота и камней, в том числе кресты. Наконец, он, несомненно, был вынужден к территориальным уступкам: вернул Дару и Решайну.[1] Для Византии значительным успехом было и прекращение ежегодных дотаций Ирану, которыми она была вынуждена откупаться от воинственного соседа.[2]

В несколько разукрашенном виде те же данные сообщает персидская традиция. Шаханшах в двойном размере вознаграждает каждого ромейского воина, раздает одежду, а наиболее отличившихся одаривает и конями. Нерсесу он дарит множество драгоценностей и рабов с золотыми поясами. Главным же преимуществом, достигнутым Византией, было то, что Хосрой возвратил ей „все города“, захваченные Кавадом, Хормиздом и Хосроем, и подтвердил это особым письменным соглашением.[3] Хосрой получил также в жены византийскую принцессу, дочь Маврикия, Марию, прибывшую со свитой, в числе которой были и епископы. Хосроем было дано разрешение и на постройку в Иране трех больших храмов.[4] Все это было признанием политической силы империи.

Между обоими государствами весной 591 г. был заключен длительный мир (σπονδαί).[5] Так как вопросы религии были вопросами государственного порядка, то и здесь Хосрой был вынужден пойти на уступки: он разрешил постройку церквей.[6]

Договор с Византией внес изменения в положение кавказских государств, находившихся под протекторатом Ирана или непосредственно входивших в его состав. Так, например, возникло движение в Армении. Маврикий в том же 591 г. письменно требовал от Мушлега Мамиконяна послушания Хосрою, а Хосрою писал, что постоянные восстания армян побуждают его переселить часть из них во Фракию.[7]

Хосрой утвердился на престоле с помощью ромейского оружия. Его пребывание в византийских пределах не прошло

[1] Ibid., 387; trad. II, 372.
[2] Tabari, Nöldeke, p. 284.
[3] Firdousi, t. 7, pp. 186—187.
[4] Michel le Syrien, p. 387; trad. II, p. 372.
[5] Dölger. Regesten, p. 13. — Higgins, p. 73.
[6] Tabari, Nöldeke, p. 287.
[7] Sebèos, pp. 27, 30—31.

для него даром: он присмотрелся к новым обычаям и порядкам, ознакомился с ними и сумел быстро освоиться в создавшейся обстановке. Благодаря этому несколькими десятилетиями позже военные действия сасанидских войск привели к таким блестящим победам. Этому способствовало не столько личное дарование персидских полководцев, сколько знание всех обстоятельств и обстановки в Византии.

ГИБЕЛЬ БАХРАМА. ВОССТАНИЕ БИНДОЯ И БИСТАМА

Преследуемый войсками победоносного Хосроя Бахрам бежал. Основные силы его были разбиты, а сам он двинулся в центральные области Ирана. Дальнейшая его судьба овеяна легендой, которая сохранилась у Табари и известна из „Шах-намэ".

Историческим фактом можно считать бегство Бахрама к тюркскому кагану. Его положение там и приобретенное им влияние казались опасными шаханшаху.[1] Хосрой послал богатые дары и драгоценности кагану, и посланный им муж сумел склонить к задуманному преступлению „хатун", жену кагана, по приказанию которой Бахрам был предательски убит.[2] Приукрашенный всякими поэтическими подробностями конец Бахрама сообщен Фирдоуси.[3]

Общим источником арабской и персидской версии Табари и Фирдоуси была, по всей вероятности, книга о Бахраме Чобине, известная Масуди (II, 223). Он причисляет ее к книгам, составленным на пехлевийском языке. Фихрист сообщает, что среди персидских книг известна книга о Бахраме, которую с пехлеви перевел для Хишама Джабала ибн-Салим, без дальнейшего определения. Под Хишамом Нельдеке справедливо подразумевает Хишама ибн-Мухаммеда ал-Кельби, умершего в 206 г. хиджры (821/2 г. н. э.). Очень вероятно, что именно Джабала переводил ему и другие пехлевийские тексты.[4]

„Роман" о Бахраме Чобине вошел как составная часть и в большую пехлевийскую книгу правителей Chodainâme.

[1] Tabari, Nöldeke, p. 289.
[2] Tabari, Zotenberg, 2, p. 303.
[3] Firdousi, t. 7, pp. 224—231.
[4] Tabari, Nöldeke, pp. 474—475.

Его основные мотивы могут быть извлечены и из Динавери, который, примерно, сохранил ту же основную нить рассказа. Фирдоуси мог пользоваться и прозаическим текстом, переведенным с пехлеви. Автор „романа", приверженец Бахрама, характеризует его положительными чертами, но он отдает должное и Хосрою и считает, что Бахрам в сущности и не мог стать царем, так как не был царской крови и не принадлежал к царскому роду.

Смертью Бахрама не кончились, да и по всему состоянию персидского государства не могли кончиться военные мятежи и восстания. Следующее, относительно длительное восстание в Иране было связано с именами Биндоя и Бистама. Дяди Хосроя Парвеза по матери, братья Биндой и Бистам, принимали деятельное участие в первых шагах Хосроя по восстановлению его на престоле. Арабская традиция знает Биндоя как ближайшего советника и соратника Хосроя во время его пребывания в византийских землях и в борьбе против Бахрама.[1] Вся инициатива свержения Хормизда и воцарения Хосроя была в руках его дядей.[2] Биндой оказал влияние на Хосроя, побуждая его занять престол Хормизда после его смерти. Бистама Хосрой назначил правителем Хорасана и прилегавших к нему провинций, Рея и Табаристана. После водворения Хосроя в Ктесифоне Биндой был богато одарен и „остался при дворе", где он играл первую роль.[3] Между Хосроем и Биндоем произошла ссора: „Биндой упрекал Хосроя относительно государственных дел", а шаханшах разгневанный противоречиями, „задумал его убить". По сведениям византийских писателей, подозревая Биндоя в желании захватить престол, Хосрой приказал бросить его в Тигр.[4] Биндой после ссоры с шаханшахом „бежал и отправился к своему брату Бистаму, но, когда он проезжал землю Адербайган, услыхал об этом тамошний марзбан, устроил ему пир, поймал его и послал к Хосрою".[5] По другим данным, Хосрой недово-

[1] Tabari, Nöldeke, p. 281, 286.
[2] Sebèos, 2, p. 14.
[3] Tabari, Zotenberg, 2, 301. — Chronicon anonymum, p. 16; — Н. В. Пигулевская. Анонимная хроника, § 2, стр. 64.
[4] Simocatta, 5, 15, p. 216.
[5] Chronicon anonymum, p. 16. — Н. В. Пигулевская. Анонимная хроника, стр. 64.

лен Биндоем, мстит ему за смерть своего отца Хормизда, велит заточить его в тюрьму, а затем отрезать руки и ноги.[1] Такой же смерти подвергнут Биндой и по данным сирийской хроники. „Биндою же царь приказал отсечь все члены правой стороны и послать в Белапат (Бетлапат), и там его распяли“.[2]

Так или иначе, но Биндой был казнен Хосроем,[3] а другой его дядя Бистам (Густехем в „Шах-наме“) поднял знамя восстания. В состав войск, с которыми он двинулся против Хосроя, входили тюркские и дайломитские войска. Дайлом был Прикаспийской областью, в которой в течение долгого времени держались полукочевые племена, всегда готовые к восстанию против Ирана. Как и Адербайган, Дайлом был прибежищем всех восставших и „еретиков“. Едва ли можно считать историческим фактом, что Бистам собрал большое количество людей, как и то, что войска Бистама дошли „до Махозе“, т. е. до столицы сасанидов Ктесифона,[4] но, несомненно, что он повсюду находил людей обездоленных, которые делались „его слугами“, чтобы иметь хлеб.[5] Войска, посланные Хосроем, частью оказались в плену, частью были разбиты.[6] Таким образом, восстание Бистама, как и восстание Бахрама, имело достаточное количество сторонников, и последнему „великому царю“ из рода сасанидов было необходимо напрячь все силы, чтобы разбить их. Но Бистама „перехитрил“ один тюрк: он „убил его и послал его голову Хосрою“. Над мертвым посмеялись и сделали его угрозой для всяких других попыток: „голову Бистама повесили на шею Шабора, сына Варахрана, который восстал на Хосроя, посадили его на верблюда и возили по столице“.[7]

Сведениями о восстании Бистама располагает и Себеос, который местопребыванием восставших считает Дейлом (Гелем) и говорит о подчинении Бистаму двух кушанских царьков. К нему ушли также воины и стратеги армянских войск, недовольные Сумбатом. Отсюда видно, что многих

[1] Firdousi, t. 7, pp. 250—253.
[2] Chronicon anonymum, p. 17. — Анонимная хроника, § 2, стр. 64.
[3] Sebèos, 13, p. 40.
[4] Chronicon anonymum, p. 16. — Анонимная хроника, § 2, стр. 64.
[5] Firdousi, t. 7, pp. 252—253.
[6] Ibid., pp. 256—257.
[7] Chronicon anonymum, 17. — Анонимная хроника, § 2, стр. 64.

привлек он на свою сторону. Пал Бистам жертвой хитрости кушанского царька (тюрк сирийской хроники) Париовка, который приказал его убить из засады, будучи его союзником, затем завладел его лагерем, гаремом и богатствами. Потеряв главу, войска рассеялись. Часть из них, в состав которой входили армянские войска, имела столкновение с персами.[1] Все свидетельства действий восставших относят их к областям Дейлома, Рея, Казвина, Хамадана. Области по Каспию всегда были склонны к восстаниям, в них царило недовольство персами. О том, насколько длителен был мятеж Бистама, какой властью он пользовался, насколько твердо было его решение захватить престол, говорит тот факт, что сохранились монеты с легендой Perog Wistahm, с пометками от 2-го до 6-го годов царствования.[2] Нельдеке сделал следующий расчет для определения времени его монет, требующий уточнения.[3] Бистам поднял восстание во 2-м году Хосроя, а время своего воцарения считал с момента воцарения Хосроя, т. е. с 15 февраля 590 г.; 6-й год Хосроя начинался 15 февраля 595 г. Бистам, восстав во 2-м году Хосроя начал выбивать монеты с пометкой 2-го года, а предшествующий год считал для себя первым. Биндой был убит, а Бистам продержался до 595 г. После этого времени монет с его именем не существует; очевидно, он был окончательно сражен. Восстание его относилось к первым годам царствования Хосроя, когда последний прилагал все усилия, чтобы укрепиться на престоле и избавиться от тех, которые, пользуясь своими заслугами, стремились к власти и положению.

Состояние Ирана было внутренне неустойчивым. О волнениях и восстаниях в различных его областях имеются сведения источников, которые не привлекли к себе должного внимания. В частности, имеются сведения, что Низибия была центром, в котором сходилось множество народа, так как она была на границе „персидской и ромейской; в ней собирались отовсюду люди заблуждающиеся, вздорные и спорящие...“.

Множество распрей религиозного характера были признаком социальных и политических несогласий, которые выявлялись

[1] Sebèos, 15, pp. 43—44.
[2] Paruck. Sasanian coins. Bombay, 1924, pp. 112—113, 386; plate XX, № 444.
[3] Tabari, Nöldeke, p. 487.

наряду с ними. Григорий, митрополит Кашкарский, имел длительную борьбу с Сабришо Лашомским, который добился его смещения из Низибии. Между тем „Низибия восстала на Хосроя". Чтобы привести ее к повиновению, пришлось послать Нахвергана, префекта, ܢܚܘܪܓܢ, с большим войском и слонами. Но еще больше шаханшах надеялся воспользоваться услугами Сабришо, епископа Лашома, впоследствии католикоса, дипломатические способности которого оказали шаху большую услугу. Сабришо сопровождал Нахвергана, но „жители города закрыли перед ним ворота". Католикос убедил их подчиниться, а Нахверган дал клятву, „что не причинит им зла". Убежденные всем этим жители Низибии открыли ворота, но жестоко поплатились, так как Нахверган „нарушил свою клятву и именитых среди них схватил, мучил их, разграбил их дома, все их добро уничтожил, и, наконец, всякого рода смертями умертвил их".[1]

Таким образом, в царствование Хосроя II произошел ряд восстаний, порожденных политическими и социальным несогласованностями в государстве сасанидов. Военные мятежи сменялись восстаниями, а попытки дворцовых переворотов питались все новыми честолюбивыми замыслами против старой династии. Внутреннее состояние государства не имело прежней устойчивости; оно было подточено движением маздакитов, которое не было подавлено и имело длительные последствия в истории не только Ближнего Востока, но и Европы.[2]

Внутреннее состояние Ирана к концу VI и началу VII в. было таково, что в действиях внешней политики необходимо было искать отвлечение. Недовольство войска умирялось в новых походах, так как тут открывались широкие возможности грабежа. Это представлялось существенным и для „царя царей".

Походами персов при Хосрое I Анушерване были намечены основные этапы продвижения в ромейские пределы, повторенные в походах его внука и продвинутые им еще далее, до Палестины и Египта. В Иране ослабела связь

[1] Chronicon anonymum, pp. 18—19. — Н. В. Пигулевская. Анонимная хроника, § 4, стр. 65.

[2] Н. В. Пигулевская. Маздакитское движение. Известия отделения истории и философии, 1944, № 3, стр. 171—181.

с идеологией, которая до того времени поддерживалась жречеством. Положение последнего стало ослабевать. Христианство и раньше было соперником зороастризма, но не достигало выдающегося положения, наоборот, было гонимо. Теперь оно продолжает подвергаться репрессиям, но все в меньшей степени, более случайно; оно добивается известного положения при дворе. Сближение с Византией в первые годы царствования Хосроя еще более подготовило благоприятное отношение к христианству в Иране. Христианство становилось противником маздеизма; были основания подозревать самого царя в том, что он тайный христианин. Но то, что подготовило христианство, пожал ислам. Победоносный путь к монотеистической идеологии был открыт. В походах Хосроя Иран сам двинулся к колыбели ислама. Война между Ираном и Византией их взаимно ослабила, и в горячей борьбе они проглядели новое мощное явление, которое решило судьбу Передней и Средней Азии.

Общеизвестно значение войн и завоеваний в истории феодализма на западе: „варвары"-германцы решили судьбу Римской империи; иммиграция и походы „варваров"-славян оказали решительное воздействие на формирование Византии как государства феодального типа; „варвары"-арабы решительно покончили с государством сасанидов, на развалинах которого возник мощный, необъятный халифат, ведущим способом производства которого был феодальный. И до арабского завоевания Иран стал переходить к новым формам социальных отношений. Процесс этот был бурным и сопровождался движениями политического и религиозного характера, „ересями" всякого рода.

В VI в. Иран был раннефеодальным государством переходного типа, которое несло в себе еще все пережитки предшествующей эпохи. Как феодальное государство сложился лишь халифат.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВИЗАНТИИ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ VI в.

Общественные отношения в Византии во 2-й половине VI в. могут быть охарактеризованы как отношения переходного времени. Это период, когда, с одной стороны, еще наблюдаются отношения колоната и отчасти отношения рабовладельческой формы эксплоатации, впрочем, в значительной мере уже потерявшей свою остроту. С другой стороны, в империи назревают силы, которые требуют новых форм отношений, что сказывается в волнениях в армии, в восстаниях городского населения, в беспорядках, которые учиняют демы в столице, наконец, в восстаниях сельского населения, в которых принимают участие разбойники, нищие, всякий бродячий люд.

Новый, до настоящего времени не использованный материал дает особенно яркую картину отношений в Византии этого времени. Данные эти интересны тем, что они исходят от современника, который к тому же излагает свою личную точку зрения и характеризует сословия и классы, о которых он сообщает. Речь идет об анонимном трактате о военном деле, который по ряду признаков должен быть отнесен ко времени Юстиниана[1] и даже — еще точнее — может быть приурочен к 60-м годам VI в.[2] Предисловие этого трактата, написанного человеком практического склада, инженером, участником походов, содержит указания относительно групп населения империи с точки зрения выполняемых ими функций в государстве. Самое начало трактата отсутствует: в нем, повидимому, были перечислены различные сословия и классы, о которых далее даются подробные сведения. Автором выделены сословия, занятые деятельностью, требующей навыков и специальных знаний. Для анонима чрезвычайно характерно, что богословие он находит слишком возвышенным для обыкновенных людей и считает все, что относится к ἡ ἱερατική, неким божьим даром — θεῖόν τι χρημά ἐστι.[1] Такая точка зрения лишний раз указывает на то, что в Византии были в наличии многочисленные группы людей, мало заинтересованных в клерикальных спорах, которые так захватывали участвовавших в них немногих современников, что они считали их интересными для всех и высказывали эту свою точку зрения, долго вводившую в заблуждение и историков. К такому же разряду, как и предыдущий, аноним относит законодательство или законоведение; ἡ νομική своего рода искусство, так как в зависимости от обстоятельств те или иные законы изменяются и не применяются в одинаковых условиях.[2]

В наблюдательности и практическом направлении ума автору отказать нельзя. Светский военный человек, не заинтересованный в богословии, он высказывает взгляд, что все группы населения обязаны выполнять какие-то функции в государстве, работать, быть полезными членами политеи. Он сначала перечисляет группы населения, а в дальнейшем возвращается к ним еще раз, детально характеризуя их деятельность. К полезным членам государства он относит τὸ[3] ἐμπορικὸν μέρος — группу торговцев, τὸ ὑλικὸν μέρος — ремесленников, которые обрабатывают сырой материал, ὑλή. Термином τὸ ὑπερετικὸν μέρος определяются рабочие, которые несут обычную, не требущую особых навыков работу, выполняющие неквалифицированный труд. Среди населения имеется часть, представляющая собою ненужных государству людей — τὸ ἄχρηστον μέρος, к которым автор анонима причисляет больных, стариков и еще не участвующих в работе детей.

Входя в подробный анализ деятельности сословий в госу-

---

[1] Köchly und Rüstow. Des byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft. Griechische Kriegsschriftsteller, B. II, 2, pp. 37—38. Leipzig, 1855.

[2] Н. В. Пигулевская. Оборона городов Месопотамии в VI в., Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук, Л., 1941 г., вып. 12, стр. 49—50.

[1] Anonymus, I, 1, p. 42.

[2] Ibid., I, 2, p. 42.

[3] Ibid., II, 2, p. 44.

дарстве, автор трактата отказывается судить о том, что имеет отношение к иератическому началу, так как оно ведает служением Богу и решается тем, кому оно служит. Для полного беспокойств и волнений времени, когда писал автор, характерен его взгляд на законодательство. В основном издание законов преследует одну цель — предотвращение восстаний (στάσις). Люди начинают борьбу между собою со споров, затем хватаются за оружие, убивают друг друга. Эту смертельную вражду и предупреждают изданные законы и суд, который решает споры и тем поддерживает мир между людьми.

Τὸ συμβολευτικὸν μέρος — члены совета, советники, представляют собою сенаторское сословие. Они достигают своего положения в постоянной борьбе за влияние и за власть. Решение зависит от большинства совета, но фактически руководит советом и направляет его к известному решению лучшая его часть, верхушка — κατορθοῦσι δὲ οἱ ἄριστοι τῶν ἀνδρῶν.[1]

Основным интересом для государства является управление финансами, так как от ведающих государственными финансами — τὸ χρηματικὸν μέρος зависит и строительство необходимых для государственной обороны крепостных стен, кораблей и т. п. Для автора трактата это последнее обстоятельство имеет решающее значение в его оценке тех или других групп населения и их деятельности. Сенат, в его представлении, не играет большой роли и имеет незначительный вес в общегосударственном деле. Финансы политеи в середине VI в. представляли не малое затруднение и не раз заставляли деятелей самых различных отраслей попадать в тяжелое положение. Сталкивался с этими сложностями в своей практической работе и аноним.

Искусства и науки автор понимает как средство, способствующее облегчению и точности того процесса, который требуется выполнить. Сословие, обладающее такими знаниями, он обозначает общим именем τὸ τεχνικὸν μέρος — техники.[2] Путем этих знаний достигается не только легкость выполнения определенной задачи, но она оказывается основательно выполненной на длительный период времени. Конечно, автор имеет

[1] Anonymus, II, 3, p. 44.
[2] Ibid., II, 5, p. 46.

в виду те расчеты и большой запас практического опыта, который делал возможным выполнение выдающихся образцов материальной культуры в Византии.

Развивая далее свои политико-экономические взгляды, автор трактата рассматривает торговлю как средство удовлетворять все нужды людей. Одни не имеют всего необходимого для жизни, другие продают свои излишки. „Торговля возникла по необходимости, ибо не все имеют все необходимое, поэтому каждый, имеющий излишки, торговлей восполняет прочим их потребность".[1] Ремесленники заняты обработкой сырья, чтобы не испытывать недостатка в необходимом. Денег, по его мнению, часто бывает достаточно, но потребность в необходимом не удовлетворяется, „поэтому одни производят (προσπορίζουσιν) нам железо, другие нефть, иные другое что-нибудь из необходимого за золото и серебро".[2] Интересно, что примеры сырья, которое должно быть обработано, звучат в уровень XX столетию, так как аноним называет ὁ σιδερός — железо и ἡ νάφθα, в которой нельзя усмотреть ничего, кроме нефти. Производимый и добытый товар оплачивается, обменивается на золото и серебро — ἀντὶ χρυσοῦ ἢ ἀργύρου.

Для практики военного дела не случайно упоминание важнейших отраслей добычи и обработки металла и горючего, имевшего широкое применение в военном деле и военном строительстве.

Τὸ ὑπερετικὸν μέρος — в представлении автора рабочие, или работающие, занятые неквалифицированным трудом. Они обязаны выполнять то, что им прикажут, и в этом и заключается их основная функция.[3] Ненужные люди в государстве, по мнению автора, к которым он выше причислил стариков, детей и больных, обиженных природой и покинутых судьбой; они существуют только благодаря милосердию, проявляемому другими.[4]

Автора трактата главным образом интересуют вопросы, связанные с военным искусством, но он стремится охарактеризовать и общее положение государства, дать как бы очерк

[1] Anonymus, II, 6, p. 46.
[2] Ibid., II, 7, p. 46.
[3] Ibid., II, 8, p. 46.
[4] Ibid. II, 9, p. 46.

политической экономии и устройства. Характеризуя руководящие, правящие круги империи, он называет их общим именем архонтов (οἱ ἄρχοντες); это — приказывающая, довлеющая группа в государстве. Ей противопоставлены подданные, подчиненные, рядовые люди — ὑπηρετούμενοι, которые должны слушаться и подчиняться распоряжениям архонтов. В дальнейшем трактат носит несколько дидактический характер, стремясь указать на то, что должно составить главные и лучшие черты в деятельности того или иного сословия с точки зрения государственной целесообразности. Менее всего он уделяет внимания иератическому сословию, клирикам, которым надлежит быть скромными, соблюдать божественный закон и следовать апостольским правилам. Хоть он и краток, но чувствуется в его словах намек на претензии со стороны клириков, которые он не считает допустимыми, и более всего ценит в них смирение и послушание, так мало проявлявшиеся в этот период их явного господства и власти в империи.[1] Но не лишено интереса, что клирики все же занимают первое место иерархической лестницы. Второе принадлежит архонтам, т. е. лицам, выполняющим функции управления: они должны быть разумны, порядочны, опытны в делах, которые подлежат их решению, и не должны стремиться занять более высокое положение.[2]

За этим пожеланием общего характера можно усмотреть намек на те интриги и постоянные домогательства, которые исходили из среды ближайших правителей. В этой верхушке возникали заговоры, проектировались дворцовые перевороты, кровавые развязки которых известны придворной хронике. Общего характера соображения даются автором и в разделе, касающемся советников — οἱ συμβούλοι, под которыми следует понимать членов сената. Им вменяется в обязанность думать, мыслить, быть на страже долга, который на них возложен. Это по преимуществу зрелые люди или старцы, от них требуется в первую очередь соблюдение государственных интересов. Подчеркивается необходимость действовать независимо от родственных связей, так как непотизм был широко распространен. Они должны в своих действиях и решениях быть независимыми от враждебных или дружественных отношений, а также

[1] Ibid., III, 2, p. 48.
[2] Ibid., III, 3, p. 48.

быть неподкупными.[1] Деньги не должны играть для них роли. Это заявление анонима должно было вызывать невольную улыбку современника, который хорошо знал, что все должности, места и чины в византийской империи продавались и покупались самым беззастенчивым образом.

Большое внимание уделяет автор выполнению судебных функций в государстве. Судья, ὁ δικαστής, должен иметь природное дарование, благодаря которому он мог бы делать выбор из многочисленных соображений и избирать вернейшее и наиболее правильное — πρὸς δὲ τὴν ἐκλογὴν τοῦ κρείττονος ἁμαρτάνουσιν. Ему необходимо тщательное знакомство с законами, с обстоятельствами дел, которые ему подсудны, и, наконец, в совершенстве владеть своими мыслями, решениями и делами.[2]

Судья ни в каком случае не должен быть лицеприятным, поддаваться страху или запугиванию со стороны истцов и ничего не должен делать по дружеским или враждебным побуждениям. Обязательным качеством является для него неподкупность. Снисхождение и доброта к выполняющим закон должны контрастировать с суровостью в отношении его нарушителей. Из пожеланий автора можно без труда воспроизвести образ действительного судьи, со всеми его недостатками, на которые так жалуются хронисты на всех языках всех обширных краев Византии.

Для того, кто помнит страницы „Тайной истории" Прокопия Кесарийского, могут представить большой интерес подробности, в которые автор входит в вопросе о финансовом управлении. Он сразу выделяет из него функцию сбора податей. Для выполнения этого государственного дела необходима хорошая осведомленность в ряде наук: в математике, так как нужно уметь считать, в сельском хозяйстве (γεωπονικά), наконец, необходимо знать меры сыпучих тел и меры веса.

Следует обратить внимание на то, что аноним связывает обложение податями с мерой земли и учетом степени ее производительности в виде плодов или металлов — ἀναλόγως δὲ καὶ κατὰ τὴν ποιότητα αὐτῆς ὅπως ἔχῃ πρὸς εὐφορίαν καρπῶν ἢ γένεσιν μετάλλων.[3] Это положение соответствует тому, что изве-

[1] Anonymus, III, 4, p. 48.
[2] Ibid., III, 5, p. 48.
[3] Ibid., III, 6, p. 50.

стно о земельном обложении в раннем средневековье. Сирийский законник сохранил статью, на основании которой можно говорить о том, что земля облагалась в соответствии с ее доходностью. Кроме того, при податном обложении необходимо учитывать климат, местоположение, близость или соседство города, судоходной реки или моря и, наконец, состояние оросительной системы. Эти ценные и живые дополнения к тому, что известно из законодательных памятников. Характерно, что автор вновь упоминает о металлах, как особой ценности, повышающей доходность земли. Металлы, следовательно, занимали выдающееся положение в экономике VI в. Далее аноним останавливается на обязанностях откупщиков и „наблюдателей", выполнявших функции контроля. Детали, в которые он входит при этом, существенны для представления об экономическом состоянии Византии в изучаемый период. Такое же значение имеют и подробности по поводу распределения денежных сумм в государстве, контроля над ремеслом и торговлей. Для социальной характеристики отдельных сословий знаменательно, что, по мнению автора трактата, ремесленники, занятые обработкой сырого материала, должны быть состоятельными — τοὺς δὲ τὴν ὕλην παρεχομένους εὐπόρους εἶναι.[1] Сырье, которое они подвергают обработке, привозится или издалека или из близких мест, но оно должно быть в хорошем состоянии, и отнюдь не может быть допущена никакая его фальсификация. Затронутые им здесь вопросы тоже имеют прямое отношение к экономике.

Наиболее сложен вопрос о работающих или рабочих — οἱ ὑπηρέται. Повидимому, под этим термином подразумеваются люди физического труда, так как в качестве примера упомянуты дровоносы, грузчики. Они отнесены к „прочим" рабочим, которые должны быть молоды и сильны, чтобы выполнять что им приказано. Главным качеством этого сословия должно быть послушание, повиновение; они находятся в распоряжении начальствующих, с общим именем οἱ ἄρχοντα.[2]

Автор не оставил без внимания и людей умственного труда, которые занимаются науками и искусствами (ἐπιστήμα, τέχνη), к чему они должны иметь особую склонность и природное дарование. От них следует требовать усвоения общего образования, прежде чем они специализируются в какой-либо отрасли, в частности, их следует испробовать и искусить в области математики, соответственно требованиям, усвоенным в античной Греции, „как говорит Пифагор" — указывает аноним.[1] Последний ссылается на то, что он нередко наблюдал факты, когда хорошо осведомленные в одном направлении люди, не имели знаний в других областях, а такая узость представляется ему нежелательной.

[1] Anonymus, III, 12, p. 52.
[2] Ibid., III, 14, p. 54.

Представители наук и искусств занимают место в его иерархической последовательности сословий вслед за чиновниками специальных отраслей — финансового, контрольного, судебного ведомств.

Замечательно, что в перечне сословий трактат не упоминает ни крестьян, ни земледельцев, они точно выпадают из поля его зрения; он по преимуществу ориентируется на город, не входя в регламентацию сельской жизни. Точно так же он не упоминает и военное сословие, с которым больше всего имеет дело, и не дает его характеристики. Зато в заключительном параграфе III раздела трактат рассматривает еще одно сословие — μέρος πολιτείας, „появившееся только у ромеев" — ὁ θεατρικὸν, ὁ θυμελικὸν, к которому принадлежат артисты, музыканты, плясуны, возницы.

Театральное сословие порождено празднествами, широко распространенными в Византии, устраиваемыми по поводу восшествия на престол нового царя, в день основания городов, по поводу военных триумфов. Особо отличаются ристания, в которых участвуют возницы — οἱ ἁρματηλάται.[2] За этим сословием автор трактата признает право на существование, но зато он суров к той группе, которая не способна выполнять какую бы то ни было работу в государстве. Забота о стариках, больных и детях возлагается на специальных людей, которые отличаются многими добродетелями — щедростью, милосердием, человеколюбием и могут заниматься филантропией (φιλανθρωπία); жалость к людям становится доминирующей в деятельности этих οἱ ἐπιστατούνται. Однако среди непригодных к жизни людей следует остерегаться обмана и заботиться

[1] Anonymus, III, 10, p. 52.
[2] Anonymus, III, 15, p. 54.

лишь о тех, кто действительно нетрудоспособен и нуждается в поддержке.[1]

Таковы группы населения, на которых останавливается автор трактата. Трактат позволяет более отчетливо представить сословия и классы византийского общества VI в. и уяснить характер тех событий, которые потрясли его в начале VII в. и вызвали к жизни новые его формы, феодальный характер которых уже выражен совершенно отчетливо.

Взгляды этого современника на византийское общество конца VI в. представляют большой интерес, тем более что привлекается этот материал впервые.

К сожалению, немногое известно о положении крестьян в это время; законодательных актов, которые давали бы возможность судить об изменениях, не сохранилось, но правительственные хроники пестрят сообщениями о восстаниях и бунтах. Сведения о них находятся в тесной связи с движением демов и брожениями в армиях, в результате которых был смещен Маврикий.

К этому времени относятся и те изменения в положении монастырей, начало которым было положено значительно раньше. В IV в., как и в V в., положение монастырей в значительной степени окрепло; они становились все более мощной экономической единицей. Жертвователи и строители монастырей попадали в привилегированное положение. „Обладатели крупных состояний под надежным покровом монастыря обеспечили себя и свое благополучие от посягновений правительства“.[2] Вклады притекали от императоров, их родственников, от сенаторской знати. Поскольку епископские и монастырские земли, их крупные вотчины, создавались и росли из имений, находившихся на положении привилегированных, изъятых из общего обложения земель, они сохраняли привилегии и автономность. Но несомненно и другое, что с первых шагов церковное и монастырское имущество в Византии находилось на особом положении, благоприятствовавшем его экономическому развитию, так как оно пользовалось особыми формами покровительства и изъятия, которые дают повод сравнивать

[1] Ibid., III, 13, p. 54.

[2] К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии, ч. I. М., 1917, стр. 184.

его с иммунитетом в западноевропейских странах феодального времени. Эти монастырские привилегии и автономность монастырей создавали условия, благоприятствовавшие положению крестьян на землях, которые подлежали юрисдикции монастыря. Особой мощности достигают монастыри в VI и VII вв. Их положение поддерживается стремлением крестьянства, мелких маломощных собственников, ремесленников и других слоев населения найти покровительство и поддержку за крепкими, надежными стенами монастырей и епископских владений. С особой силой эта потребность сказалась в смутные, трудные годы острых социальных коллизий VI и VII вв.[1]

В конце VI и начале VII в. управление империи в основном сохраняло те формы, которые были усвоены при Юстиниане. Ближайшим совещательным органом при императоре был сенат, решения которого, при общем ослаблении деспотического режима после смерти Юстиниана, вновь приобрели утраченное значение. Диль определяет как „либеральное влияние“ тот факт, что аристократические верхи общества, сенат и „народ“ стали опять играть известную роль.[2] Как попытку децентрализовать управление провинций следует рассматривать новеллу Юстина II, на основании которой епископу и крупным землевладельцам епархий было предоставлено право избирать лиц, „достойных“ быть правителями провинции.[3] Дело конечно было не в либеральных настроениях; Бюри справедливо ставит это явление в связь с ослаблением авторитета императора и усилением центробежных сил в империи.[4]

Совершенно очевидно, что и этот закон, и общее усиление сенаторов и аристократии вообще, а также рост и укрепление монастырей — все это были признаки одного и того же явления — ускорения процесса феодализации. При преемниках Юстиниана сенату вновь стало принадлежать решающее слово при избрании императора, как это имело место при воцарении Юстина II, Тиверия, Маврикия. Даже

[1] К. Н. Успенский, там же, стр. 185, 195, 197.

[2] Diehl Charles. Le Sénat et le Peuple byzantin aux VII et VIII ss. Byzantion, 1924, I, 201.

[3] Novellae, 149_1, ed. Schoell, Berolini, 1904, p, 724.

[4] Bury. History of the later Roman empire, London, 1889, II, 75.

Фока, выдвинутый соединенными усилиями восставшей армии и поднявшихся демов, не счел возможным пренебречь сенатом.

Государственная машина работала по сложившейся традиции, которой следовали привыкшие к определенным формам чиновники. Префектура, епархи, судьи действовли по рутине, из которой их не могли выбить ни народные волнения, ни дворцовые перевороты, ни смена монархов.

Одним из важнейших разделов управления империей были финансы. Во второй половине VI в. управление ими концентрировалось в нескольких местах. Верховный контроль и их регулирование находились в руках самого императора.[1]

В префектуре претория сходились главные нити государственных поступлений, но из средства претория финансировались расходы на армию. Кроме того, существовало несколько специальных финансовых центров управления государственными доменами, царских имений в Италии, Иллирийской префектуры претория и, наконец, comitiva rerum privatarum (ἱερώτατου ταμιεῖον) и comitiva sacrarum largitionum (θεῖοι θησαυροί),[2] соответствующие департаменты управления личным имуществом императора и двора.

Если в общественных отношениях этого периода и происходили изменения, — в чем нельзя сомневаться, зная движение демов, волнения в армиях и восстания в Египте, — то они не нашли себе отражения в законодательном материале. Глубокие сдвиги, имевшие место на рубеже VI и VII вв., были зафиксированы в законодательстве лишь в более поздний период, в законах императоров-иконоборцев. Эти же сдвиги были предпосылками для реформы управления, его децентрализации в виде фемного устройства, проведенного Ираклием.

В течение всего VI в. приходится отмечать большое напряжение сил в Византии, вынужденной противостоять исконно враждебному Ирану на Востоке и варварским нападениям на северо-западной границе.

Славяне в союзе с аварами, а затем и одни все настой-

[1] Dölger. Beiträge zur Geschichte der Byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des X u. XI Jahrhunderts, p. 13, Berlin, 1927. Byzantinisches Archiv, 9.

[2] Dölger, ibid., p. 13.

чивее и глубже внедрялись на Балканский полуостров и Малую Азию.

Варварские нашествия расшатывали систему эксплоатации в Византии. Пережитки рабовладельческой системы и переходная форма, колонат, уступали свое место под напором свободной крестьянской общины славян. Славянская „марка“ сыграла едва ли не бо́льшую роль в восточной империи, чем германская в западной.

В Риме „революция рабов“ протекала бурно и может быть охарактеризована на основании источников, сообщающих о ней. В восточной империи развитие рабовладельческих форм эксплоатации не приняло столь гипертрофического характера, поэтому и явления, связанные с переходом к новым формам, были несколько иными, более сложными, основанными на большем числе факторов.

С конца V в. и до первой четверти VII в. источники отмечают беспрерывные волнения городских масс в своеобразном обличии демов. В азиатских провинциях вспыхивают восстания, социальную основу которых не меняют их этнические и религиозные особенности. Длительное движение и открытые восстания, охватившие почти все провинции Византии в начале VII в., смели с престола Маврикия со всей его родней, продолжали потрясать империю во время бурного правления Фоки и не сразу пришли к успокоению в правление Ираклия.

События 602 г. замечательны тем, что в них участвовал ряд сил. Воцарение Фоки не было дворцовым переворотом; войска, принимавшие в нем участие, были не императорской гвардией, а армией, уставшей от войны, недовольной своими военачальниками, проигравшими кампанию и предавшими войска (Каменциол), возмущенной отсутствием оплаты и своим бедственным материальным положением. Армия эта состояла из рекрутов, представлявших часть народных масс империи, и из варварских отрядов. Другой силой, сыгравшей большую роль в перевороте, были демы, городское население столицы и больших городов. Особенно активны были городские низы, всегда готовые к восстанию, вспыхивающие, как горючий материал, при малейшем поводе. Тяжелые невзгоды, голод, недостаток продуктов питания и хлеба приводили к взрывам и волнениям.

Маврикий, несомненно, сделал ряд политических ошибок, которые усугубили общее тягостное положение империи и были непосредственной причиной событий, стоивших ему жизни. Отсутствие ясной политической линии правительства Фоки, отказ от поддержки интересов масс, близорукая религиозная политика не только не внесли успокоения, но вызвали новую волну брожения и бурных выступлений.

Но не в личных качествах „скупого" Маврикия, не в „низости" тирана Фоки следует искать причину и разгадку этих явлений.

Восстания, охватившие империю, были очередной схваткой с рабовладельческой системой, трещины в которой обнаружились более чем столетием раньше. Законодательство Анастасия и Юстиниана основой эксплоатации на земле считаёт рабов и колонов. В городах ремесло в значительной степени еще поддерживается трудом mancipia — рабов. С конца V в. восстания, вспышки народного гнева носят следы участия рабов, которые можно вскрыть, при всей скудости источников. Навстречу этим проявлениям „революции рабов", разлагая пережитки рабовладельческой системы, шли варварские завоевания и внедрение славян на территории империи. Эти явления не проходили бесследно, способствуя развитию феодализирующих процессов.

За немногими исключениями все историки Византии признают крах системы Юстиниана. Итоги его царствования подводит академик Ф. И. Успенский в следующих выражениях: „Византийское государство, для расширения и возвеличения коего он употребил столько стараний, и целость которого он старался закрепить громадными жертвами, духовными и материальными, находилось при смерти Юстиниана в отчаянном положении, близком к разрушению и банкротству. Самой слабой стороной системы Юстиниана были финансы. Огромные налоги, ужасное вымогательство их сборщиками, расточительность двора и хронический недостаток в деньгах, для добывания коих всяческие средства казались допустимыми; подкуп варваров денежными выдачами и уступка им императорских земель; жестокая эксплоатация народного имущества; конфискация частных земель за проступки по делам веры и по доносам многочисленной армии шпионов — вся эта система держала в оцепенении население империи и, казалось,

готова была задушить всякое проявление свободных идей".[1]

Характеристика эта верна и зиждется на превосходном знании источников, но она не указывает главной причины негодности системы Юстиниана — глубокой реакционности политики Юстиниана, которая в своем исходном моменте базировалась на рабовладении, на отжившей системе эксплоатации, имеющей дело с рабами и колонами. Отсюда немощь финансовой, военной и всей прочей политики середины VI в.

Попытки ближайших преемников Юстиниана оказались бесплодными: остановить процесс „разложения", „распадения" империи было невозможно. Объясняется это тем, что процесс феодализации империи шел ускоренными темпами, движимый активностью городских и деревенских масс, интенсивностью варварских завоеваний.

Чтобы должным образом оценить „новые элементы в истории, которым свойственно особое наименование... византинизма",[2] надо охарактеризовать значение народных движений этого времени. Если для Ф. И. Успенского остался „загадочным" вопрос об участии демов в них, то он остался таковым и для других исследователей; ближе всех к социальной сущности вопроса подошел Манойлович, но и он его не решил. Рим расшатала „революция рабов". На востоке рабовладение не приняло таких чудовищных форм, как на западе, так как этому препятствовало сохранившееся ремесло и „уцелевшие остатки торговли".[3] Тем не менее и здесь рабовладельческие формы эксплоатации и переходная их форма, колонат, перестали соответствовать росту производительных сил, тормозили их и властно требовали изменений. Как ни скупы сведения источников, но они сообщают о движении сельского населения в Египте, Палестине, близ Антиохии. Большие городские центры проявили величайшую активность, которая шла навстречу и сливалась с повторными восстаниями армии. Движение демов было вызвано репрессиями правительства и его борьбой с остатками городского самоуправления, выражало недовольство разных слоев общества, вызванное этими при-

---

[1] Акад. Ф. И. Успенский. История византийской империи, СПб., 1914, т. I, стр. 608.

[2] Акад. Ф. И. Успенский, там же, стр. 631.

[3] Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 149.

теснениями. Широкие городские низы приходили в движение в связи с экономическими стеснениями—недостатком продуктов, хлеба, что неоднократно жестоко отзывалось на жизни масс города. Наконец, движение демов знаменовало изменения в составе сословия ремесленников, где наличие mancipia (рабов-ремесленников) засвидетельствовано законами Юстиниана.

К восставшим, как городскому, так и сельскому населению, всегда присоединялись нищие, бродяги, разбойники, беглые, которые во множестве бродили по провинциям и городам Византии.

Нельзя не напомнить, в подтверждение выдвинутых положений, о том, что в ряде случаев, о которых говорят источники, скупые на такого рода сообщения, и в покушении на Анастасия и во время волнений при Юстиниане всякий раз упоминаются рабы. Рабы фигурируют и в сообщении Иоанна Никиусского о восстаниях в Египте. Наконец, знаменателен заговор аргиропратов при Юстиниане. Аргиропраты, если учесть весь комплекс сведений о них, несомненно имели корни в среде вольноотпущенников и рабов, из которых они обычно выходили.

Переворот, связанный с воцарением Фоки, и захват власти Ираклием были следствием глубоких сдвигов в империи. На это указывают сведения византийских историков о состоянии столицы; заметка о положении на Балканском полуострове в „Чудесах Дмитрия Солунского“; движение в африканских провинциях и борьба в Антиохии, о которых сообщают хроника Иоанна Никиусского и „учение“ Иакова; волнения в Иерусалиме, известные Антиоху Стратигу.

Все эти проявления народных масс говорят о том, что назревший в государстве кризис не разрешен.

Правительство Фоки не имело определенной линии. Выдвинутый войском и поддержанный демами, Фока не использовал своего положения, не поддержал этого движения и не смог воодушевить войска, которые смятенно отступали перед персидскими полководцами в Азии. Его союз с православными и поддержка папского престола были куплены ценой преследования „еретиков“, монофизитов, в азиатских и африканских провинциях. С величайшей жестокостью были подавлены волнения в Антиохии, Александрии и тяготевших к ним областях. Фактически к 609 г. Египет был отторгнут Ираклием-отцом, а его

сторонник Бонакис захватил города дельты Нила. Положение Фоки было поколеблено, а казни и преследования, которыми он думал упрочить свое положение, только его ухудшили.

Смелый шаг молодого Ираклия, имевшего обеспеченный тыл в Египте, решил судьбу столицы. Воцарение Ираклия рассматривается обычно как победа сенаторской партии. Но дело не в этом, а в том, что победили крупные землевладельцы — светские и духовные, в том, что Ираклий вел политику в их интересах, не оказывая сопротивления их центробежным тенденциям, стремлению занять независимое положение. При Ираклии феодализация Византии продолжала развиваться. Соглашение с высшим клиром, возможность получить от него деньги на ведение войны были, конечно, следствием соглашения и уступок со стороны императорской власти мощным духовным владыкам и держателям земли. Фемное устройство благоприятствовало независимости крупнейших землевладельцев-феодалов. Успех царствования Ираклия, помимо его личного военного дарования, был обусловлен тем, что он не оказал сопротивления феодализирующим процессам в государстве, в связи с чем замирало и движение демов. Позднее середины VII в. сведения о них редеют на страницах византийской хронографии.

Народные движения приняли новый характер.

Таким образом, движения и восстания конца VI в. в Византии были ударами по разлагавшемуся рабовладельческому обществу, частью „революции“, которая меняла общественные отношения „во втором Риме“. Варварские завоевания на восточной и северо-западной границе Византии ускоряли затянувшиеся процессы феодализации. Если начало разложения рабовладельческих отношений Восточно-римской империи надо искать ранее конца V в. (до времени императора Анастасия), то в VI и начале VII в. оно шло уже ускоренным темпом.

Демы в VI веке

Сведения византийских источников о внутреннем состоянии империи в конце VI и начале VII в. должны быть подвергнуты тщательному анализу, чтобы возможен был правильный вывод относительно характера движения этого времени. В движении принимали участие войска, часть сельского населения, в том числе рабы, к которым принадлежали различные „бродяги“,

„нищие", „разбойники", по терминологии источников того времени, и демы.

Вопросу о демах уделено место во многих исследованиях византинистов, и к вопросу о них вернулись и на страницах Byzantion. Однако и те попытки, которые были сделаны, не разрешают этого вопроса, так как носят несколько гадательный характер. Исследователи сходятся на том, что демы представляли собою известную организацию городского населения, в которой группы населения возглавлялись старшинами, демархами, а центром своим считали преторий и по всем важнейшим делам были подчинены епарху города.[1]

Сведениями о демах источники пестрят до половины VII в., после императора Ираклия сообщения о них становятся все реже. Наиболее часто демы упоминаются с конца V до начала VII в., когда встречаются особенно бурные проявления их неудовольствия и восстания. В смене Маврикия Фокой, в период царствования этого последнего и в утверждении на престоле Ираклия особенно большое участие принимают демы.

Точка зрения Рамбо на демы как на партии цирка[2] была окончательно разрушена Ф. И. Успенским,[3] главные положения которого стали исходными для углубленного исследования Манойловича, опубликованного еще в 1904 г. Внимание к вопросу о демах было вновь привлечено в недавнее время, и на страницах Byzantion появился французский перевод труда Манойловича, основные выводы которого сводятся к следующему.

Византийские источники называют народ в целом δῆμος. Корпорации, партии получают наименование δῆμοι.

Вооруженная часть демов именовалась демотами — δημόται. Эти термины и термин τὰ μέρη[4] в ряде случаев строгого различия не имеют.[5] Голубой цвет объединял высшие слои обще-

[1] Jean de Nikiou, p. 490.

[2] Rambaud. De byzantino hippodromo et circensibus factionibus. Paris, 1870.

[3] Ф. И. Успенский. Партии цирка и демы в Константинополе. „Византийский временник", 1894, I, стр. 1—16.

[4] Manojlović. Le peuple de Constantinople. Byzantion, v. XI, f. 2, Bruxelles, 1936, pp. 617—716.

[5] Ibid., pp. 621, 625. — Историю этих терминов пытается проследить А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции в V—VII вв. Византийский временник, Л., 1945, стр. 149, 150, 179. С этой статьей я познакомилась по ее выходе в декабре 1945 г., когда настоящая книга была в гранках.

ства — аристократию и тяготевшие к ней группы. Силу голубых составляли их клиенты, слуги и другие зависящие от богатых люди.[1] Зеленые объединяли низшие слои населения, соответственным образом и кварталы города, которые они занимали, были коммерческие и ремесленные, где и располагались их γειτονίαι.[2] В Сиках жили приверженцы голубых, но в VI в., объясняет Манойлович, это было местом, где жило не ремесленное, а сельское пригородное население — ἄγροικοι, coloni, adscripticii. Это они в пылу борьбы напали и разгромили кладовые ἀποθῆκαι, которые защищали ἐργαστηριακοί.[3]

Таким образом, Манойлович проводит между голубыми и зелеными различие социального характера, которое он сочетает с различиями религиозного характера. Зеленые, по мнению Бюри, были склонны к монофизитству, и с этим мнением согласился и Манойлович.[4] Отсюда покровительство императора партии голубых всегда знаменовало, по его мнению, реакцию как политическую, так и религиозную.[5] Из этих основных положений исследователь сделал общие выводы: цирк был местом, где более широкие круги населения принимали участие в государственной жизни; „народ" имел некую конституционную силу; часть демов была вооружена, и в острые моменты их борьба в Константинополе принимала характер социальной борьбы.[6]

Тесно примыкает к статье Манойловича статья Янсенс,[7] но, к сожалению, в ней утеряна и та небольшая доля внимания к социальным вопросам, которая была им уделена ее предшественником. Сосредоточив весь интерес на том, какому цвету покровительствовал тот или иной император, автор не делает и не может сделать никаких общих и окончательных выводов о том, чем были и какую роль играли демы в общественной жизни Византии. Но отдельные соображения и указания представляют несомненный интерес.

[1] Manojlović, pp. 642, 653, 654.

[2] Ibid., pp. 652, 654.

[3] Ibid., pp. 652—653.

[4] Bury. History of the later Roman Empire, v. I, 1889, pp. 295. — Manojlović. Le peuple, pp. 663.

[5] Ibid., pp. 640.

[6] Ibid., pp. 704, 707, 714.

[7] Janssens, Ivonne. Les bleus et les verts sous Maurice, Phocas et Heraclius. Byzantion, 1936, IX, 2, pp. 499—536.

Придавая большое значение терминологии источников я считаю необходимым уделить внимание тому, что партии цирка, или группы народа, организованные в демы, неоднократно получают и наименование сословий τὰ μέρη.

Константинополь был центром мировой торговли до открытия прямого пути в Индию. Этим объясняется наличие в византийской столице и других больших городах империи населения, занятого ремеслами и торговлей. Сведения летописей и хронографий в этом отношении недостаточны. Выше мною был дан анализ выдающегося по значению византийского памятника — „Анонимного трактата о военном искусстве", который я отношу ко второй половине VI в. В предисловии трактата автор дает характеристику группам, или сословиям (τὰ μέρη), византийского общества.[1] В этой части сочинения он высказывает историко-экономические взгляды, развиваемые им как практическим деятелем своего времени. Он рассматривает отдельные сословия с точки зрения их полезности и их роли в государстве вообще. Замечательно самое употребление им термина τὸ μέρος (plur. τὰ μέρη) — часть, доля, как термина, определяющего сословия и классы вообще, без того специфического значения партии цирка зеленой или голубой, которое известно в летописной литературе. Это говорит как о первоначальном, более широком значении слова, так и о том, что основой, подоплекой этого слова было сословное деление.

Главное внимание автор трактата уделяет городскому населению: торговцам, ремесленникам и работающим (рабочим). В связи с тем, что начало трактата отсутствует, перечисление в третьем параграфе его подразумевает выпавший выше термин сословия в среднем роде τὸ μέρος. Названо им сословие торговое (τὸ ἐμπορικόν μέρος), к которому он относит хлеботорговцев, виноторговцев и мясоторговцев. К сословиям ремесленным (τὸ ὑλικόν μέρος) причисляются лица, занятые переработкой сырья, производством из него продукции (ὑλή). Термин τὸ ὑπερετικόν μέρος относится к тем слоям ремесленников, которые выполняют примитивную работу, то, что может быть названо неквалифицированным трудом; как пример автор приводит „древоносцев" и „камненосцев", т. е. грузчиков разного рода.

[1] Der byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft, I, 5, ed. Köchly u. Rüstow. Griechische Kriegsschriftsteller, II, 2, Leipzig, 1855, p. 44.

Как пример людей, связанных с обработкой сырья, приводятся лица, обрабатывающие железо и медь.[1] К этому перечню можно было бы сделать ряд добавлений, так как автор приводит только примеры, иллюстрирующие его положения. Известно, например, что при Юстиниане была широко развита обработка шелка, многочисленны были ювелирные мастерские, всякого рода резчики по камню, по металлу, лица, производящие мозаичные работы. Эти прямые указания источников имеют непосредственное отношение к „уцелевшим остаткам торговли" и ремесла в византийских городах.

Тот же анонимный трактат по военному искусству дает материал для характеристики низов города. В нем сохранилось полемического характера указание на то, что в городах были группы населения, не занятые постоянным трудом, которые он называет сословием бездельным (τὸ μέρος ἀργόν). Эту группу автор считает нетерпимой, негодной для государства, так как это сословие могло бы συντελεῖν ἐπὶ λυσιτελείᾳ τῆς πολιτείας — работать на пользу государства, а на деле оно бездействует — οὐκ ἐνεργεῖ. Эту группу населения необходимо занять, необходимо дать ей работу, так как при безделье она устремляется к смятению и воровству и склоняется ко всякому другому злу.[2] Это выпад человека, занятого практической деятельностью и резко осуждающего не имевшие определенного рода занятий городские низы, в которых он видел бездельников, беспокойный для государства элемент. На одной из последних ступеней государственной иерархии, по его мнению, стоит „сословие театральное", куда включаются возницы, артисты, музыканты, которые бывают нужны для того, чтобы отмечать коронацию государей, военные триумфы и другие празднества.[3]

Таким образом, термин δῆμος — народ и δῆμοι во множественном числе — родственные наименования и указывают на преимущественную связь между народом и той новой формой организации населения, которая получила название демов. Термин τὰ μέρη указывает на связь другого рода, на то, что эти группировки были связаны с сословным делением городского населения. Население это было организовано так, что

[1] Anonymus, I, 3, p. 42.
[2] Ibid., I, 5, p. 44.
[3] Ibid., III, 15, p. 54.

имело своих старшин и возглавлялось демархами, а верховным их начальником был епарх. Местом их сборищ был преторий. Епарх, как известно, имел непосредственное отношение к торговле и ремесленным людям города, об этом говорят законодательные акты и хроники, а к X в. эта традиция зафиксирована в книге епарха. Эти городские сословия — торговое и ремесленное — входили в состав демов, но входили не только они. Предположение Манойловича, что более активный элемент — зеленые объединяли кварталы, населенные торговцами, ремесленниками, моряками, имеет достаточно оснований. Голубой цвет, по его мнению, объединял высшие слои общества, аристократию и тяготевших к ней клиентов, слуг и других зависимых людей. И те и другие имели своих демархов, которые назывались и διοικηταί.[1] Насколько видную роль играли демархи, видно из того, что в острый политический момент император Маврикий приглашает их во дворец. Сенатор Герман, тесть сына Маврикия Феодосия, стремясь обеспечить себе симпатии зеленых и подкупить их демарха, посылает им талант золота.[2] Опираются демархи на верхушку, составляющую как бы их совет. Так, демарх Сергий по поводу кандидатуры Германа, стремившегося занять царский престол, советуется со старейшинами и виднейшими представителями прасинов — τοὺς κορυφαιοτέρους τοῦ δήμου,[3] факт, на который не обращено до сих пор внимания. Несомненно, что верхушка демов и их демархи принадлежали к богатым, зажиточным слоям населения. Следует отметить, что, и по мнению автора анонимного трактата, ремесленники, занимающиеся обработкой сырья, должны быть состоятельными — εὐπόρους εἶναι.[4] Эти высшие, богатые слои населения, как и аристократические верхи, сенаторы, составляли главную силу демов, так что и политические права, унаследованные ими от предшествующих веков, остались за ними.

Но в состав демов входили и другие слои населения. В Сиках жили приверженцы голубых, пригородное население, занятое сельским трудом — ἀγροικοι, coloni, adscripticii.[5]

[1] Janssens. Les bleus et les verts, p. 505.
[2] Theophanes. Chronographia, p. 293.
[3] Simocatta, 8, 9, p. 302.
[4] Anonymus, III, 12, p. 52.
[5] Manojlović, pp. 642, 652, 654.

К зеленым примыкали наименее состоятельные городские слои: мелкие ремесленники и торговцы, моряки, выполнявшие всякого рода неквалифицированный труд, грузчики, возчики, носильщики. И к тем и к другим примыкали городские низы, нищие, „бездельники“, на которых так негодует анонимный трактат. Это был тот горючий материал, который легко воспламенялся и в моменты острой политической борьбы привлекался и вербовался верхушкой. И Манойлович и Янсенс видят в прасинах и венетах различные социальные слои, связанные с различными религиозными направлениями. Это совершенно справедливо для господствующей части демов: венеты представляли аристократию и сенаторское сословие, а прасины — торговое и ремесленное сословия. В нижней же своей прослойке демы, как указывает история восстаний, волнений, выступлений демов, часто объединялись, действовали заодно. Если среди лиц, примыкавших к голубым и составлявших их опору, были преимущественно зависимые от них лица, их „клиенты“, выражаясь еще языком римского права, их слуги, служащие, колоны пригородных имений, то к прасинам тяготели ремесленники, моряки, торговцы. Антагонизм между этими двумя группами имел место и, несомненно, разжигался заинтересованными в политическом соперничестве демархами и ближайшей к ним группой. Если пересмотреть источники, что мне и пришлось сделать, то становится совершенно очевидным, что голубой и зеленый цвет имеет значение лишь для верхов общества и для отдельных политических моментов. По существу же в этих формах протекала социальная борьба, борьба низших городских слоев населения с правительством и с состоятельной верхушкой. Отсюда открытое недовольство по поводу дороговизны продуктов питания и отсутствия хлеба, требование сменить чиновника, ответственного за поставки в город. Отсюда совместные действия прасинов и венетов в острые моменты социальной борьбы; отсюда и такие факты, как взаимная поддержка в действиях, направленных против правительства. Демоты — вооруженная часть демов — имели полную возможность пускать в ход бывшее в их распоряжении оружие. Социальный антагонизм внутри демов — вот факт выдающегося значения; об этом имеются свидетельства византийских авторов.[1] И если вспыхивает борьба внутри дема

[1] Ioannes Malalas, p. 492. — Theophanes, p. 237.

голубых, не меньшего внимания заслуживает другой факт — взаимная поддержка прасинов и венетов в низших слоях этих группировок в борьбе против правительства.[1]

После восстания „Ника“ Юстиниан „приказал епарху города наказать тех из партии венетов, которые присоединились к прасинам“.[2] Страшен был единый фронт демов, их объединение едва не стоило Юстиниану престола.

Нельзя не отметить и того факта, что оппозиционные настроения преимущественно господствовали среди прасинов, которые по положению своему занимали более скромное место, чем венеты. Последние пользовались благосклонностью некоторых императоров, например Юстиниана, представителей сенаторского сословия, например Германа, тестя сына императора Маврикия, Феодосия. Но симпатии к венетам со стороны правящих групп были лишь проформой или политическим расчетом, потому что, как только среди демов обострялись оппозиционные настроения, прасины и венеты забывали свое соперничество и вражду и вместе громили правительство. Источники не дают оснований предполагать, чтобы склонность или „любовь“ императора к тому или другому цвету, партии, группе что-нибудь меняла в общем положении демов.

Симпатиями императора Анастасия пользовались русии, красные, не представлявшие собою многочисленной партии; впоследствии они обычно присоединялись к прасинам. Хроника Иоанна Малалы не напрасно связывает с этой симпатией неудовольствия и повсеместные восстания прасинов и венетов.[3] Император Юстиниан имел склонность к венетам, но это не помешало им участвовать в восстании „Ника“. Ко времени Анастасия относятся волнения в Константинополе, где в цирке прасины стали требовать освобождения лиц, захваченных и посаженных в тюрьму епархом города. Не лишено интереса, что эти лица были взяты по обвинению в том, что они бросали камни — ὡς λιθοβολήσαντες.[4] Но император не снизошел к просьбам народа, а, разгневавшись, велел обнажить против них оружие, и произошло „великое смятение“. Демы (οἱ δῆμοι) двинулись

[1] Constantinus Porphyrogenetos. Excerpta de insidiis. Malalas, c. 50, p. 175.
[2] Chronicon paschale, p. 629.
[3] Ioannes Malalas. Chronographia, p. 393.
[4] Ioannes Malalas, p. 394. — Chronicon paschale, p. 608.

на экскубиторов (т. е. на царскую стражу), достигли трибуны — ἐλθόντες ἐπὶ τὸ κάθισμα — и стали бросать камнями в царя Анастасия. Один из них, пущенный неким Мавром (εἷς Μαῦρος), попал бы в цель, если б Анастасий не увернулся от него и не бежал. На дерзкого Мавра набросились экскубиторы, избили его, так что он „отдал душу“. Раздраженный народ (ὁ δῆμος) поджег царскую трибуну, другие части цирка и общественные здания. Спокойствие водворилось после многочисленных наказаний и назначения префектом претория Платона, бывшего патроном прасинов, ὃς ὑπῆρχε πάτρων τοῦ πρασίνου μέρους.[1]

Таким образом, если инициатива в требованиях, предъявленных Анастасию в цирке, и исходила от прасинов, то в действиях и в самом восстании участвовали демы вообще и народ. Результатом движения было назначение епархом города лица, близкого прасинам, их патрона, занимавшего, повидимому, положение демарха, по другой терминологии источников. Но особенно существенное дополнение можно сделать из Иоанна Никиусского, называющего восставшими тех, освобождения которых требовала толпа на ипподроме, бросивший же камень человек (Мавр) был рабом. Из таких подробностей социальная сторона восстания становится особенно очевидной, как и тот факт, что в народном движении в это время принимали участие и рабы; в отдельных случаях им принадлежала даже инициативная роль.

В Антиохии времени Анастасия отмечаются волнения, в которых принимают участие вооруженные представители демов — демоты, причем более активная роль принадлежала прасинам. 9 июля 507 г. в Дафне, пригороде Антиохии, была сожжена синагога. Когда об этом стало известно в Константинополе, комитом востока был поставлен антиохиец Прокопий, а византиец Мина был назначен никтепархом, т. е. префектом ночной полиции города, должность, засвидетельствованная и другими источниками.[2] Он решил наказать прасинов за произведенные ими беспорядки. Прасины засели в храме Иоанна, за городом. С отрядом готов Мина проник в церковь, где был убит в самом алтаре один из „бунтовщиков“; ему

[1] Ioannes Malalas, p. 395. — Chronicon paschale, p. 608.
[2] Sophokles. Greck lexicon, p. 787. — Novellae, 13, 3.

отрезали голову, а затем, переходя мост через Оронт, бросили ее в воду. Обо всем происшедшем Мина сообщил Прокопию. Между тем весть достигла и прасинов, которые нашли труп убитого и обезглавленного Елевтерия и принесли его в город.

Никтепарх Мина собрал войско и демотов партии венетов и сразился с „народом партии прасинов“ — ὁ δῆμος τοῦ πρασίνου μέρους. Сражение произошло у базилики Руфина, у бань, называемых Ольвией, и на „морской“ улице. Победа осталась за прасинами, которые подожгли базилики Руфина и Зенодота и преторий комита востока, схватили Мину, казнили его, а труп сожгли за Антиохией. Комит востока Прокопий бежал в Александрию. Анастасий назначил комитом востока Ириния Пептадиаста, антиохийца, „который строгими наказаниями поверг город в страх“.[1] Вслед за тем хронограф сообщает, что Анастасий ἐκούφισε τὴν λειτουργίαν τοῦ λεγομένου χρυσαργύρου, „уничтожил подать, называемую хрисаргир“.

Известно, что хрисаргиром облагалось городское население, причем наиболее тяжело было его выплачивать низам города, так как любой труд, любое поделье подлежало обложению. Его взимали за осла, перевозившего тяжести, с блудницы, торговавшей собственным телом.

О тягостях этого налога подробно говорит Евагрий, а о радости избавления от него — сирийский летописец Иешу Стилит.[2] Здесь хрисаргир упоминается вновь и при этом хронограф подчеркивает μεγάλη καὶ φοβερὰ φιλοτιμία Анастасия, „великое и страшное любостяжание“, т. е. его жадность и скупость. А затем вслед за волнениями в городах сообщается о предпринимаемых в городе работах, общественном строительстве, на которое, естественно, должно было быть привлечено много рабочей силы. В этом следует видеть попытку государства дать населению заработок и тем самым несколько успокоить поставленных в тяжелое положение горожан.

При Анастасии также произошло народное восстание в Александрии, непосредственной причиной которого был недостаток масла — διὰ λεῖψιν ἐλαίου. Восстание, по показанию источника, подняли οἱ δῆμοι Ἀλεξανδρείας, что правильно было бы перевести „демы Александрии“, под которыми следует понимать население, организованное в демы.[1] Но так как здесь не названы голубые и зеленые, то нельзя и возражать против понимания термина οἱ δῆμοι как „народ“, хотя такой перевод не вполне отвечает строгому пониманию терминов. В состав демов входили элементы и малоимущие; они и подняли восстание в связи с экономическими затруднениями, с недостатком масла в городе. Такие экономические осложнения могли действовать только на низы города, для которых недостаток и дороговизна были равносильны голоду. Отсюда и способы успокоения волнений обычно сводились к новым работам, и не случайно хроника Иоанна Никиусского сообщает, что Анастасий, воздвигая всякого рода постройки и стремясь к выполнению „полезных дел“, искал спокойствия и мира.[2]

В последние годы царствования Анастасия народные волнения в Константинополе приняли еще дополнительный оттенок — религиозной распри, но причина неудовольствия лежала, повидимому, в тяжелых условиях существования населения, к которым вела финансовая политика Марина-сирийца, ее руководителя при Анастасии.[3]

После смерти Анастасия византийский престол занял Юстин (518—527), что произошло при событиях бурных, в которых принимали участие войско, народ, сенат; действовали подкупами и оружием.[4] Одним из первых мероприятий нового царя была денежная субсидия многим городам; Антиохия получила тысячу литр золота.[5] Это должно было способствовать некоторому успокоению городского населения. Ко времени Юстина I относятся, однако, длительные волнения демов; на этот раз инициатива принадлежала венетам.[6] Это говорится не только относительно столицы. Волнения имели место „во всех городах“ и, может быть, в этой активности венетов и следует искать разгадку того, что Юстиниан заискивал перед ними и поддерживал их. С волнениями городского населения было связано запрещение при Анастасии игр, плясок и гладиаторских

---

1 Ioannes Malalas, p. 398.

2 Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., Л., 1940, стр. 56—57.

1 Ioannes Malalas, p. 401.

2 Jean de Nikiou. Chronique, p. 491.

3 Ioannes Malalas, pp. 406—408.

4 Ioannes Malalas, pp. 410—411. — Theophanes, pp. 164, 165. — Chronicon paschale, p. 611.

5 Theophanes, p. 165.

6 Jean de Nikiou, p. 503.

боев в городах, а Юстин отменил в Антиохии олимпийские игры.[1] Скопление народа при массовых зрелищах, новый приток в город из окрестных селений были крайне нежелательны при общем повышенном настроении и легко возникавших в городах восстаниях.

В 523 г. Константинополь пережил тяжелые дни в связи с волнениями демотов. Когда в 527 г. Юстиниан стал соправителем Юстина, он направил в Антиохию и другие города страны царские указы — ἐν ἑκάστε δὲ πόλει κατέπεμψε θείας σάκρας, угрожавшие жестокими наказаниями всем зачинщикам восстаний и беспорядков. Перед этой угрозой демы объединились, и в Антиохии „демы были в дружбе на некоторое время". Ἐν δὲ Ἀντιοχείᾳ τῇ μεγάλῃ πρὸς ὀλίγον καιρὸν ἐγένοντό ἐν φιλιᾷ οἱ δῆμοι.[2] Еще при Юстине демы на время междоусобной войны не смели обращаться с жалобами к императору, так как его меры затронули бы обе стороны.[3] Несмотря на все эти запреты, в 532 г. в столице произошло восстание, известное под именем „Ника"; „побеждай" — было его лозунгом. Относительно источников и фактической истории восстания написано достаточно, и нет необходимости повторять все сказанное предшествующими исследователями.[4] Иначе обстоит дело с анализом этого „бунта", едва не стоившего Юстиниану царского скипетра. По вопросу о партиях здесь необходимо отметить следующее: инициатива восстания принадлежала вновь прасинам; непосредственной причиной их неудовольствия был царский оруженосец и кубикуларий Калоподий, но за ним метили в более крупных государственных деятелей — префекта претория Иоанна Каппадокийца и Требониана. В перебранке между прасинами и глашатаем, представлявшим правительство, приняли участие и венеты.[5] В активных действиях винили демотов обеих партий и при кровавой расправе на ипподроме никого не оставляли в живых — ни прасинов, ни венетов, так что μηδένα τῶν πολιτῶν ἢ Βενέτων

[1] Ioannes Malalas, p. 417.
[2] Ioannes Malalas, p. 422.
[3] Jean de Nikiou, p. 503.
[4] Ю. Кулаковский. История Византии, т. 2, стр. 75—84.
[5] D. Tabacovitz. Sprachliche und Textkritische Studien zur Chronik des Theophanes Confessor, Uppsala, 1926, pp. 49–52.

ἢ Πρασίνων εὑρεθέντων ἐν τῷ ἱππικῷ σωθῆναι.[1] Для того чтобы ослабить движение, спафарий Нарсес подкупил некоторых из венетов, которые стали выкрикивать благоприятные Юстиниану слова.[2] Во всех действиях, направленных против правительства, и поджогах участвовали и прасины и венеты. Это было восстание городского населения.[3] Между прасинами и венетами в нижней прослойке нельзя указать резких противоречий. Юстиниан велит наказать тех венетов, которые присоединились к прасинам.[4] Но о чем можно говорить, как о факте, не вызывающем сомнений, так это о различии в социальных слоях, охваченных организацией демов. К восстанию „Ника" были причастны состоятельные лица, так как ряд патрикиев был подвергнут различным наказаниям, а их имущество, движимое и недвижимое, было конфисковано в пользу царской казны.[5] Члены сената и патрикии занимали, конечно, другое место на социальной лестнице, чем тот многочисленный народ, который принимал непосредственное участие в революционных действиях в столице. О том, какие огромные массы пришли в движение, можно судить по числу жертв: на ипподроме в кровавой развязке погибло около 35 тысяч человек.[6] Если даже взять под сомнение это число, то, во всяком случае, известно, что демотам, т. е. вооруженной части демов, поручали охрану городских стен, или долгой стены, и, следовательно, их число превосходило указанное в списках на 900 и 1500 человек, представленных демархами Маврикию. Эти данные были бы совершенно непонятными, если бы не следовало предположить, что демы охватывали различные слои населения города, и демархи пришли во дворец к Маврикию со списками, включавшими только наиболее состоятельных и видных представителей демов. Без этой верхушки нельзя себе представить того положения, которое демы занимали как в V—VI вв., так и в X в.

[1] Theophanes, p. 185.
[2] Chronicon paschale, p. 626. — Theophanes, p. 185. — Ioannes Malalas, p. 476.
[3] Ioannes Malalas, p. 474.
[4] Chronicon paschale, p. 629.
[5] Ibid., p. 628.
[6] Ioannes Malalas, p. 476.

Середина VI столетия заполнена сообщениями о волнениях демов. 11 мая 547 г., в бытность епархом города Фоки, произошла схватка между обеими партиями. Правительство воспользовалось случаем ослабить их силы и послало экскубиторов и стратиотов „навести порядок“ мечом; многие были перебиты, другие были задавлены в тесноте, во время бегства.[1] Но в июле 549 г. между прасинами и венетами произошло новое столкновение — γέγονε συμβολὴ ἐξ ἀμφοτέρων τῶν μερῶν. Был подожжен дом, называемый Парда; пожар распространился, и было много человеческих жертв.[2] В апреле следующего года при епархе Иоанне Коккорбии произошло народное волнение и столкновение ἐγένετο συμβολὴ δημοτικὴ на ипподроме, было убито много народа из обеих партий. Феофан уточняет эти сведения. Он говорит, что столкновение произошло между демами, и добавляет, что εἰς ἐργαστήρια εἰσῆλθον καὶ ἥρπαζον, εἴ τι εὕρισκον.[3] Воспользовавшись побоищем, народ бросился в мастерские и лавки и хватал все, что там находил. Такого рода побоище, а затем грабеж не могли не иметь соответствующей экономической подоплеки и, конечно, имел мало общего с интересами цирковой или вероисповедной борьбы.

В мае 556 г. в столице чувствовался острый недостаток хлеба, и на ипподроме народ стал кричать: „Царь, изобилие городу!“. Юстиниану это было особенно неприятно, так как это произошло в присутствии персидских послов, находившихся в цирке. Пока происходило представление, дом префекта подвергся нападению. Разгневанный император приказал Музонию, бывшему епархом города, наказать виновных. В том, что с этими волнениями были связаны демы, не остается сомнений, так как Феофан говорит, что на ипподроме демы — οἱ δῆμοι — кричали и требовали хлеба.[4] Требования, несомненно, исходили от городских низов, так как в городе было вино, сало и другие продукты питания, но в течение трех месяцев был острый недостаток в хлебе и овсе. Чрезвычайно интересен тот факт, что епарх Музоний,

[1] Ioannes Malalas, p. 483. — Theophanes, p. 225.
[2] Ioannes Malalas, p. 484. — Theophanes, p. 226.
[3] Ioannes Malalas, p. 484. — Theophanes, p. 227.
[4] Theophanes, p. 230. — Iorga. Vie byzantine, I, p. 162.

выполняя приказ царя о наказании виновных, велел схватить людей из партии венетов — κατεσχέθησαν ἐκ τοῦ Βενέτου μέρους — и наказал „неких из знатных людей“ — ἐκολάσθησαν τινες τῶν ἐνδόξων ἀνδρῶν.[1] Правительство считало, следовательно, что ответственность за действия демов на этот раз падала на венетов, обычно считавшихся партией, к которой Юстиниан благоволил. Так как наказанию были подвергнуты „знатные“ люди из венетов, то можно предположить, что они использовали тяжелое настроение голодных масс и вызвали их выступление в столице. Как известно, венеты пользовались покровительством сенаторских кругов, которые принадлежали к крупным землевладельцам, поэтому возможно, что „знатные“ лица из партии венетов были повинны и в том, что хлеб не доставлялся в столицу, тем более, что другие продукты питания были в наличии. Законодательство времени Анастасия и Юстиниана неоднократно стремилось выравнять искусственно вздувавшиеся цены на хлеб, в повышении которых были заинтересованы хлеботорговцы и земельные собственники.

Демы выступают активно и в другом случае, также связанном с недостатком хлеба. В сентябре 560 г. (Феофан под 6053 г.) в столице распространился слух, что император умер; между тем он прибыл из Фракии, но никто еще этого не знал. Демы неожиданно захватили весь хлеб из булочных и пекарен ἐκ τῶν ἀρτοπωλίων καὶ μαγειρίων, так что в третьем часу нельзя было уже найти хлеба во всем городе. Лавки и мастерские были закрыты — ἐκλείσθησαν δὲ καὶ τὰ ἐργαστήρια.[2]

Сенатом, которому не было известно о „головной боли“ царя, в девятом часу было созвано экстренное заседание и были приняты меры к оповещению населения о том, что Юстиниан жив и здоров, стремясь этой вестью остановить дальнейшие беспорядки.

Постоянные задержки в поставке хлеба и недостаток его в столице приводили к тому, что любые события в городе ставились в связь с этим основным жизненным вопросом и побуждали народ торопиться захватывать хлеб. Закрытие лавок, заседание сената, экстренные меры, — все говорит о том угрожающем положении, которое создавалось для города, когда народные массы выходили из привычного повиновения.

[1] Ioannes Malalas, p. 488.
[2] Theophanes, p. 234.

В мае 557 г. на обычных ристалищах на ипподроме произошли новые столкновения. После окончания игр прасины проходили портик Мосхиана и неожиданно подверглись оскорблению со стороны некоторых представителей из дома, называемого Аппионовым — на них напали венеты. Схватки произошли в различных местах города. Переправившись из Сик на азиатский берег, венеты подожгли приморские склады — καίειν τὰς παραθαλασσίους ἀποθήκας. Если кто-нибудь пытался тушить пожар, его поражали из лука венеты, так как и „у самих мастеровых там были различные товары" — εἶχον γὰρ τῶν αὐτῶν ἐργαστηριακῶν διαφόρους ἀμοιβάς.[1]

В гавани Неории был также подожжен дом, известный под именем дома Андрея. Столкновения произошли и на Средней улице (ἐν τῇ Μέσῃ), где загорелся дом Барсимы, занимавшего тогда положение епарха; пожар распространился до Тетрапила и противолежащего ему портика. Сражение продолжалось два дня; оно было прекращено вмешательством военной силы с комитом экскубиторов Марином и куропалатом Юстином во главе.[2]

На этот раз более активные действия принадлежат венетам: они нападают на прасинов, они бросаются к складам товаров на морском берегу и поджигают их. Они парализуют попытки тушить пожар, исходившие от тех, кто был заинтересован в этих складах — от ремесленников — οἱ ἐργαστηριακοί, у которых там были различные товары — διαφόρους ἀμοιβάς. Это может служить лишним указанием на связь прасинов с ремесленниками, которые входили в состав дема. Следует сопоставить эти скупые выводы с предположением, высказанным выше, что венеты выражали в известной степени настроения сенаторской верхушки и были связаны с землевладельцами, заинтересованными в хлебной торговле.

Манойлович высказал совершенно правильное предположение, что венеты, которые приняли участие в вооруженном столкновении и подожгли кладовые и склады, находившиеся на берегу, принадлежали к „загородной" части дема, о которой много сообщается в сочинении Константина Багрянородного „О церемониях византийского двора". Это были περατικοί,

[1] Ioannes Malalas, p. 491.
[2] Ibid., pp. 490—491.

жившие в Пере, и тяготевшие к дему венетов земледельцы, которые были вызваны на помощь и поддержку городской части дема венетов. Предположение это вполне основательное, тем более, что это была вооруженная толпа демотов, которые имели луки и могли поражать стрелами своих противников.[1] Но, конечно, совершенно нельзя согласиться с тем, что эти люди, будучи земледельцами, ἀγροῖκοι, только по этому одному испытывали „естественную антипатию" к ремесленникам.[2] Привлеченные городским демом или его руководящей верхушкой, они приняли активное участие в борьбе. Антагонизм между прасинами и венетами мог быть вызван целым рядом обстоятельств. Враждебные друг другу верхи демов, соперничавшие в торговле хлебом и продуктами сельского хозяйства, с одной стороны, и предметами ремесленного производства, местного и привозного, с другой, — втягивали в эту борьбу все тяготевшие к ним слои. Но гораздо чаще борьба велась против правительства, отдельных чиновников и их мероприятий. Как adscripticii, занятые на сельскохозяйственных работах, и mancipia, занятые ремеслом, так и свободное юридически и закабаленное экономически население крупных городов и пригорода пользовалось возможностью в этих формах выражать свои требования, свой протест. Классовая борьба в средневековье не раз принимала причудливое обличие.

В Кизике происходили народные волнения летом того же года, в результате которых было много жертв из обеих партий.[3] У Феофана под 6054 г. помещены последовательно два сообщения, относящиеся к октябрю и ноябрю месяцам 561 г., которые он не ставит в связь между собой, но связь эта напрашивается сама. В октябре произошел большой пожар, в котором сгорели все мастерские, расположенные от Кайсарии до Омфакераса. В ноябре на ипподроме, до того как начались ристания, прасины напали на венетов, и произошла народная свалка — δημοτικὴ ταραχή. Царь, взойдя на кафизму, приказал комиту экскубиторов Марину и куратору Кайсарии разнять партии, но им это не удалось. Многие были убиты и изувечены из числа обеих партий. Венеты вышли на места

[1] Manojlovič. Le peuple, pp. 653—654.
[2] Ibid., pp. 653.
[3] Ioannes Malalas, pp. 491—492.

прасинов, крича: „Не троньте здесь, не троньте там, здесь прасин не показывался“, а прасины вновь кричали: „Ай, ай, все, все“. Прасины отправились на Среднюю, главную, улицу, в квартал венетов, побивали камнями тех, кого находили, и кричали: „Не троньте, не троньте, здесь венет не показывался“. Затем они направились в другие кварталы и захватывали всякое имущество — ἥρπαζον τὰς ὑποστάσεις. Эти последние действия, судя по контексту, производили прасины же, а кварталы, αἱ γειτονίαι, в которых они захватывали имущество, вероятно, принадлежали, как и в предыдущем случае, венетам. К прасинам были применены наиболее строгие меры наказаний. Однако и венеты были напуганы и искали убежища в храме Богородицы во Влахернах. Прасины спрятались на Халкедоне, в церкви Евфимии, но епарх вывел их оттуда и подверг тяжелым карам. Напрасно просили за них их жены и матери: до конца декабря царь не внимал их просьбам и не прощал прасинов.[1]

Когда в октябре произошел большой пожар, истребивший мастерские в Кайсарии, ее куратор должен был помочь комиту экскубиторов разнять прасинов и венетов. Так как прасины бросились на венетов, не дожидаясь начала цирковых представлений, они, следовательно, были в чрезвычайно повышенном настроении. Из рассказа Малалы известно, что венеты подожгли склады с товарами и вредили ремесленникам; возможно, что виновными в большом пожаре в Кайсарии прасины считали венетов и мстили им. А затем прасины стали разорять кварталы венетов и хватать их имущество. Феофан при этом указывает, что это было в воскресение — διὰ φανούσης κυριακῆς, замечание, как-будто не имеющее какого-либо особого значения для самого факта. Но если в числе прасинов были преимущественно ремесленники или работавшие на строительстве и занятые на других работах в городе, то указание на воскресение имеет значение, так как в этот день работа в мастерских не производилась.

Если верно предположение, что демы соединяли различные элементы, на что указывает и то обстоятельство, что деление города на кварталы в известной мере легло в основу организации демов, то если был квартал венетов, то были

[1] Theophanes, pp. 235—236.

и кварталы прасинов. В пределах отдельного дема также происходили столкновения. Малала сообщает: „В октябре месяце 11-го индиктиона произошли беспорядки среди венетов в Византии и случилось столкновение их друг против друга в так называемом Питтакии“.[1] Дело приняло серьезный характер и дошло до мечей — ξιφῶν συρέντων. В сече потерял руки один клирик, имя которого — „сын Иоанна Коментаризия, называемого Гилом“, — сохранил Малала.

Эти факты подверждают еще раз правильность высказанных мною выше соображений, что как венеты, так и прасины в пределах одного и того же дема объединяли людей разного социального и имущественного положения. Смятение и схватки, происходившие среди самих венетов, говорят об этом.

Характерен и другой эпизод, который указывает на то, что демоты стояли друг за друга, независимо от того, к какому цвету они принадлежали. Один прасин был приговорен к смертной казни за насилие над дочерью куратора, т. е. смотрителя дворца Акакия. Когда его возили по городу, в Питтакии его отбили венеты и спрятали в церкви св. Софии. Прасина помиловали, а венетов, освободивших его, водили по городу два дня.[2]

Естественные бедствия способствовали обострению классовых противоречий в столице. В осенние месяцы того же года наступила такая сильная засуха, что у водоемов происходили настоящие битвы — πολλὰς μάχας γενέσθαι. Ощущался также сильный недостаток в хлебе, так как с начала августа едва третья часть судов вошла в гавани Константинополя. Причиной этого было то обстоятельство, что непрерывно дул северный ветер, а южного ветра не было.[3] Все это усугубляло общее тяжелое настроение в столице. Известно, что податная и финансовая политика Юстиниана, постоянное увеличение количества налогов, изыскание новых возможностей обогатить казну тяжело ложились на плечи населения. Тяготились финансовыми мерами правительства Юстиниана и лица, специ-

[1] Ioannes Malalas, p. 492. — Theophanes, p. 237.

[2] Ioannes Malalas. Constantinus Porphyrogenetos. Excerpta de insidiis, Malalas, c. 50, p. 175. — Editio Mommseni, Hermes, 6, p. 380.

[3] Ioannes Malalas, p. 492.

ально связанные с денежным обращением в империи. Наиболее яркие сведения о денежных затруднениях казны сохранил Прокопий в своей „Тайной истории“. Его обвинения сирийца Петра Варсимы (в греческом написании его имени), длительно занимавшего пост префекта претория, а затем „комита царских щедрот“, сводились в основном к следующему.

Петр Варсима особенно злоупотреблял „прикидкой“ — ἐπιβολή, имевшей широкое применение еще в V в., при Анастасии.[1] Запустевшие и покинутые собственниками и непосредственными производителями земли в порядке принуждения прикидывали соседям, для того, чтобы казне была обеспечена вся сумма подати в данной области, — мероприятие, неоднократно вызывавшее сильное неудовольствие и вынудившее правительство Юстиниана к некоторым его ограничениям. К 545 г. относится указ на имя Варсимы, в котором было признано право опротестования надбавки. Опустение земли и рост пустышей — agri deserti — стоят в непосредственной связи с рядом явлений городской жизни.

Исследователи приписывают большое значение неоднократно повторявшимся чумным эпидемиям, уносившим значительную часть населения городов и деревень. Это бедствие носило ужасающий характер и не раз угрожало самой столице. Но не только с „убылью населения, причиненного чумой“,[2] следует ставить в связь повышение цен и дороговизну жизни, а также неизбежный рост заработной платы в городе и деревне. По моему мнению, в середине VI в. и ранее происходили изменения в характере эксплоатации населения: рабовладельческие формы уступали место новым — колонату и крепостничеству. Такого рода изменения не могли происходить без внутренних потрясений. Движение населения, эксплоатируемого в рабовладельческой системе, происходило и в Византии, но это движение имело своеобразные обличия, одним из которых была и борьба демов. Эдикт Юстиниана от 544 г. (новелла 122) типичен для правительства, бессильного перед новыми явлениями. Он упрекает в корыстолюбии и любостяжании низшие классы населения, считает бедствием повышение цен на труд сельскохозяйственных рабочих — οἱ περὶ τὴν γῆν ἐργάται, ремесленников — οἱ τὰς πραγματείας καὶ τὰ μεθοδείας μετερχόμενοι и матросов — οἱ ναῦται.[1]

[1] Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Л., 1940, стр. 55—56.

[2] Ю. Кулаковский. История Византии, II, Киев, 1912, стр. 287.

В новелле перечисляются торговцы, работники различных ремесл, искусств, земледельческие рабочие, моряки — οἱ τὰς πραγματείας καὶ τὰς μεθοδείας μετερχόμενοι καὶ οἱ διαφόρων τεχνῶν καὶ οἱ περὶ τὴν γῆν ἐργάται, ἔτι γε μὴν καὶ οἱ ναῦται, которые вместо того чтобы исправиться после бедствий, охваченные скупостью, вопреки старинным обычаям, требуют себе двойные и тройные цены и оплату — καὶ διπλασίονας καὶ τριπλασίονας τιμάς τε καὶ μισθοὺς παρὰ τὴν ἀρχαίαν σύνήθειαν ἐπιζητοῦσι.

Поэтому императорский эдикт требует, чтобы такого рода любостяжанием охваченные торговцы, ремесленники, художники, каким бы видом искусства, торговли или сельского хозяйства они ни занимались, не смели требовать повышенного вознаграждения. Они обязаны соблюдать древний обычай τὴν ἀρχαίαν συνήθειαν φυλάττειν, а виновные в требовании повышения оплаты будут принуждены выплатить казне штраф в тройном размере.

Епарху и его чиновникам предписывалось строжайшим образом следить за выполнением этого постановления.[2] Бедствием, на которое ссылается новелла и которое могло послужить предостережением для ремесленников, торговцев и моряков и сделать их „лучшими“, была, по мнению ряда исследователей, чума. В Константинополе она свирепствовала в течение трех месяцев, с октября 541 г.

В первой половине XIX в. этот эдикт датировали апрелем 542 г.,[3] но в настоящее время датой его издания считается апрель 544 г.;[4] были, однако, некоторые основания относить его и ко времени до чумной эпидемии.[5] Колебания даты и фиксация ее на 544 г., а также отсутствие прямой ссылки на чумную эпидемию заставляют полагать, что эдикт, вероятно, не был вызван непосредственно чумной эпидемией. Конечно,

[1] Novella, 122. Novellae, ed. Schoell. Corpus juris civilis, v. III, Berolini, 1904, p. 592.

[2] Novellae, pp. 592—593.

[3] Das Corpus juris civilis in's deutsche übersetzt von Otto und Schilling. B. 7, Leipzig, 1833, p. 589.

[4] Novellae, p. 593.

[5] Novellae, p. 592 (nota).

она в крайней степени обострила общее положение, но в основе вздорожания цен и повышения заработной платы лежали более глубокие причины — общий кризис не окончательно сломленной рабовладельческой системы византийского государства.

В городах труд рабов применялся чрезвычайно широко, ряд ремесл обслуживался ими. Изменение социального состава, новые условия, в которых труд рабов уступал место труду ремесленников, условно могущих быть названными свободными, неизбежно создавали и повышение заработной платы, вздорожание цен на труд, на которое жалуется новелла. В тесную связь именно с этим следует поставить попытку правительства Юстиниана ввести в интересах фиска реформу в денежное обращение империи. Большинство крупных расчетов производилось на золото, разменной же монетой был медный, вернее бронзовый фоллис. До реформы Юстиниана солид содержал 210 фоллисов, а мероприятие Юстиниана сводило солид к 180 фоллисам. В счете на динарии один золотой динарий соответствовал при Анастасии 8750 медным, а при Юстиниане — 7500. Такое удешевление золотой монеты и вздорожание разменной привели к фактическому снижению оплаты чиновников империи. Несомненно, этот факт имел значение и для ювелиров, выполнявших в известной степени роль банкиров в Византии. В среде аргиропратов и созрел в 563 г. заговор против Юстиниана, имевший целью его убийство. Сохранились имена заговорщиков: Аблабий изменял — ἀπὸ μελιστῶν,[1] Маркел — аргиропрат[2] и Сергий — племянник куратора Этерия были ближайшими исполнителями задуманного. Кроме того, упоминаются имена аргиропратов Исакия и Вития, а также некоторых лиц, близких Велизарию. Предприятие субсидировал Маркел, давший Аблабию 50 литр золота за участие в нем. План состоял в том, чтобы, когда царь расположится за вечерней трапезой в триклинии, войти и убить его. Тотчас затем должно было быть поднято восстание, так как у заговорщиков были свои люди, которые действовали с ними заодно — ἔχοντες ἰδίους ἀνθρώπους συνεργοῦντας αὐτοῖς; они названы индусами, Ἰνδούς, в которых еще Гиббон справедливо видел черных эфиопских рабов — blaek slaves, Aetiopians.[1] Эти последние были расставлены в вестибюле и в портиках, чтобы немедленно возвестить о смерти царя и побудить народ к восстанию. Но Аблабий-меняла под секретом сообщил комиту федератов Евсевию и логофету Иоанну, племяннику Доменциола: „Вечером, мы полагаем, отойдет благочестивый царь, сидя в триклинии". Этого было достаточно, чтобы возбудить подозрение и предательство Аблабия достигло цели. Вечером Маркел и другие, тайно вооруженные мечами, были найдены во дворце. Маркел тут же нанес себе три раны кинжалом и скончался в триклинии, а Сергий, племянник Этерия, бежал во Влахернский храм. Последний назвал ряд лиц, которым, по его словам, был известен заговор, и в том числе людей, близких Велизарию. Всех постигли строгие наказания. Велизарий оказался в опале: с декабря 563 г. по июль следующего года он находился под домашним арестом.[2]

В заговоре против Юстиниана существенно то, что главная роль выпала на долю аргиропратов; это указывает на крайнее недовольство и этих кругов финансовой политикой Юстиниана. На основании „книги епарха" можно говорить о непосредственном подчинении этой коллегии епарху города. Занимая одно из первых мест в ней, аргиропраты тем не менее принадлежали к группе ремесленников, и с большой вероятностью можно считать, что они и составляли часть организации демов. Другим существенным фактом следует считать, что возбудить восстание в городе, сообщив о смерти царя, должны были „индусы", т. е. черные эфиопские рабы. Этот факт необходимо сопоставить с тем, что покушение на Анастасия также было совершено рабом и что, наконец, при Маврикии и Фоке в восстаниях и мятежах в Египте упоминаются рабы и разбойники. Трудно говорить о том, какова была непосредственная связь между аргиропратами и рабами, но известно, что в эпоху Римской империи ко всякого рода денежным операциям, ювелирному делу рабы и вольноотпущенники имели самое близкое, непосредственное отношение. Здесь

---

[1] Theophanes, p. 237.
[2] Ioannes Malalas, p. 493.

[1] Gibbon. The history of the decline and fall of the Roman Empire. Ed. Bury, v. 4, London, 1898, p. 428.
[2] Mommsen. Bruchstücke des Iohannes von Antiochia und des Iohannes Malalas. — Hermes, 6, 1872, pp. 378—380.

могли, следовательно, сохраниться старые связи и отношения. Характерно и другое, что слово рабов, „индусов", могло привести в волнение город — их возможности и влияние в этом направлении были налицо.

В апреле 564 г. произошли новые беспорядки, которые начинались с выступления прасинов. Сменивший епарха Прокопия, новый епарх Андрей ехал из дворца у Халки в преторий; по дороге, у дворца Лавза, на него напали прасины, с бранью бросая в него камнями. Произошли большие беспорядки на главной, Средней улице столицы,[1] в которых принимали участие обе партии и которые длились несколько часов, затихали и вновь возобновлялись. Усмирить народ был послан племянник Юстиниана, тогда еще куропалат Юстин, который применил суровые меры. Тем, которые бились мечами, были отрезаны пальцы, других с позором водили по городу.[2] Несомненно, что в беспорядках участвовали обе партии, так как имела место ἀταξία μεγάλη τῶν δύο μερῶν, но на этот раз нет оснований считать, что борьба происходила между венетами и прасинами, как это интерпретировал Ю. Кулаковский,[3] а не между обеими партиями и правительственными войсками.

Совместные действия венетов и прасинов происходили и в следующем, последнем году жизни Юстиниана.

Префект претория Зимарх послал арестовать Кесария, жившего в квартале Мезенциона. Но соседи его не выдали, и происшедшее столкновение длилось два дня. Новые отряды войск правительства еще усилили недовольство прасинов, и борьбой были охвачены и следующие кварталы города до Тетрапила и претория. В результате было много убитых из прасинов и из солдат.[4] На стороне прасинов против правительственных войск сражались и венеты. Правительство было вынуждено сместить Зимарха. Заменивший его Юлиан производил расследование, растянувшееся на 10 месяцев; он разыскивал среди демотов воров, грабителей и убийц, преимущественно карая прасинов. Кого именно следует

[1] Д. Ф. Беляев. Byzantina, кн. 3-я. СПб., 1906, стр. 30—50.
[2] Theophanes, p. 239.
[3] Ю. Кулаковский. Истории Византии, т. II, стр. 325.
[4] Ioannes Malalas. De insidiis, c. 51.

понимать под этими категориями, сказать трудно, но, несомненно, речь идет о низших слоях городского населения, принимавших активное участие во всех действиях против правительства. Часть из них, быть может, и не принадлежала к демотам, внесенным в списки, но действовала с ними заодно и представляла собою ту широкую опору, которую имели демы в массах и которая давала им возможность производить устрашающие по размаху действия в столице.

Юстином II (565—578) были приняты самые решительные меры против демов. Под 6061 г. (в 3-й год правления Юстина) Феофан сохранил известие, что на одном из праздничных представлений на ипподроме „партии цирка" вели себя неспокойно. Тогда царь послал глашатая к каждой из партий. Венетам, которым его предшественник в известной степени покровительствовал, он велел сказать: „Царь Юстиниан для вас умер". А прасинам, в отношении которых были приняты особенно суровые меры, было сделано напоминание, что режим ни в какой степени не будет ослаблен. „Царь Юстиниан для вас жив", — велел он передать через глашатая прасинам. Услыхав это, партии присмирели и более не выступали.[1]

С декабря 574 г. больной Юстин объявил цезарем и своим сыном комита экскубиторов Тиверия, сделав его и своим соправителем. Высокого роста, представительный, один из красивейших людей своего времени, Тиверий пользовался личной симпатией августы Софии, жены Юстина. После его смерти, властолюбивая царица хотела сохранить за собою прежнее положение, став женою Тиверия, но последний остался верен своей жене. На ипподроме демоты стали кричать, требуя присутствия и провозглашения имени царицы, а получив разъяснения через глашатая, стали повторять имя царицы Анастасии.[2] За ней, в Дафнудий, где она жила с двумя дочерьми, было послано представительство от сената, но она прибыла морем, без свиты, в Константинополь. Облеченную в царские одежды августу на носилках понесли в храм св. Софии, но по дороге на торжественном выходе демоты произвели беспорядки. Венеты кричали, называя ее Анаста-

[1] Theophanes, p. 243.
[2] Theophanes, p. 249.

сией, а прасины выкрикивали имя Елены, так что и она сама и окружающие ее были испуганы.[1]

Относительное спокойствие в среде демов и вообще городских слоев населения в царствование Тиверия следует поставить в связь с мерами, принятыми им еще в то время, когда он был соправителем Юстина. Он постоянно делал богатые подарки и консульские выдачи — ὑπατεία.[2] Эти раздачи вызвали недовольство со стороны царственной четы, так что от Тиверия даже были отняты ключи от казны, и выдавалась лишь сумма в его личное распоряжение. Став единовластным царем, Тиверий широко выдал donativum romanorum, обычные при вступлении на престол суммы. Войскам, которые вели войну с персами на востоке, было послано 8 талантов. Большие суммы были выданы из казны в качестве донатива схоластикам, получившим от 10—12 или от 15—20 золотых (дариков). Щедро были одарены врачи, а также магистрианы, деканы и другие чины. Особого внимания заслуживает выдача аргиропратам и трапезитам, которым досталось по фунту или по 50—60 дариков каждому.[3] Эти выдачи, несомненно, были связаны с теми изменениями в денежном обращении и тем сокращением разницы между золотом и разменной медной монетой, которые привели к заговору банкиров и менял против Юстиниана. Имелись все основания считать, что заговор мог получить поддержку со стороны масс. Опасения вступить в коллизию побудили Тиверия по возможности вести политику примирения и задабривания. Экономическое положение государства было таково, что император имел повод сказать: „Для чего здесь собрано золото, если вся земля давится от голода". Так раздавал он, не откладывая и не собирая.[4] Этот момент, несомненно, отразился на настроении столицы и в известной степени успокоил страсти, а снятие податных недоимок имело значение для сельского населения и землевладельцев.[5]

---

[1] Ioannes Ephesius, 3, 9, p. 134. — Schönfelder, p. 104.
[2] Ioannes Ephesius, 3, 11, p. 136. — Sophocles, p. 108.
[3] Ioannes Ephesius, 3, 11, p. 137. — Schönfelder, p. 106.
[4] Ioannes Ephesius, 3, 11, p. 137.
[5] Stein, Ernst. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches. Stuttgart, 1919, p. 57.

При Маврикии и в момент воцарения Фоки демы сыграли важную роль, не меньшую, чем войско, с которым двигался Фока. Демоты столицы решили вопрос о престоле, когда сам Фока в этом сомневался. Прасины отказали в поддержке Герману, пытавшемуся подкупить их верхушку, и дали новые ресурсы Фоке, укрепили его желание и поддержали его вначале робкие попытки стать царем. В первые дни правления Фоки его зависимость и страх перед демами были очевидны; он сам стремился их уговорить и успокоить, лишь бы они не поднимали распри.[1] Можно с уверенностью сказать, что переворот Фоки был произведен соединенными силами армии и столичных демов.

Не меньше значения следует приписать волнениям и восстаниям, имевшим место в годы правления Маврикия в Египте.

Подробности этих событий сохранила хроника Иоанна Никиусского, хорошо осведомленная о положении дел в Египте. Одним из главных недостатков Маврикия, отмеченных здесь, является его скупость. Возмущались тем, что египетское зерно, издавна доставлявшееся в Константинополь и питавшее столицу, обращалось Маврикием в золото; иначе говоря, хлеб, который должен был поступать в столицу и был дешевым государственным хлебом, продавался казной по спекулятивной цене, обращаясь в „золото" для царской сокровищницы.[2] Положение Египта при Маврикии в значительной степени уже подготовило возможности смены Маврикия Фокой и Фоки Ираклием. Нельзя отчетливее изобразить состояние общего брожения, случаи неповиновения, восстаний и выключения отдельных областей из системы управления государства, чем это сделала упомянутая хроника.

Префект Александрии Иоанн предоставил управление нескольких городов северного Египта уроженцам города Айкелах (Aykelah), расположенного недалеко от Александрии. Абаскирон, старший из братьев, был nesah نساخ — скрибон или нотарий, имел сына Исаака и двух братьев, Мину

---

[1] Simocatta, 8, 10, p. 304.
[2] Jean de Nikiou. Chronique publié et traduit par Zotenberg. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, t. 24. Paris, 1883, p. 526.

и Иакова. Они не сумели перенести „великого счастья“, выпавшего им на долю, вступили в конфликт с венетами и произвели беспорядки в двух городах, Бане и Бузире. Они распоряжались, не имея на то разрешения префекта области, к которой принадлежали эти города. Эти четверо произвели ряд убийств, подожгли город Бузир и сожгли общественную баню. Испуганный префект Бузира, которого хотели убить, бежал в Константинополь. Его жалобы были подтверждены префектом Александрии, которому Маврикий приказал навести порядок. Но восстание приняло более острый характер, так как в распоряжении „людей из Айкела“ оказалось разное оружие и мечи; к ним собрался народ с конями, так что они смогли овладеть лодками и судами, на которых доставляли хлеб в Александрию. Это было верным способом возбудить волнение в египетской столице, население которой стало страдать от голода и в гневе намеревалось покончить с префектом Иоанном, но его сумели спасти. Маврикию пришло обращение от жителей Александрии, сообщавших о своих бедствиях, в результате чего Иоанн был смещен и заменен Павлом, новым префектом. Пробыв некоторое время в Византии, Иоанн вернулся с повторным назначением и полномочиями расправиться с городом Айкелахом, как центром движения, которое приняло широкий размах.

В ожидании его возвращения восставшие начали агитацию и возбудили „всю провинцию Египет“, пользуясь как сухопутными средствами, так и водными путями, разъезжая на лодках. Но особенно живую инициативу проявил Исаак, который с „разбойниками“ двинулся к морю, захватил большое количество судов и разбил их. Затем они переправились на остров Кипр, где произвели грабежи и хищения.[1]

Одновременно с этим движением широких масс, источник сообщает о соглашении, которое прасины и венеты заключили с патриархом халкедонитов (т. е. православных) Евлогием и другими, с тем чтобы сместить префекта Иоанна.[2] Последний был, повидимому, монофизитской ориентации.[3] Движение

[1] Jean de Nikiou, pp. 529—530.
[2] Ibid., p. 531.
[3] Ibid., p. 530.

„людей из Айкелаха“ в известной степени было враждебно дему венетов, с которым, как выше было отмечено, у них установились враждебные отношения.

Общее состояние брожения благоприятствовало вообще всякого рода волнениям, интригам, попыткам свести счеты с врагами в различных группах населения. Между тем широкие демократические слои населения, втянутые в движение, исходившее из Айкелаха, не успокоились. Восставшие захватили лодки и корабли с зерном, овладели поступлениями в фиск и вынуждали префекта области выдать им собранную и предназначенную для казны подать. Правительство стало принимать самые экстренные и суровые меры. Префект Иоанн, по прибытии в Александрию, захватил корабли и собрал войска Александрии, Египта и Нубии. Командование было поручено военачальнику Федору, который потребовал обученного войска и приказал отпустить на свободу двоих арестованных, Козьму и Банона, с тем чтобы один из них направился во-свояси сухим путем, другой — водой. Этим, слух об их освобождении должен был распространиться с большой скоростью. Войска Федора сожгли лагерь восставших и двинулись к Александрии. На западном берегу Нила находились войска, на восточном — восставшие. Часть войска с Федором переправилась через Нил, а освобожденных из тюрьмы Козьму и Банона оставили в передних рядах на западном берегу. Отсюда и начали кричать восставшим, чтобы они присоединились к войскам, что войска не наступают только из жалости к ним и что сильна еще ромейская держава. Часть восставших покинула свои места и перешла к византийским войскам, остальные были разбиты наступавшими частями. Восставшие попытались задержаться в небольшом селении Абусан, а оттуда двинулись к Александрии. Четыре главных действующих лица и руководители восстания были схвачены и брошены в тюрьму; их с позором возили на верблюде по Александрии, а затем казнили. Приверженцы их были подвергнуты телесным наказаниям, у некоторых из них было конфисковано имущество. Айкелах и Абусан в качестве центров восстания были сожжены. Вся провинция Египта была терроризована.[1] Слова хроник о наступившем

[1] Ibid., p. 532.

для жителей покое — чистая риторика; наоборот, все говорит о том, что брожение на берегах Нила не улеглось.

Тот же Иоанн Никиусский сообщает о движении, возникшем одновременно с упомянутым выше, которое позволяет дать известную социальную оценку и движению, исходившему из Айкелаха. В области Ахмим большее число эфиопов — рабов и разбойников — объединилось вокруг некоего Азарии. Они собрали с населения области государственную подать так, что этого не знали надзиравшие за сбором лица. Испуганные насилиями „этих рабов и варваров", жители поставили об этом в известность правительство в Константинополе. Против Азарии и восставших рабов были выставлены и нубийские войска. Неожиданное нападение заставило восставших спастись на высокую и крутую гору. Длительная осада не привела ни к чему, они погибли от голода и холода, но не сдались.[1]

Восстание в Ахмиме не вызывает сомнения относительно социального состава восставших. Это рабы-эфиопы и „разбойники", т. е. свободные люди, вышедшие из обычных рамок жизни, сбросившие с себя бремя непосильных налогов и повинностей. В восстании Айкелаха также принимают участие „разбойники" и причастные навигации моряки, без которых нельзя было достигнуть Крита.

Таким образом, брожения в Египте, несомненно, имели характер восстаний рабов и низших слоев городского населения, для поддержания которого вновь были организованы в Александрии большие государственные работы.[2] Во главе восставших в Айкелахе были начальники области, государственные чиновники, но вокруг них сгруппировались широкие слои населения. Замечательно, что восставшие тотчас же делают попытку захватить лодки, парализовать возможность доставки хлеба, захватывают подать, предназначенную для государственной казны. Эти действия более организованного типа, чем примитивный грабеж и разбой.

Из скупых фактов, рассеянных в византийской хронографии, можно, таким образом, выявить восстания, связанные с демами крупнейших городов Византии, с одной стороны,

[1] Ibid., p. 533.
[2] Ibid., p. 531.

и с рабами, с другой стороны. Торговля и ремесла, процветавшие в Византии, в значительной степени замедляли процесс разложения рабовладельческих форм отношений, и он протекал в менее бурных формах, чем на Западе. Тем сильнее было давление варваров, главным образом славян, которые породили ряд новых явлений в государственной жизни Византии.

Анализ сообщений о демах и о восстаниях в Египте дает представление о той роли, которую сыграли демы в воцарении и свержении Фоки, а также в значительной степени объясняет успех Ираклия, базой которого был Египет.

Организация демов

В организации демов наибольший интерес представляет вопрос об их военной службе. Для X в., — времени составления сочинения „о церемониях", когда демы совершенно утеряли свое политическое значение, а от их прав остались только символические знаки, — военный характер их организации не подлежит сомнению. Ф. И. Успенский полагал, что военный характер организации демов был придан Юстинианом в 564 г., когда склабы (славяне) — Σκλάβοι — и гунны угрожали столице.[1] На деле демы были вооружены раньше этого времени. Во время восстания „Ника" в 532 г. 250 прасинов явились в полном вооружении с тем, чтобы разгромить дворец и ввести в него в качестве царя соперника Юстиниана, Ипатия.[2]

Смысл того мероприятия, которое было проведено правительством Юстиниана при нападении гуннов и славян, заключался не в вооружении демов, которые и без того носили оружие и, следовательно, имели военную организацию и свою военную иерархию, а в том, что население, испуганное движением гуннов и славян, проникших за Долгие стены Анастасия, бросилось под охрану столицы. Этот пришлый элемент обычно считался со стратегической точки зрения балластом, и специальные военные трактаты рекомендовали по возмож-

[1] Ф. И. Успенский. История Византийской империи, I, стр. 634. — Эта дата несколько сомнительна (см. ниже).
[2] Theophanes, p. 185; λωσιχᾶτος — cuirassier. — Sophocles, p. 725. — Ю. Кулаковский. История Византии, II, стр. 80.

ности заставить его принять участие в обороне города, в котором они спасались.[1]

Во время похода Хосроя I в Антиохии все начальники берегли регулярное войско, и первый натиск врага встретили пастухи и поселяне, прятавшиеся за стенами города. Узнав, что население ринулось спасаться от варваров в столицу, Юстиниан многих из них „сделал димотами" и послал их для охраны большой, т. е. Долгой стены — ὁ βασιλεύς ἐδημότευσε πολλούς καὶ ἔπεμψεν εἰς τὸ μακρὸν τεῖχος.[2] Иначе говоря, царь использовал пришлое население для обороны столицы, но организовал его предварительно, и притом в той же форме военной организации, какую имели демы. В жестокой сече со славянами и гуннами „погибли многие ромеи и схолярии". Схолярии, в качестве царской дворцовой охраны, были посланы в опасную минуту к Долгой стене, но не к ним были присоединены „многие" из пришедших, а к той городской военной организации, которая названа „ромеями".[3] Положение было настолько опасным, что к охране столичных ворот были привлечены схолы, протикторы, полки (οἱ ἀριθμοί) и весь сенат. Но спас положение умный и изворотливый Велизарий, который приказал забрать лошадей, как царских, так и с ипподрома, посадил кого мог на них и с помощью этой конницы отогнал варваров. В защите города принимали участие гвардейские полки, личная охрана царя, городской гарнизон и демы, которые имели свой военный строй.

В 558/9 гг. во время нападения хана кутригуров Заверган,[4] который стремился овладеть великой стеной Анастасия, Велизарий выступил с 300 человек регулярного войска, с толпой поселян — ἀγροῖκοι и записанным в схолы, но

---

[1] Со статьей покойного проф. А. П. Дьяконова „Византийские димы и факции в V—VII вв." я смогла ознакомиться только в декабре 1945 г., когда вышел „Византийский сборник". Мне приходится поэтому внести лишь краткое примечание в гранки. А. П. Дьяконов собрал обширный материал, пользуясь как предшествующими исследованиями, так и источниками. При всех достоинствах работы, она не дает законченных выводов.

[2] Theophanes, p. 233.

[3] Theophanes, p. 233.

[4] Относительно даты Bury считает ее сомнительной, но полагает, что это были 558 или 559 гг. — Bury, t. I, 478. — Manojlović, p. 625.

не регулярным войском.[1] Но так как Феофан, упоминая об этом же факте, говорит, что Юстиниан сделал демотами пришлый деревенский народ, то и он, следовательно, считает вооружение демотов более ранним явлением, а здесь имеет в виду лишь запись в число „городской милиции".[2]

Только обученному военному делу населению можно было поручить охрану стен, когда славяне ринулись целым потоком во Фракию в 584/5 гг. Маврикий „приказал демам охранять Долгую стену", а дворцовые войска ввел в город, снял их с охраны императорских дворцов и поставил в самом городе.[3] В момент страшного нападения авар совместно со славянами Маврикий, при всех своих недостатках бывший хорошим полководцем и лично мужественным человеком, собрав войска и экскубиторов, сам двинулся с ними, чтобы оборонять Долгую стену. Демам же была поручена охрана города. На этот раз Маврикий поступил иначе, чем при нашествии кутригуров.[4] В 602 г., когда начали опасаться приближения мятежных войск, возглавленных Фокой, Маврикий ласковыми словами обошел демархов и поручил им охранять стены столицы.[5]

Ф. И. Успенский рассматривает эти факты как обязанность, возлагаемую на городское население, и обязанность тягостную. „Военная повинность, возлагаемая Маврикием на гражданское сословие города, вызывала против него сильное недовольство, выразившееся в неоднократных заговорах и попытках низложить его".[6] Конечно, незащищенность столицы, недостаточно упорное сопротивление войск страшным полчищам славян и аваров вызывали недовольство широких городских масс. Но не „военная повинность" возлагалась Маврикием на гражданское население, а организованное в демы городское население имело и некий военный строй, благодаря чему могло быть использовано в случаях военной опасности. Демоты носили оружие и составляли военную группу. Часть демов составляла полки или отряды, которым поручалось то или иное военное

---

[1] Manojlović, p. 625; на основании Malalas, IX, p. 559.

[2] Manojlović, p. 628.

[3] Theophanes, p. 254.

[4] Theophanes, p. 279. — Bury, II, p. 119.

[5] Theophanes, p. 287.

[6] Акад. Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I стр. 635.

задание; они могли быть брошены то на городские, то на длинные стены, и, конечно, необходимость принимать на себя удар страшного врага не могла благоприятствовать взаимным отношениям демов и царя.

Ю. Кулаковский полагал что „демы имели значение городской милиции, к помощи которой прибегали в случаях крайней опасности".[1]

Если военная организация демов была их силой в VI и первом десятилетии VII в., то позднее она стала их слабостью, так как благодаря ей демы были окончательно подчинены правительству. Неоднократно отмечалось, что после VII в. и позднее известия о демах исчезают со страниц византийских хроник и историй. На рубеже VII в. правительство жестоко расправилось с демами, и „узурпатор" Фока действовал не менее решительно, чем Юстин II. К X в. демы оказываются участниками церемоний византийского двора, но они утеряли свое историческое значение; они скромны, вместо былых требований и запросов правительству, они подают почтительные просьбы — ливелларии, на которые непосредственного ответа их представители не получают. Демы провозглашают акты — ἄκτα, прославляют царя, которому нет необходимости посылать им глашатая с объяснениями и самому говорить им ласковые слова.[2] Знаменательно, что демы теряют свое значение со времени крушения последних остатков рабовладельческих форм эксплоатации в Византии, в которой после движений в период Фоки все ярче сказываются черты феодализма.

Во главе демов еще в начале VII в. стояли демархи, каждый из них представлял партию прасинов или венетов, пользовался правом протеста, обжалования, имел на руках списки демотов и нес представительство от своей партии. В X в. демархи обоих демов оттеснены со своего первого места новым, чисто военным представителем, демократом в чине протоспафария, и для этого времени это не новшество, а давно сложившаяся форма отношений. Демократ венетов был в то же время доместиком схол, т. е. начальником одного из отрядов личной охраны царя. „Доместик [т. е. главный командир схол] уже по самой своей должности доместика схол состоял

[1] Ю. Кулаковский. История Византии, II, стр. 326.
[2] D. Tabacovitz. Sprachliche und textkritische Studien, p. 47.

и в должности демократа [т. е. главного начальника] партии венетов",— пишет комментатор труда Константина Порфирогенита Д. Ф. Беляев.[1] Точно так же и демократ прасинов был в то же время демостиком экскубиторов, командиром или начальником отряда экскубиторов, т. е. „дворцовой охраны императора".[2]

К сожалению, до настоящего времени в источниках нельзя найти указания, когда именно такого рода изменение было внесено в жизнь городского населения, но нет сомнения в том, что этот момент лишь подводил итоги уже утерявшим свое прежнее положение демам. С момента, когда произошло окончательное деление дема на военную и гражданскую части, или с того момента, когда военизированная часть, демоты, получили начальника протоспафария и доместика, относительная свобода демов была уже безвозвратно утеряна. Носящие оружие демоты находились под военной командой представителя регулярного войска и тем самым стали категорией, которая „должна быть рассматриваема как отдел византийской армии".[3] Другая часть демов составляла гражданскую часть населения и была подчинена демарху. У городского населения правительство было бессильно вырвать оружие в VI в., но крутые меры, принятые в первых десятилетиях VII в., привели к их полному ослаблению. Поставленные под начало царских командиров, демоты оказались на положении одной из частей государственного войска.

Действия демотов могут быть рассматриваемы как проявление некоторых прав, которыми пользовалось городское население государства рабовладельческого типа. Корпорации ремесленников зародились еще в римскую эпоху, чтобы стать цехами в средневековом европейском городе. Константинополь знает кварталы ремесленников, как их знают все города Передней Азии, безразлично находились ли они под иранским или византийским владычеством. „Книга епарха" в X в. констатирует факты, уже давно сложившиеся в византийской столице. Жизнь этих корпораций текла вне возможностей полити-

[1] Д. Ф. Беляев. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийской древности, кн. II, СПб., 1893, стр. 79.
[2] ἐξκουβίτωρ — one of the imperial palace guard. — Sophocles. Lexicon, p. 484.
[3] Ф. И. Успенский. Партии цирка и демы в Константинополе. Византийский временник, 1893, т. I, стр. 10.

ческих выступлений и воздействий на правительство, которыми пользовалось городское население до начала VII в., и объясняется это в первую очередь тем, что оружием последнего распоряжалось теперь само правительство. Преемственные традиции корпораций ранней Византийской империи продолжали развиваться в последующие столетия, но это были объединения чисто делового и производственного характера. Если корпорации сливались, входили в состав демов, проявляя уцелевшую самостоятельность городского населения, то к X в. это было ими совершенно забыто. Характерным для раннего периода истории Византии бурным проявлениям недовольства городских масс уже нет места, а революционный дух, протест выливаются в новых формах — в крестьянских войнах и крестьянских волнениях, столь характерных для средневековья. Движение демов было порождено жизнью города в условиях рабовладельческого общества, его пережитками. Между волнениями демов и движениями в средневековых городах лежит длительный период феодальной эксплоатации, который и делает их с исторической точки зрения совершенно различными по своему происхождению явлениями.

ПЕРЕВОРОТ В ВИЗАНТИИ В НАЧАЛЕ VII в.

Если в начале 90-х годов VI в. в Иране имел место дворцовый переворот, в результате которого оказалось возможным вмешательство в его внутренние дела Византии, то Иран, со своей стороны, воспользовавшись ослаблением империи, повел с ней успешную войну, присоединившую к его владениям ряд ее областей.

Момент был выбран удачно, так как внутреннее состояние Византии было в начале VII в. не таково, чтобы она могла дать отпор своему исконному врагу.

2 нисана (апреля) 599 г. (910 г. греческого счисления) произошло землетрясение, разрушившее целый ряд городов Византии. Тяжелая эпидемия бубонной чумы распространилась от Вифинии до Константинополя, ею была охвачена и вся Азия. Число жертв из тех, которые возможно было подсчитать, достигало 3 180 000 человек.[1] К тому же азиатские провинции

[1] Michel le Syrien. Texte, p. 387, trad. II, p. 374.

Византии, особенно Сирию и Палестину, в следующем за вспышкой чумы году постигла засуха, которая привела к жестокому неурожаю.

В течение трех последуюших лет все насаждения в Сирии уничтожились длительными, массовыми нападениями саранчи.[1] Чрезвычайно характерно, что суеверный Маврикий испытывал угрызения совести, считая себя виноватым в том, что поскупился выкупить 12 000 пленных, и в каких-то других действиях. Об этом свидетельствуют письма, которые он писал осенью 602 г. ко всем патриархам, монастырям и отцам-пустынникам.[2] Так, стихийные бедствия и целый ряд промахов и ошибок в управлении государством усиливали его затруднения.

Царствование Маврикия вызывало во многих слоях населения недовольство, но непосредственной причиной восстания были волнения в войсках. Вооруженные силы империи оказались во главе движения, а солдат Фока „узурпатором“ и „тираном“, захватившим византийский престол. Анализ движения затруднителен ввиду того, что сохранившиеся источники ему враждебны и выражают точку зрения сенаторской знати, которая заменила Фоку Ираклием.

Однако нельзя не отметить того, что при внимательном, углубленном анализе можно обнаружить и отрицательное отношение к Маврикию византийских авторов, хотя преимущественно его рисуют как мученика. Так, Феофан сообщает, что Коменциол направил посла к кагану и, как „говорят некоторые, Маврикий предложил Коменциолу, чтобы он предал ромейское войско врагам, за его беспорядки“,[3] подразумевая под последними волнения, возникшие в недовольном войске. Относится этот факт к весне 600 г. Байнес считал, что эти сведения следует отнести за счет рассказа, сохранившегося у Иоанна Антиохийского.[4] Такого рода слухи, несомненно, имели серьезные основания, так как в источниках этот намек получает дальнейшее развитие. В связи с этим предательством

[1] Ibid.
[2] Theophanes, p. 284.
[3] Ibid., p. 278.
[4] Ioannes Antiochenus. Excerpta de insidiis, ed. de Boor, III, p. 147. — Baynes. The literary construction of the history of Simocatta. Xenia, Athènes, 1912, p. 40.

Коменциола, впервые начинает играть роль Фока, тогда еще лицо незначительное, занимавшее одно из низших командных мест в армии. В войсках, расположенных на Дунайских берегах, считали, что предательство было осуществлено и выполнено Коменциолом по желанию Маврикия.

Вместе с другими представителями войск в столицу прибыл Фока, чтобы публично заявить о вине Коменциола, как совершившего предательство на войне — Κομεντιόλου ὡς προδοσιάν ἐν τῷ πολέμῳ ποιήσαντος.[1] Основанием могли служить его большие неудачи в военных действиях. Фока открыто и настойчиво говорил в сенате; он должен был затронуть не только поведение Коменциола, но, вероятно, и императора, так как один из возмущенных патрикиев побил его и стал рвать ему бороду.[2] Благоприятное для Маврикия направление историографии привело к тому, что все основные мотивы недовольства были сглажены, но, несомненно, они существовали. Маврикий оставил „запрос" войск без ответа, но сместил Коменциола, косвенно подтверждая этим свою виновность.

Войска во Фракии не поддавались увещаниям, с ними было трудно справиться, так как они были набраны в Армении и Малой Азии. Скупость Маврикия в отношении войск, снижение аннон вызвало недовольство и в кампанию 80-х годов в Азии. Следы неблагоприятной для Маврикия традиции можно найти и у Феофилакта Симокатты, но только в виде намека.[3]

Непосредственным толчком, выдвинувшим в первые ряды восставших воинов Фоку, были события на Балканском полуострове. Неустанная борьба со славянами держала в напряжении византийские войска. Маврикий, несмотря на тяжелые условия, в которых они находились, отдал распоряжение своему брату стратегу Петру остаться на зимовку в славянских землях, тем самым считая, что с казны будет снята необходимость заботиться о пропитании войск, которые жили бы за счет грабежа и разбоя. Но воины не желали приводить в исполнение этот приказ, так как лошади их были слабы, а за Дунаем, на левом „славянском берегу", в славянских землях — ἐν ταῖς τῶν Σκλαβηνῶν χώραις — количество варварских

[1] Theophanes, p. 280.
[2] Ibid., p. 280.
[3] Simocatta, 8, 11, p. 305.

народов было угрожающим, и можно было всегда опасаться подвергнуться их нападению.[1]

Сведения Феофана позаимствованы им у Феофилакта. Текст последнего в основном представляет дружественное отношение и благоприятную для Маврикия традицию, но и Феофилакт останавливается на губительной жадности Маврикия к деньгам, ἡ φυλαργυρία, которую считает причиной всех зол, выпавших на долю императора. В своем приказе относительно войск, — Маврикий руководился именно своей жадностью; таково было мнение его современников, а с ними и его историков.

В восточной традиции Маврикию ставится в укор, что он „презрел знатных и все ромейские войска и не давал им ὀψώνια, (psonia). И все были очень обижены". После того как армия во главе с Филиппиком вернулась с победой над варварами из Фракии, „и тогда не удостоил их царь оплатой", поэтому собрались знатные и послали ему сказать: „Бог дал мир в твои дни, но мир не питает воинов (всадников, periše ܦܪܝܫܐ), если они не получают должного, поэтому, если ты не дашь нам нашего жалования, то мы твои враги!" Но эти угрозы не изменили поведения Маврикия, и недовольство войска все возрастало.[2] Непосредственной причиной восстания во Фракии и Иоанн Никиусский считает отсутствие должной оплаты войск.[3]

Между тем земли у берегов Истра (Дуная), где находились войска, были опустошены, кормиться на них было трудно, лошади их были слабы, кроме того, начались проливные дожди и близка была зима. Все это ставило войска в тяжелое положение; они начали выражать недовольство, волноваться, и это пугало их ближайших начальников. Военачальник Петр со своим штабом расположился в некотором отдалении, около десяти миль от солдатского лагеря.[4]

Феофан утверждает, что Маврикий настойчиво и повторно требовал в своих посланиях, чтобы войска перешли за Истр и там сами позаботились о том, чтобы заготовить себе при-

[1] Simocatta, 8, 6, p. 293. — Theophanes, p. 286.
[2] Michel le Syrien, p. 388, trad. II, p. 375.
[3] Jean de Nikiou, p. 537.
[4] Simocatta, 8, 6, p. 294. — Theophanes, p. 286.

пасы на зиму.[1] Ипостратегом при Петре был, судя по имени, славянин Гудой или Гудуин (или Годовин, Гудовис, ὁ Γουδοῦις, ὁ Γουδούης), которого Петр призвал и стал с ним советоваться. У Петра возникло колебание относительно выполнения царского приказа, который он считал тяжелым и опасался приводить в исполнение, имея в виду настроение солдат. Наконец, Петр решился назначить переправу у реки Куриски (Секуриске) при крепости Аземе. Из солдатского лагеря к нему в его ставку были присланы послы. Сюда к нему, очевидно, приезжал и Гудуин для переговоров и советов. Посланных от солдат было 8 человек, в том числе и будущий „тиран“ Фока.[2]

Император вновь прислал Петру письмо, в котором требовал, чтобы войска перешли реку и расположились „в варварской земле“— τὸν ποταμὸν διαπεραισάμενον τῆς δυνάμεις τῆς τῶν βαρβάρων γῆς ἐπιβῆναι; благодаря такому распоряжению, содержание войск перестало бы отягощать казну. Стратег Петр призвал Гудуина и сказал ему, что ему трудно привести в исполнение требование императора, что жадность не ведет ни к чему хорошему и что она является началом всех зол и что эта страсть владеет душой самодержца Маврикия. С этого дня он считал, что начинается время многих зол для ромеев.[3]

На следующий день он вновь отправился в лагерь, где собрал таксиархов, т. е. командиров всех сил, и осведомил их относительно письма императора. Но они ответили, что не желают совершать этот переход, и выставили многочисленные причины. Тем временем весть о приказе Маврикия распространилась между воинами; весь лагерь собрался на сборище, а испуганные военачальники обратились в бегство и прибыли к Петру. На следующий день войска собрались вновь и на этот раз „избрали экзархом сотника Фоку“— ἔξαρχον τόν ἑκατόναρχον Φωκᾶν προσεστήσαντο.

Услыхав об этом, Петр бросился к границе и поставил императора в известность о случившемся. Маврикий, хотя и весьма испуганный, не считал, однако, возможным как-нибудь

---

[1] Theophanes, p. 286.
[2] Simocatta, 8, 6, p. 295.
[3] Simocatta, 8, 7, p. 295.

обнаружить свой страх и на второй день присутствовал, как всегда, в цирке на состязаниях. Прасины (зеленые) кричали Маврикию на ипподроме, что Константин и Доменциол пугают народ, что ими будет править „тиран“.[1] Царь велел объявить демам через глашатаев на стадионе, что не следует опасаться восстания солдат. Однако венеты, синие, стали кричать императору: „Император, бог, приказавший тебе царствовать, покорит тебе всех, борющихся против твоей власти...“. Все должны быть приведены к послушанию без крови (без кровопролития).[2] На четвертый день император пригласил во дворец демархов Сергия и Козьму, которых Симокатта представляет как правителей или представителей демов (διοικηταί τῶν δήμων), и справлялся у них о числе демотов, т. е. вооруженной части. Сергий мог указать на точное число прасинов, так как оно у него было записано в хартии (ἐν χάρτη); список заключал 1500 человек. Козьма представлял синих — венетов, он дал список на 900 человек.

Подробный анализ всех обстоятельств, связанных с действиями демотов будет дан ниже, здесь же уделим место фактической стороне, событиям этого времени. Несомненно, что факт их приглашения во дворец следует рассматривать как выражение страха Маврикия. Между тем Маврикий, желая миром достигнуть соглашения с восставшими, послал „к тирану“ послов, который принял их небрежно и отослал без всякого ответа. Император имел все основания испугаться, доказательством чего служит его поспешно принятые меры по вооружению демов. Он нашел для них „ласковые слова“, приказал раздать им оружие и вместе с демархами оберегать городские стены.[3]

Симокатта указывает точнее, что это были ветхие, так называемые Феодосиевы стены, построенные при императоре Феодосии, сыне Аркадия.[4] Между тем и вблизи самого Константинополя разыгрывались события, в смысле и значении которых нельзя было ошибиться. Феодосий, сын Маврикия вместе со своим тестем Германом за несколько дней до того

---

[1] Theophanes, p. 287.
[2] Simocatta, 8, 7, p. 296.— Theophanes, p. 287.
[3] Theophanes, p. 287.
[4] Simocatta, 8, 8, p. 297.

отправились охотиться в предместье Константинополя Каллиократию. Сюда к нему был прислан посол от войск ромейских с письмом, в котором те предлагали Феодосию, как того достойному, взять на себя власть в государстве и управлять ими или предоставить власть Герману. Что же касается Маврикия, то войско не желало видеть его императором.[1] Из этого предложения видно, что недовольные войска не имели еще единой кандидатуры. Находившиеся на Дунае силы выдвинули сотника Фоку, представителя наиболее широких демократических слоев войска. Та часть византийской армии, которая находилась вблизи Константинополя, также выражала свое недовольство и не желала видеть на престоле Маврикия, о котором стратег придунайских войск, брат Маврикия — Петр, говорил как об одержимом настоящей страстью к деньгам и стяжанию. Но они находились под влиянием и в руках несравнимо более умеренной группировки, которая считала возможным согласиться с заменой Маврикия его сыном Феодосием или его тестем Германом. Это были, следовательно, сторонники только персональных перемен в пределах династии или высшей сенаторской аристократии. То немногое, что сообщают источники о роли демотов, говорит о том, что демоты, несомненно, начинают подымать голову и приобретают большое значение наряду с войском.

Между тем Маврикий призвал сына и обвинил его и Германа в происшедшем. Особенно его раздражало то, что табуны лошадей, принадлежавшие Герману и находившиеся в предместиях, не были угнаны восставшими, тогда как это было сделано с императорскими и принадлежавшими другим лицам табунами.[2]

Герман стал защищаться, на что Маврикий его резко оборвал. Видя гнев отца, Феодосий шепнул Герману о необходимости спасаться от смерти. — „Беги, или ты будешь убит", — шепнул он ему. Герман вышел из дворца, прошел Средней, главной улицей столицы, домой, а затем провел ночь в ближайшем храме, опасаясь суровых мер со стороны Маврикия. Последний прислал к нему туда евнуха Стефана, занимавшего видное положение в царской семье в качестве воспитателя детей. Но стража Германа не допустила до него Стефана, а грубо его отогнала. Затем вместе со своей свитой Герман отправился в великий храм, т. е. в храм св. Софии, чтобы иметь прибежище. Маврикий жестоко разгневался, призвал своего сына Феодосия и прибил его — ῥάβδοις ἐμαστίγου Θεοδόσιον, считая его виновным в том, что он предупредил Германа.[1] Маврикий продолжал настаивать на том, чтобы Герман вышел из убежища, что тот и намеревался уже сделать, но его остановили крики толпы, бранившей громко царя: „Пусть сорвут кожу с того, кто любит тебя, Маврикий, маркионист!". В том, что царя обзывали именем древней секты, которая, по мнению Феофилакта, считалась смешной, было что-то обидное и оскорбительное.

Широкое недовольство Маврикием в городских массах Константинополя было уже отмечено выше в резких выпадах против него демотов на ипподроме. Но не только демоты, но и простая городская толпа, низы, и раньше высказывали ему свою ненависть.

Иоанн Антиохийский и Феофан сообщают о нападении на Маврикия на улице, во время крестного хода. Византийская столица за время своего существования не раз испытывала недостаток в хлебе, это всегда способствовало обострению классовых противоречий. Народные толпы неоднократно протестовали против чиновников государства. При Маврикии дело дошло до открытого на него нападения. На Рождестве он со своим сыном Феодосием участвовал в процессии; в окружающей толпе стали кричать, требуя у царя хлеба, вслед за тем в него полетели камни. Испуганные Маврикий и Феодосий бросились во Влахернский храм, где они и оставались в течение некоторого времени, опасаясь выходить.[2] Революция имела, таким образом, опору не только в войске, но и в недовольном городском населении столицы. Демоты играли среди них наиболее активную роль, они выкрикивали свои пожелания на ипподроме, в минуту опасности им было предоставлено оберегать городские стены. Когда демотам стало известно о положении Германа, они покинули свои сторожевые посты на стенах и появились в городе, поддерживая в нем

---

[1] Simocatta, 8, 8, p. 298.
[2] Theophanes, p. 288.

[1] Theophanes, p. 288.
[2] Ibid.

брожение. Прасины подожгли дом патрикия Константина Ларда,[1] бывшего префектом претория и занимавшего высокое положение сенатора и государственного казначея, логофета.[2]

Некоторые сенаторы, принадлежавшие к венетам, считавшимся императорским цветом, проявляли активность в движении против Маврикия. Прасины занимали, несомненно, более крайние позиции, как это видно из их действий на ипподроме, в поджоге дома ненавистного Константина Ларда и в дальнейшем их отказе поддержать Германа, принадлежавшего к сенаторской аристократии; наконец, в том, что они стали сторонниками Фоки.

В городе начались волнения: демоты оставили свои сторожевые посты на стенах и у ворот и устремились к „тирану", т. е. к Фоке.

Демы действовали вполне самостоятельно, и, насколько велика была их власть, можно судить по тому, что Герман, желая занять императорский престол, стал заискивать у демотов. Так как Маврикий бежал, а Фока как-будто еще не предполагал занять положение императора, некоторые шансы у Германа были. Известным препятствием для него могли служить враждебные настроения прасинов, поэтому он послал к демарху Сергию силенциария Феодора, чтобы договориться с демами об условиях, на которых мог быть получен царский венец.[3] Сергий ознакомил с пожеланиями Германа виднейших представителей прасинов — πρὸς τοὺς κορυφαιοτέρους τοῦ δήμου τοὺς λόγους τοῦ Γερμανοῦ μετωχέτευσεν. Но прасины отказались поддерживать Германа, считая, что он тесно связан с венетами. Если правильна догадка некоторых исследователей, что венеты представляли собою партию, главным образом связанную с кругами сенаторов и царем, то это объясняет связь с ней Германа. Последний, потеряв надежду на поддержку прасинов, обратился к Фоке, двигавшемуся со своими войсками к столице. Запросы Германа заставили демы действовать. Прасины вышли навстречу Фоке в Регium. Фока, видимо, не решался

[1] Theophanes, p. 288.

[2] Chronicon paschale, p. 379. — Simocatta, 8, 9, p. 300. — Звание логофета см. Stein, E., Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches. Stuttgart, 1919, pp. 148—149.

[3] Simocatta, 8, 9, p. 302.

двинуться в столицу, не будучи уверенным в том, какой он встретит прием. Оказанное ему зелеными внимание уверило его в возможности занять более прочное положение, о котором, быть может, Фока первое время и не думал. Теперь он мог рассчитывать и на царский престол: столица пошла ему навстречу. Прасины „убедили" Фоку дойти до предместья Константинополя — Евдома, расположенного в восьми милях от столицы. Его именно убедили — οἱ πράσινοι... πείθουσιν.[1] По прибытии в Евдом Фока направил секретаря, одного из выдающихся людей царской канцелярии, τῶν βασιλικῶν ταχυγράφων ἄνδρα ἐπίσημον, Феодора, в столицу, в „великую церковь" св. Софии, чтобы оповестить византийский народ, демы, клир и сенат и призвать всех в Евдом.[2]

Феодор прибыл туда и с амвона сообщил пожелание Фоки и прочитал его предложения. Прибыв в Евдом, патриарх потребовал у Фоки поддержки православных, иначе говоря верности основному направлению церкви, которое гарантировало бы сохранение на высших должностях представителей клира и, следовательно, известного спокойствия для них. Обещание это было ему дано. Затем в Евдоме состоялось большое заседание с участием всех чинов государства. На собрании Фока „сделал вид", что желает видеть царем Германа — ἔδοξεν ὁ μιξοβάρβαρος τύραννος κατειρωνευόμενος Γερμανὸν ἀναγορεύειν ἐθέλειν.[3] Но демы стояли на стороне Фоки и „выкликали" его, что и решило судьбу престола. „Венец и бармы" византийских царей достались „тирану", „кентавру" Фоке, как его презрительно называют историографы, враждебные движению. 23 ноября 602 г. он был коронован.

Между тем Маврикий снял с себя царские одеяния, надел простую одежду и, забрав казну, жену и детей, ночью покинул Константинополь, обратившись в бегство на небольшом легком корабле. А толпа всю ночь не переставала его поносить, сочиняла на его счет стишки и смеялась над константинопольским патриархом Кириаком. Но буря на море поставила Маврикия в затруднительное положение, ему пришлось пристать в 150 стадиях от столицы и спастись в храме муче-

[1] Ibid., 8, 10, p. 302. — Theophanes, p. 289.

[2] Simocatta, 8, 10, p. 302.

[3] Simocatta, 8, 10, p. 303. — Theophanes, p. 289.

ника Автонома, в Пропонтиде, недалеко от Никомедии. Болезнь препятствовала его дальнейшему бегству. Маврикий направил своего сына Феодосия в сопровождении префекта претория Константина Ларда к персидскому царю Хосрою, чтобы просить его о помощи и поддержке.[1]

Фока на третий день после венчания на царство отправился в белой колеснице в Константинопольский дворец, бросая на своем пути толпе золотые монеты из царской сокровищницы. Войскам был послан соответствующий „подарок", как это полагалось при получении скипетра.[2] На пятый день состоялось венчание на царство Леонтии, жены Фоки. Во дворце произошло столкновение между синими и зелеными. Прасины, считая, что им принадлежит главная заслуга в выдвижении Фоки, намеревались выстроиться на первом месте для торжественной встречи во дворце. Венеты заспорили с ними, считая это нежелательным новшеством. Фока послал навести порядок одного из близких ему офицеров Александра, который выругал и ударил демарха венетов Козьму, чем все его сторонники до крайности возмутились и стали кричать: „уходи Александр", „Маврикий еще не умер".[3] Фока постарался сам уговорить возмущенных, но принял решение покончить с Маврикием и приказал доставить его в Халкедон. Феодосий на зов Маврикия поспешил из Никеи, но уже не застал отца. В Халкедоне Маврикий был публично казнен в порту Евтропия, причем сначала на его глазах были обезглавлены все его дети. Головы казненных были выставлены на показ, а тела были сброшены в воду.[4]

Несколько позднее был казнен старший сын Маврикия Феодосий, который искал убежища в храме Автонома.[5]

Вдова Маврикия, Констатина, жила со своими тремя дочерьми под строгой охраной.[6] Со смертью Маврикия связан целый ряд легенд, сообщаемых различными авторами. Эти чудеса и ужасы, которые передавались из уст в уста, известны

---

1 Simocatta, 8, 9, p. 301. — Theophanes, pp. 288—289.
2 Simocatta, 8, 10, pp. 302—303.
3 Simocatta, 8, 10, p. 304. — Theophanes, p. 289.
4 Simocatta, 8, 11, pp. 304—305. — Theophanes, p. 290.
5 Simocatta, 8, 13, pp. 308—309.
6 Simocatta, 8, 15, p. 313.

Иоанну Антиохийскому.[1] Его простой рассказ получает множество дополнительных оттенков у Феофана.[2]

О чуде в Халкедоне рассказывает и Феофилакт Симокатта, не имевший склонности к такого рода материалу.[3] Легенды эти были различны и суеверно множились вокруг имени Маврикия.[4]

---

1 Constantinus Porphyrogenetus. Excerpta de insidiis, c. 108, ed. de Boor, pp. 148—149.
2 Theophanes, pp. 284—285, 291.
3 Simocatta, 8, 13, 14, p. 312.
4 Яковитская традиция включила краткое жизнеописание Маврикия в один из своих агиологических сборников, изданный Nau, Patrologia Orientalis, V, (1910), 773—778, (365—370). A. A. Vasiliev, The life of st. Theodore of Edessa. Byzantion, 1942/3, v. 16, p. I, p. 188, считает это одним из доводов в пользу того, что Маврикий был сторонником прасинов, т. е. монофизитов, как полагали и Janssens и Grègoire.

ФОКА (602—610)

Волна народных движений, смахнувшая с престола Маврикия и всю его семью, прокатилась не только по Балканскому полуострову. Волнения охватили Анатолию и Киликию, Азию и Палестину. Об этом свидетельствуют надписи 603, 609, 610 гг. из Малой Азии, которые упоминают прасинов и венетов.[1] Египет был в огне восстаний, они вспыхивали то в одном, то в другом селении и городах.

Фока был выдвинут демократическими слоями населения, войском, где он занимал невысокую командную должность центуриона. Но правительство его не имело отчетливой политической линии и не использовало ни симпатий армии, ни городского населения. Общее отрицательное отношение ко всякого рода движениям, жестокие расправы в Сирии и Египте, казни в столице протекали на фоне тяжелого внешнеполитического положения. Европейским владениям угрожали славяне, в Азии Хосрой II переходил от угроз к натиску.

Классовая борьба принимала все более острый характер, получая дополнительную окраску от сложных религиозных и этнических отношений в африканских и азиатских провинциях.

В свете этих фактов не случайна ориентация правительства Фоки на Запад. В дружественных отношениях с папским престолом она находила опору против „еретического" Востока. Авторитет кафедры апостола Петра мог поддержать халкедонское вероисповедание и стать действительно противовесом монофизитству. Мирные отношения и уступки варварским

[1] H. Grègoire. Recueil d'inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure. №№ 112, 113, 114, 114_2, 114_3, 114_5. — Janssens. Les bleus et les verts. Byzantion, XI, 2, pp. 526—527.

государствам Италии соответствовали пожеланиям папы и отвечали интересам упрочения положения Равеннского экзархата.

Поэтому еще в 602—603 гг. Фока заключает мир с Брунегильдой Австразийской, о чем упоминает в своей переписке папа Григорий I. 19 февраля 607 г. правительством Фоки был издан „Privilegium", о котором знает и Павел Дьякон, так как папа Бонифаций настаивал на признании того, что „sedem Romanae et apostolicae ecclesiae caput esse omnium ecclesiarum".[1]

С лангобардами Фока тоже стремился поддержать дружественные отношения, во всяком случае в 609 г. с ними был заключен мир на один год. Он был подтверждением заключенного еще в сентябре 603 г. перемирия, переговоры относительно которого вел с конунгом Агилульфом равеннский экзарх Смарагд. Таким же дружественным в отношении папского престола актом было предоставление Бонифацию IV пантеона (quod pantheum vocabatur) в Риме (609) с тем, чтобы там был устроен храм в честь Богоматери и всех святых.[2]

Дружественные отношения между кафедрой св. Петра и константинопольским престолом были вызваны тем тяжелым положением в восточных провинциях, при котором не только успехи персидского оружия, но и крайне обостренные проявления классовой борьбы делали эти провинции слабой опорой империи. Это тем более было понятно, что непопулярный Фока мог рассчитывать на авторитет папы на западе, чтобы несколько улучшить свое положение. Но Восток, в том числе и православные, не только монофизиты, конечно, не могли простить привилегий, которые Фока предоставлял Риму.

Соответственным образом эта ориентация Фоки учитывается латинскими источниками. Павел Дьякон благожелательно пишет: „Igitur Mauritius augustus, postquam uno et vigenti annis rexit imperium; cum filiis Theodosio et Tiberio et Constantino a Focate, qui fuit strator Prisci patricii, occidetur. Fuit autem utilis rei publicae; nam saepe contra hostes dimicans victoriam obtenuit".[3]

[1] Dölger. Regesten, p. 17. — Paulus Diaconus, 36. Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Langobardicarum. Hannoverae, 1878, p. 128.

[2] Paulus Diaconus, 36, p. 128.

[3] Paulus Diaconus, 26, p. 125.

В противоположность этим сообщениям об отношении Фоки к Западу, тот же латинский хронист сообщает: „Huius tempore Prasini et Veneti per orientem et Aegyptum civile bellum faciunt ac sese mutua caede prosterunt".[1] Он рассматривает совершенно справедливо восстания прасинов и венетов как гражданскую войну, которая с особой силой разразилась в провинции Востока и в Египте. Антиохия и Александрия были в центре движения.[2]

На серьезное сопротивление Фока натолкнулся и в Месопотамии. Пограничная провинция и в этот раз оказалась в центре дипломатической игры, затеянной Ираном. Под предлогом того, что Феодосий, сын Маврикия, будто бы бежал и успел спастись от казни Фоки, Хосрой II собирался оказать ему поддержку против „узурпатора".

В соответствии с международными традициями того времени, Фока должен был через послов поставить Хосроя в известность о своем вступлении на престол. В том, что Фока сделал это с опозданием и направил в Иран в качестве своего представителя Лилия (ὁ Λίλιος), под начальством которого была приведена в исполнение казнь Маврикия,[3] было некоторым вызовом Хосрою, воспользовавшемуся и этим обстоятельством.

В пограничных византийских пределах, в Даре (весной 603 г.) Лилий был торжественно встречен Германом. В Даре в течение долгого времени в качестве надежного военачальника, охранявшего интересы Византии, находился стратег Нерсес, участник войны против восставшего Бахрама. Хосрой был недоволен его настойчивостью и требовал его удаления. Маврикий заменил его Германом. Насколько неустойчивы были настроения армии, можно судить, например, по следующему факту. Когда Герман и Лилий ехали вместе, один из солдат поранил мечом Германа. Впрочем рана была легкой и быстро зажила.[4] Между тем Лилий двинулся дальше. Хосрой II не только не принял грамот и подарков, доставленных ему от Фоки, но приказал схватить посла и приставить

[1] Ibid., 36, p. 128.
[2] Miracula st. Demetrii, Acta sanctorum, Octobris, v. IV, p. 132.
[3] Simocatta, 8, 15, p. 313. — Theophanes, p. 291. Ошибочно — Βίλιος.
[4] Ibid., 8, 15, p. 314.

к нему стражу. Фоке были посланы „грамоты бесчестные" — γράμμασι δὲ ἀτίμοις,[1] а Хосрой объявил себя мстителем за Маврикия[2] — ловкий оборот, дававший ему предлог вести войну против Византии.

Изменившиеся обстоятельства сгладили трения между сасанидским владыкой и византийским стратегом: Нерсес не пожелал подчиниться Фоке, связался с Хосроем письменно, побуждая его вести войну с ромеями, и захватил Эдессу. В декабре 603 г. Хосрой, собрав войска, двинулся против ромеев. Герман был вынужден принять удар. Он был ранен в сражении и вскоре умер, часть войск спаслась в Телле-Константине.[3] Многие утонули в Евфрате во время бегства.[4]

Опасное положение на востоке заставило Фоку принять срочные меры. Он спешно заключил мир с аварским каганом и двинул войска из Европы в Азию против персов. Леонтию-евнуху было поручено с частью войск осадить Эдессу, чтобы захватить Нерсеса. Последний был вынужден покинуть Эдессу и бежал в Иераполь. Когда Доменциол был назначен стратегом, он убедил Нерсеса сдаться, клятвенно обещая, что он не будет наказан. Но Фока не посчитался с обещаниями, и посланный в столицу Нерсес был сожжен живым.[5] Насильственная смерть одного из самых талантливых византийских полководцев, перед которым трепетали персы и имя которого внушало страх их детям, была одной из многих крупных политических ошибок правительства Фоки. Продвижение персов на области Византии беспрерывно развивалось, и иранская агрессия с каждым годом становилась опаснее, захватывая все большее количество областей.

Внутреннее состояние византийских областей в Азии и Африке было таково, что благоприятствовало продвижению персидских войск. Постоянное брожение, восстания, бунты являются характерным проявлением классовой борьбы, которая приобретала дополнительные оттенки религиозной и этнической вражды.

[1] Theophanes, p. 291.
[2] Simocatta, 8, 15, p. 314.
[3] Theophanes, p. 292.
[4] Sebèos. Histoire d'Heraclius. Ed. Macler, Paris, 1904, p. 56.
[5] Theophanes, p. 293. — Michel le Syrien. Texte, p. 389. — Sebèos, p. 57.

Брожение и в столице не прекращалось, волновались демы. В столице в 603 г. началось восстание — στάσις μεγάλη.

Вдова Маврикия, Константина, и тесть его сына Феодосия, патрикий Герман, затевали дворцовый переворот, который, однако, не удался.[1] Патриарх Кириак заступился за них перед Фокой, в результате чего Константине было разрешено жить в монастыре, а Герман должен был принять пострижение.

Сообщение Феофана о враждебном отношении прасинов к семье Маврикия вполне правдоподобно. Но к числу дублетов следует отнести рассказ хроники о вторичной попытке Германа подкупить демарха прасинов и отказ руководящей группы, τά δὲ πρωτεῖα τοῦ δήμου, итти на соглашение.[2] Это повторение уже известного эпизода, который сообщен и Феофилактом Симокаттой, что Герман стремился подкупить прасинов, чтобы они не препятствовали ему занять престол.[3]

Через некоторое время Фоке было донесено, что Константина и Герман поддерживают слухи, что Феодосий будто бы жив и в связи с этим питают надежды на переворот. Заговор был раскрыт, а участники были подвергнуты казни 7 июня 605 г. на молу Евтропия.[4]

Попытки свергнуть Фоку исходили из ближайших к Маврикию кругов, его родственников и сторонников. Кроме Германа, Пасхальная хроника называет и Филиппика, комита экскубиторов, в числе лиц, наказанных в 603 г. за участие в заговоре. Приняв сан, он поселился в Хрисополе, в собственном монастыре. На востоке был в ходу, не лишенный колорита, рассказ о Филиппике: „Когда царь Маврикий, его сыновья и брат были убиты ромеями, воцарился Фока. Тогда Филиппик, зять Маврикия, пришел и стал злословить Маврикия. Он утверждал, что его руками было устроено падение Маврикия, и стремился быть вознагражденным. На это Фока спросил: «Следовательно, ты намереваешься стать нам другом, о, Филиппик?». Он ответил: «Да, господин мой». Царь сказал ему: «Так как ты не был добрым зятем, разве ты будешь бес-

[1] Theophanes, p. 293.
[2] Ibid., p. 293.
[3] Ibid., p. 239. — Simocatta, p. 332. — Janssens. Les bleus et les verts. Byzantion, XI, 2, p. 518.
[4] Chronicon paschale, p. 696. — Theophanes, p. 295. — Cambridge med. history, Cambridge, 1913, v. II, p. 289. — Janssens, p. 519.

хитростным другом? Убирайся отсюда. Тот кто не сохранил верности зятю, не сохранит и дружбы с другом». Когда его выгнали из дворца, он пошел в монахи".[1]

В столице волнения не утихали. В 603 г. большие беспорядки — στάσις μεγάλη — завершились грандиозным пожарищем. Главная, так называемая Средняя улица (ἡ Μέση) столицы была подожжена и горела от квартала Лавза и претория префекта города до форума Константина. Вслед за этим Пасхальная хроника сообщает, что на той же Средней улице, между преторием и форумом, был сожжен демарх прасинов (ὁ διοικητὴς τοῦ Πρασίνου μέρους) Иоанн, называемый Крукием.[2] Из текста нельзя сделать вывода, почему и кем был сожжен демарх прасинов. Парети предполагал, что это было местью венетов; Манойлович связывал его с заговором Константины и Германа. Янсенс дала подробный анализ этого текста и данных „Учения новокрещенца Иакова" — Doctrina Jacobi nuper baptizati, греческого агиологического памятника, сохранившегося и в славянском переводе. В дальнейшем к этому источнику нам предстоит обратиться еще раз. В тексте „Учения" упоминается, что „Средняя" улица была подожжена прасинами при Крукии, т. е. когда он состоял их демархом. За это венеты расправлялись с ними, называя „поджигателями" и „манихеями". Возмездием, о котором говорит житие — οἱ πράσινοι... εἶχαν τὴν κακήν — было сожжение Крукия. Мнение Янсенс, что оно было осуществлено правительством, как наказание не обосновано.[3]

Таким образом, уже в 603 г. прасины, которые способствовали воцарению Фоки, были ему враждебны. Факт этот подтверждает лишний раз, что цвета не имели тогда значения в политической роли партий, как это обычно предполагается. Мною было указано выше, что партии объединяли разные социальные группы, в том числе и низшие, которые были в оппозиции правительству.

Как личное оскорбление Фока принял почести, которые демы оказали на ипподроме в 607 г. его зятю, комиту экскубиторов, Приску. При праздновании свадьбы его дочери До-

[1] Michelle Syrien. Chronique, texte, p. 389.
[2] Chronicon paschale, p. 695.
[3] Janssens. Les bleus et les verts, pp. 519—521.

менции с Приском демархи поместили на ипподроме их изображения рядом с императорскими, Фока пришел в гнев и хотел казнить демархов Феофана и Памфила, только просьба народа предотвратила кровавую развязку.[1] В качестве комита экскубиторов и зятя Фоки, Приск мог считаться его вероятным наследником, чем и были вызваны оказанные ему почести. Но резкая выходка Фоки и его испугала и настроила враждебно.

Гнев Фоки вызвали оба дема; особенно он был направлен против прасинов, которые на ипподроме (609) стали кричать Фоке: „Опять пил из кувшина, опять потерял разум". Правительство ответило жестокими репрессиями против прасинов, из которых одним были отрублены головы, другие в мешках были брошены в море. Насмешки над Фокою, вызвавшие такую жестокую расправу, конечно, имели более глубокие причины, о которых источники не сообщают.

В свою очередь прасины подожгли преторий епарха столицы, которым тогда был Кузьма, а также секреты и скриний, т. е. государственные канцелярии и тюрьмы — τὰς φυλακάς.[2] Находившиеся в заточении были освобождены и бежали. Феофан прибавляет: Ὁ Φωκᾶς ἐκέλευσε τοὺς πρασίνους μηκέτι πολιτεύεσθαι. Это запрещение прасинам занимать государственные должности относится к 609/10 г.[3]

Заговор и беспорядки в столице способствовали ослаблению положения Фоки, репрессии и казни не улучшали его. Но судьба византийского престола решалась на востоке: восстания в Сирии и Египте приняли угрожающий характер, а жесточайшая расправа правительства произвела тяжелое впечатление даже на привычных к ней подданных Византии. Об этом свидетельствуют различные памятники той эпохи.

Антиох Стратиг рассматривает действия демов как глубоко отрицательные: „Именовались они по одежде, которую носили, и звали одно общество зеленым, другое — голубым. Они были полны всяких злодейств, не довольствовались только избиением и ограблением верующих, а предавались

---

[1] Theophanes, p. 294. — Constantinus Porphyrogenetos. Excerpta de insidiis, III, p. 149. Ex Joanno Antiocheno, fr. 109.

[2] Theophanes, p. 297.

[3] Dölger. Regesten, p. 17.

также кровопролитию и человекоубийству".[1] Самое нашествие персов автор рассматривает как наказание за их „истребление, злодейство и коварство".

Некоторые источники указывают на то, что Фока принял меры против „клириков провинций Востока", которым было запрещено избирать патриарха и епископов без санкции государственной власти.[2] Это запрещение следует рассматривать как направленное против „восточных отцов", в значительной мере склонных к монофизитству, что было вполне в духе Фоки, связавшего себя с православными и с папским престолом. Но „восточные" собрались в Антиохии. Недовольство возросло до восстания, в котором приняли участие демоты. На улицах и в храмах сирийской столицы произошли жестокие сражения. Солдаты перебили многих демотов, так что самые здания церквей были залиты кровью. Такие страшные убийства происходили также и в Египте и Палестине.[3]

События, о которых говорит хроника Иоанна Никиусского, несомненно, находят подтверждение в сообщениях Пасхальной хроники, которая знает о восстании в Африке и, в частности, в Александрии, и о смещении патриархов александрийского и иерусалимского в 608 г. Анастасий-схоластик, бывший патриархом антиохийским, был убит солдатами в 609 г.[4]

Феофан, связанный с другой традицией, утверждает, что восстание подняли антиохийские евреи; они сожгли дома ктиторов, захватили антиохийского патриарха Анастасия и убили его на главной улице (ἐπὶ τὴν Μέσην).[5] Предпочтение в этом случае следует отдать приведенной выше традиции, которую сохранила Пасхальная хроника, приписывающая это убийство солдатам.

Фока принял решительные меры против восставших, назначив комитом Востока Боноза, а стратилатом Коттана. Немедленно остановить восстание не удалось, „порядок" был

---

[1] Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г. Изд. Н. Я. Марр, СПб., 1909, Перевод, стр. 5.

[2] Там же, стр. 5.

[3] Jean de Nikiou. Chronique, pp. 539—540. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, v. 24.

[4] Chronicon paschale, p. 699.

[5] Theophanes. Chronographia, p. 296.

водворен лишь после того, как туда прибыли войска.[1] О беспримерной жестокости, с которой были подавлены волнения, говорят все источники. Боноз еще в Киликии собирал войска, чтобы выступить против Антиохии.[2] Он был совершенно беспощаден: душил одних, топил других, жег, бросал на съедение диким зверям и вообще по приказу Фоки проявлял величайшую жестокость.[3] Репрессии касались также монахов и монахинь, которые подвергались им в качестве приверженцев „восточных отцов".[4]

Подтверждается это и Антиохом Стратигом, который пишет: „И кто не слышал, что произошло в великом городе Антиохии, какие напасти и испытания постигли его жителей? Кто не будет скорбеть и плакать о деле, постигшем город Лаодикию и его жителей, когда несметный народ был истреблен завистью и возбуждением богоненавидящего врага?.. Кто сочтет множество лишений и трудов и сколько десятков тысяч было истреблено из-за того, что учинил Воносий?" Преследования церкви на востоке известны и этому памятнику. „Вождем всего этого был Воносий: он был преисполнен безбожья и вместе с упомянутыми раньше злыми людьми настроен разрушать города и опустошать церкви, так что смятение и истребление достигло церкви, и он имел в мыслях захватить патриарха, бывшего перед патриархом Захариею, и убить его и погубить церкви".[6] Тот же автор сообщает „о смерти этого злого человека, по имени Воносия", с которым он расправляется, подобно пророку Исаии и Данте: в загробном мире душу Воносия повели в запертый колодец, куда должны были ее заточить. Колодец этот не открывался со времени смерти Юлиана Отступника, к которому, следовательно, приравнивается в мере загробного наказания Боноз.[7]

Упоминавшийся выше агиологический памятник „Doctrina Jacobi" написан от имени новокрещенца Иакова, но совершенно напрасно исследователи приняли этот псевдоэпиграф

---

[1] Theophanes. Chronographia, p. 296.
[2] Jean de Nikiou, p. 540.
[3] Ibid. — Chronicon paschale, p. 700.
[4] Jean de Nikiou, p. 540.
[5] Антиох Стратиг, стр. 7.
[6] Там же, стр. 8.
[7] Там же, стр. 8.

за чистую монету. Памятник этот тенденциозен, был составлен с определенной целью и отнюдь не представляет собою исповеди крещеного иудея, хотя отдельные его страницы совершенно верно отражают современные автору события первой половины VII в.

Судя по тому, что автор жития приписывает Иакову переход от прасинов к венетам и обратно в целях „вредить христианам", стирается особое различие между обоими демами. Иаков вредил христианам в Константинополе при Фоке, обзывая их „иудеями" и „мамзирами".[1]

Когда прасины при демархе Крукии поджигали город, Иаков помогал им, браня венетов манихеями. В Антиохии картина восстания приобретает ясность, благодаря свидетельству „Учения". Боноз (Воносий) мучил и убивал прасинов, в чем будто бы принимал участие и Иаков, мотивируя это тем, что в качестве венета он „привержен церкви",[2] и это говорит о том, что волнения на востоке были связаны с известным направлением церковной политики правительства Фоки.

В „Учении Иакова" сообщается о конце Боноза, которого прасины „таскали" в Константинополе, в чем принял участие и Иаков. Делал он это „от всего сердца", якобы желая повредить Бонозу как христианину. И вообще, где только происходят волнения, он туда и направлялся.

Одно это указание на стремление Иакова принять участие в любом волнении говорит о том, что памятник преследует определенную цель, но для данного случая важно не это, а то, что беспорядков и волнений в городах было много. На востоке поводом для волнений были не только репрессии против клира, но и причины экономического характера, о чем известно Агапию Мембиджскому. „В том же году [8-й год правления Фоки] случилось несчастье в Сирии. Причина его такая: иудеи, которые были там и в Месопотамии, намеревались убить христиан во всех городах и разрушить их церкви. Пока они были этим заняты, о них донесли властям. Христиане тогда бросились на них и перебили их большое число. А когда Фока узнал это, он разгневался против христиан

---

[1] В славянском переводе „мамзиры" H. Grègoire предлагает читать по-гречески μανζίρους — сыновья проститутки. — Janssens. Les bleus et les verts, p. 530.

[2] Великия Четьи-Минеи. Декабрь, дни 18—23, столбец, 1478, М., 1907.

обложил их податью (واثق لهم), в Антиохии, Лаодикии, Сирии и Месопотамии".[1] Такое же сообщение имеется у Михаила Сирийца, но там гнев Фоки обращен против иудеев.[2]

Таким образом, в восточной традиции репрессии правительства имели и чисто экономический характер, причем обложение повышенной податью или налогами одними относится к христианам, другими — к иудеям. Неясно представление и о том, кем и как велась борьба. Такое смешение источников говорит о нечеткости традиции, которой они располагали. Если византийское правительство всегда могло найти повод вымогать лишние налоги у иудеев, то правительство Фоки было враждебно некоторой части клира, „восточным", и давление экономическое на связанные с ними слои не представляется несообразным.

Наиболее вероятно, что налоги были увеличены и тем и другим. Проф. Ю. Кулаковский считал, что Боноз действовал в Сирии до 609 г. и расправился не с иудеями, а с монофизитским клиром, а затем был вызван в Египет.[3]

Между тем провинция Африка была в огне междоусобной войны, результатами которой воспользовались стратег Ираклий и его сын, будущий император Ираклий.

Пять египетских городов — Карбета, Сан, Баста, Балка и Санхур — находились под управлением некоего Феофила. Против него восстали, убили его и захватили города местные люди. Фока распорядился послать против них жестокого Боноза, получившего эти сведения в Кесарии Палестинской. В Александрию он двинулся морем, на кораблях, которые везли всякие орудия пыток и диких зверей для расправы с восставшими.[4] Последние вели пропаганду в селениях вдоль канала Пидракон (дракон), на запад от Александрии. Они связались со сторонниками Ираклия, заключив с ними соглашение. Бонакис, один из военачальников Ираклия, имел успех —

[1] Agapius de Menbidj. Histoire universelle. Ed. A. Vasiliev, pars II, p. 449, Patrologia Orientalis, VIII, 3.

[2] Michelle Syrien, II, 379.

[3] Ю. Кулаковский. К критике известий Феофана о последнем годе правления Фоки. „Византийский временник", 21 (1—2), СПб., 1914, стр. 1—14.

[4] Jean de Nikiou, p. 540. — A. Butler. The arab conquest of Egypt and the last thirty years of the Roman dominion, Oxford, 1902, pp. 13—14.

он захватил города дельты, и префекты различных областей Египта вошли с ним в соглашение.[1]

Активность проявляли и демы, связанные со всеми восстаниями и волнениями этого времени. Венеты конфисковали имущество друга Фоки, Аристомаха, а также имущество наиболее известных людей и жителей Менуфа, так что они не были в состоянии выплатить податей.[2] Если принять во внимание, что значительная часть податей Египта выплачивалась натурой, зерном, которое поставлялось в столицу, то очевидно, что конфискация была одним из способов лишить правительство Фоки поддержки.

Из Александрии были двинуты правительственные войска под начальством Апелона, который, несмотря на попытки привлечь его к движению, остался верен Фоке „до смерти". Его вооруженные полки были разбиты. Сам Апелон был убит, его отрубленная голова была посажена на пику и так внесена в город. Префект Александрии и патриарх Федор, халкедонит, следовательно, сторонник Фоки, скрылись.

Народ и монофизитское духовенство объединились против карательной экспедиции Боноза. В Александрии были захвачены собранные там податные суммы, государственная казна, и преторий как центр управления.[3]

Судьбы византийского престола решались в Египте. Сюда направил свое внимание сенат, который вошел в сношения с Ираклием. На тот же путь стал и Приск, зять Фоки. Патрикий Приск, как упоминалось, был комитом экскубиторов и, получив руку дочери императора, мог в известном смысле рассчитывать на престол, так как прямых мужских наследников не было. Таким путем получил престол и Маврикий.

Когда на ипподроме были выставлены портреты новобрачных рядом с императорскими, тогда возможно, имели место и соответствующие демонстрации, которые вызвали гнев и подозрения Фоки. Приск считал себя оскорбленным и боялся за последствия этого неудовольствия, поэтому и он при первой возможности вошел в соглашение с Ираклием.[4]

[1] Jean de Nikiou, p. 544.

[2] Ibid. — Janssens. Les bleus et les verts, p. 528.

[3] Jean de Nikiou, pp. 543—544.

[4] Theophanes, pp. 294, 295.

Такую же поддержку имел Ираклий и в Египте: на его стороне был Пентаполис. Фактически к 609 г. Египет уже не принадлежал Фоке.[1] При такой ситуации Ираклий старший не поколебался вооружить своего сына Ираклия и Никиту, сына своего ипостратега Григоры, чтобы свергнуть Фоку. Войска должны были тронуться морем и сушей.[2] На кораблях отправился молодой Ираклий, Никита двинулся сухим путем. В Константинополе этим были обеспокоены. В монастыре „Нового покаяния" были заточены мать Ираклия Епифания и его невеста Евдокия, дочь Рога Афра.

В столице имел место другой заговор, участниками которого были Федор — епарх Каппадокии, Елпидий и многие другие. Предполагалось умертвить Фоку на ипподроме, предварительно выколов ему глаза. Это было обычным приемом расправы в сасанидском Иране, где нежелательных соперников и претендентов на престол обычно ослепляли. Но заговор и на этот раз был раскрыт, и последовала жестокая казнь.[3]

В последних числах сентября 610 г. Ираклий, часть войск которого составляли мавры, высадился в Абиде. Комит Федор примкнул к нему. Сюда собрались и другие обиженные Фокой лица. Посланный на охрану Долгой стены Доменциол, брат Фоки, испуганный взятием Абиды, бежал в столицу. У Евдома стояли корабли, на которых Фока предполагал двинуться против Ираклия. Дему прасинов были поручены гавани Кайсарии и Софии, венеты оберегали Ормизда. Но прасины подожгли Кайсарию. Прибывший в Константинополь Боноз встретился с ними и испуганный бежал.[4] 3 октября 610 г. корабли Ираклия вошли в гавань Софии, и Константинополь оказался в его руках.

В момент воцарения Ираклия в Константинополе произошла еще одна схватка между венетами и прасинами, так что венеты были вынуждены спастись в церковь св. Софии. Прасины же вышли в лодках навстречу флоту Ираклия.[5]

[1] Cambridge medieval history, v. II, pp. 287—288.
[2] Theophanes, pp. 297—298.
[3] Ibid., p. 297.
[4] Constantinus Porphyrogenetos. Excerpta de insidiis. Ed. De Boor., v. III, p. 150. — Joannes Antiochenus, fr. 110, — Mommsen. Hermes, VI, p. 364.
[5] Janssens. Les bleus et les verts, p. 524. — Pernice. L'imperatore Eraclio. Firenze, 1905, p. 41.

Фоку за бороду вытащили из дворца. Он был казнен вместе со своими братом Доменциолом, Бонозом и саккелярием Леонтием. Трупы были затем сожжены демами „у Быка".[1] На ипподроме был сожжен портрет Фоки и „голубое знамя", т. е. принадлежавший венетам стяг.[2]

5 октября Ираклий был коронован патриархом Сергием в церкви Стефана, во дворце, и в тот же день повенчан с Евдокией.[3] На престол вступил талантливый полководец, представитель крупных землевладельцев, сенаторов, склонный удовлетворять их стремление к независимости и иммунитету, в чем они были единодушны с высшим духовенством и монашеством.

Ко времени Ираклия относятся последние вспышки проявления политической роли демов. После второй половины VII в. имена прасинов и венетов редеют на страницах хроник, они сохраняют свое место лишь в ритуале приемов и торжественных выходов византийских царей.

Но более всего победе Ираклия способствовала экономическая ситуация. Египет вышел из повиновения центральному правительству. Соглашение, в котором приняли участие столичные сенаторы и Приск, было следствием того, что суда, поставлявшие зерно, уже больше не появлялись из Египта в столице — ὅθεν οὐδὲ πλοῖα τῆς Ἀφρικῆς ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ ἀνέβαλον.[4] Житница Константинополя была закрыта, столицу брали голодом и, конечно, высшие слои знати принимали участие в этой большой политической интриге. Они поддерживали египетских землевладельцев, которые задерживали хлеб, тем самым обостряя конфликты между правительством Фоки и населением, как затем поддерживали и наступление африканских войск под начальством Ираклия.

Если вспомнить знаменитый 13-й эдикт императора Юстиниана, составленный из 28 глав, все детали, которые он обусловливает, чтобы обеспечить столице своевременную доставку зерна, те суровые наказания, которыми он грозит в случае

[1] Theophanes, p. 299. — Joannes Antiochenus, p. 150. — Bury. History of the later Roman Empire, pp. 205—206.
[2] Chronicon paschale, p. 701 (τὸ Βένετον βάνδον).
[3] Theophanes, p. 299.
[4] Theophanes, p. 296. — N. Jorga. Histoire de la vie byzantine, v. I, Bucarest, 1934, p. 274.

невыполнения поставки в срок, и всю грандиозную картину хлебного каравана, направляемого в Константинополь, то становится совершенно очевидным, какое большое, какое исключительное значение для его существования играл египетский хлеб.[1] Это был, конечно, наивернейший способ воздействия. Ключ от житницы — Египта был в руках Ираклия, этим и был решен вопрос о византийском престоле, расшатанном длительным периодом обостренной классовой борьбы и внешнеполитическими затруднениями.

Как ни лаконичны сведения источников, но этот момент следует считать важнейшим: он решил судьбу византийского престола.

С Ираклия начинается новый период в истории Византии, самый аспект которой меняется. Все отчетливее становятся новые черты, которые делают империю государством феодального типа.

Законодательство фиксирует эти черты значительно позднее, но углубление и обострение феодализирующих процессов, несомненно, относится ко времени Ираклия. Не следует, однако, переоценивать этих фактов, как это делает К. Н. Успенский; нельзя согласиться с тем, „что во всех своих частях империя VI—VII вв. оказывается нецелостной".[2] Какой-то основной стержень в империи был, ей пришлось многое уступить, но под ударами славян и персов, а затем арабов она устояла, сохранив то, что было ее ядром.

Действительное феодальное дробление и другие признаки этих новых общественных отношений проявились гораздо позднее. Но перелом, более интенсивный рост типичных для феодализма явлений могут быть отмечены уже в этот период. Вполне понятно, что в законодательстве они могли получить и получили отражение лишь столетием позднее.

---

[1] Novellae, ed. Schoell, Berolini, 1904, pp. 780—795.

[2] К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии, т. I, М., 1917, стр. 143.

ЗАВОЕВАНИЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ОБЛАСТЕЙ ПЕРСАМИ

Вопреки всем услугам, оказанным Византией, а может быть, именно поэтому, правительство Хосроя II еще при Маврикии пыталось прервать мирные отношения с Византией и занять враждебную по отношению к ней позицию.[1] Иран, несомненно, был осведомлен о сложных внутренних делах в Византии и имел намерение использовать эти затруднения в своих интересах. Константинополь постарался выйти из этого положения дипломатически и сохранить мир.

Воцарение Фоки было только поводом, которого ждали в Ктесифоне, чтобы предпринять решительные шаги. Военные действия начались примерно через полтора года после воцарения Фоки (ноябрь 602 г.), когда внутренняя борьба в империи приняла ожесточенный характер. В столице волновались демы, в Сирии религиозная и этническая вражда приняла угрожающий характер, в Александрии происходили уличные стычки. В Эдессе, у самой персидской границы, поднял восстание один из наиболее талантливых военачальников Нерсес и, сообщив об этом Хосрою, вызывал его оказать поддержку.[2]

Фока приказал Герману, военачальнику, осадить Эдессу. Ввиду опасности положения Доменциол был сделан магистром; очевидно получил звание magister militum. Это был двоюродный брат Фоки. Приск, его зять, был назначен комитом экскубиторов. Количество наступавших иранских войск было огромно и соответственное донесение Германа побудило Фоку перевести византийские войска из Европы в Азию,

---

[1] Theophanes, p. 290.

[2] Ibid., p. 291, (ἀθροῖσαι δυνάμεις).

спешно заключив мир с аварами.[1] Нерсес, видя тяжелое положение Эдессы, бежал в Иераполь.

Восточная традиция, представленная Михаилом Сирийцем, сообщает интересные подробности относительно того, как было принято в Персии известие о смерти Маврикия и решение двинуться на Византию.

„Когда царь персидский Хосрой услыхал, что убит Маврикий и его сыновья ромеями, он был охвачен великой скорбью". При сасанидском дворе был объявлен официально придворный траур. Не только сам Хосрой был одет „в черное", но он приказал и „всем своим знатным надеть черное" платье. В течение многих дней продолжался этот траур с соответственным „плачем". В это время Хосроем и было принято решение завоевать Византию. Для выполнения этого замысла он „вместо сетований, рассказал персидскому народу о благодеяниях, которые совершил Маврикий ему, Хосрою, и всему персидскому государству".[2]

Эта часть сообщения, следовательно, относилась к высшим землевладельческим слоям и жречеству. Замысел Хосроя должен был пройти еще некоторые этапы. Им был собран „совет", т. е. тот совещательный орган, который в известной степени можно сравнить с сенатом. Созвал шаханшах совет, „задумав овладеть всем ромейским царством", и развивал перед присутствующими свою мысль, что „нам следует рассчитаться с теми, кто поднялся на царя".

Выдвинутый предлог — убийство Маврикия — продолжает фигурировать и далее, но для искушенных в дипломатии государственных мужей была очевидна как подоплека этого намерения, так и выгоды, которые оно могло принести.

Наконец, Хосрой собрал все войска и обратился к ним с речью: „О, знатные и военачальники моего царства. Кто из вас готов выполнить мою волю и осуществить мое намерение отмстить в ромейском государстве?" Хотя собраны были все войска, но самое обращение Хосроя указывает на то, что обсуждалась предстоящая кампания с главными военачальниками и знатью. Храбрый и имевший большой военный опыт Ромизан (Росмиозан, Ρουσμίαξαν), который носил

[1] Theophanes, p. 292.
[2] Michel le Syrien. Chronique, texte, p. 389.

и звание феруханa[1] встал посредине, сложил руки и сказал царю: „Я готов выполнить твою волю и нападу на ромеев, и не буду иметь сожаления ни к старым, ни к малым". Обрадованный Хосрой тут же дал ему новое звание: „Отныне ты не будешь называться Ромизан, но Шахрбараз".[2] Михаил Сириец дает перевод этого титула — „дикий вепрь", но более правилен другой перевод — „вепрь государства", предложенный Нельдеке и поддержанный Христенсеном.[3] После того как Росмиозан (феруханн) подготовил многочисленные войска, они вторглись с Хосроем в ромейские пределы. Ближайшей целью была пограничная крепость Дара.

Решительная битва произошла у Арзамона, крепости неоднократно упоминавшейся выше. Крепость подвергли осаде. С помощью слонов на поле битвы была одержана персами блестящая победа над ромеями, которые сражались под началом евнуха Леонтия, после чего Хосрой двинулся обратно, оставив войска в Зонгое.[4] Разгневанный Фока сместил Леонтия, заковав его в цепи, а Доменциола, сделав его куропаратом, поставил стратегом.

Хронология Феофана запутана, так как правлению Фоки отведено лишь 7 лет. Ко 2-му году правления Фоки относится это нападение Хосроя, упоминается и Дара, но взятие ее персами Феофан приурочивает лишь к 6098 г., т. е. к 4-му году царствования Фоки[5] (со времени переворота в ноябре 602 г., по принятому счислению 606 г., так как 1-й год его правления считается 603 г.).

Между тем Михаил Сириец относит взятие Дары к 915 г. селевкидского счисления и ко 2-му году правления Фоки, т. е. к 604 г. н. э.,[6] дате, которой и следует отдать предпочтение. Известны и некоторые другие подробности относительно этого персидского похода.

Стремясь обеспечить видимость права, Хосрой имел под-

[1] Nöldeke. Von Guidi herausgegebene Chronik, p. 24, nota 4.— Tabari, Nöldeke, p. 290. — Christensen. L'Iran, p. 442.
[2] Michel le Syrien. Texte, p. 390.
[3] Tabari, Nöldeke, p. 292. — Christensen, L'Iran, p. 443.
[4] Theophanes, p. 292.
[5] Ibid., p. 293.
[6] Chabot. Tableaux chronologiques. 915=604=14 г. Хосроя, — Michel le Syrien, t. II, f. 3, p. 535.

ставное лицо, которое выдавал за сына Маврикия, Феодосия. Анонимная сирийская хроника принимает это лицо за византийского царевича. „Хосрой дал ему войско“ после того, как была проделана церемония венчания на царство. По приказу Хосроя положили царскую корону „на жертвенник“ и затем возложили ее на голову „по ромейскому обычаю“. Наиболее вероятно, что Феодосий был сфабрикован с помощью Нерсеса, который направил некоего молодого человека Хосрою. Тот возил его с собой, распорядившись оказывать ему царские почести.[1]

„Хосрой пошел на ромеев, но и Фока послал большие войска, которые расположились в Бет-Ваши, подле города Дары. Они вступили в бой с Феодосием и победили его войска. Он послал к Хосрою (сказать), что „нет у меня войска, чтобы устоять перед ромеями“, и зимою выступил Хосрой из Махозе с большим войском и отправился в ромейскую землю“.[2] В первом столкновении с византийскими войсками Хосрой также не имел успеха; ему самому набросили аркан на шею, но один из его силачей, Мушкан, разрубил его. „Но через день произошла битва, и ромеи были побиты персами“. Решающим моментом было взятие Дары. Хосрой ее осадил и построил вал в противовес крепостной стене. Кроме того, были подведены окопы под стену, ее подожгли и сделали в ней пробоины. Шах и его войска „кровь лили там, как воду“. Епископ Дары покончил с собой, испугавшись угрозы Хосроя умертвить его „сорока смертями“, т. е. жестокими пытками.

Дара пала в 14-й год царствования Хосроя, т. е. в 604 г.; дата, подтвержденная и анонимом.[3] В этом же году персы проникли в Тур-Абдин и в течение двух лет держали в осаде Хесна де Кефа (название, означающее „крепость из камня“).[4]

В Сиарзуре, занятом персами, началось восстание населения, которое было возглавлено епископом Нафанаилом. Возмущение было вызвано разрушением церквей в городе, откуда жители прогнали персидского начальника (radh). Хосрой

[1] Sebèos, p. 57.
[2] Н. В. Пигулевская. Анонимная хроника, стр. 66—67.
[3] Там же, стр. 67.
[4] Michel le Syrien. Texte, p. 390.

велел схватить Нафанаила, епископа Сиарзура, продержал его шесть лет в заключении и затем велел распять.

Хесна де Кефа была захвачена персами через 2 года, следовательно, в 917 г. селевкидской эры, т. е. в 606 г. н. э. Когда „отдали Хесну в руки персов“, об этом узнали и в расположенной высоко в горах крепости Марде;[1] испуганные этим известием византийские войска покинули крепость и бежали. Но Марде нашла неожиданных защитников: туда собрались монахи, которые решили вступить в борьбу с персами. Все эти монахи были священниками, поэтому они „послали к Василию, епископу Кефартута, спросить, дозволено ли им убивать персов“.[2]

Через год, в 918 г. селевкидской эры, в 607 г. н. э., „была отдана возвышенная крепость Марде в руки персов“. В том же году ими была одержана еще одна победа: был захвачен город Амид.[3] Центр области вторично оказался в руках персов; в первый раз он был взят столетием раньше, в 502 г., дедом Хосроя I, Кавадом. Одновременно с Марде и Амидом были взяты и другие большие города в областях до Евфрата, Майферкат и Эдесса.[4] Так была захвачена вся Месопотамия.[5]

Зима этого года была исключительно суровой, „Евфрат и другие реки замерзли, выпало много снега, были сильные морозы“. Это стихийное бедствие отразилось и на урожае погибли злаки и плодовые деревья.[6]

После захвата областей, лежащих до Евфрата, персы переправились через него и двинулись в Сирию. Феофан говорит, что „в то время персы перешли Евфрат, полонили всю Сирию, Палестину и Финикию“.[7] Они „устроили мосты через Евфрат и перешли его против Маббуга“.[8] Операции в Междуречье были закончены в 7-м году правления Фоки, т. е. в 609 г. н. э. Движение за Евфрат относится к 921 г. селевкидской эры, т. е. к 610 г., когда „выступили персы на запад от Евфрата

[1] Simocatta, 5, 3, p. 192.
[2] Michel le Syrien. Texte, p. 390.
[3] Ibid, p. 391.
[4] Анонимная хроника, стр. 69. — Chronicon paschale, p. 699.
[5] Theophanes, p. 293.
[6] Michel le Syrien. Texte, p. 391.
[7] Theophanes, p. 295.
[8] Анонимная хроника, стр. 69.

и взяли Маббуг, Киннешрин, Берою (Алеппо) и Антиохию". Относительно взятия Антиохии ниже даны более подробные сведения и датируются они 611 г. н. э., первые же три города были захвачены в предшествующий год, еще при Фоке.

Хосроем на запад были направлены два полководца одновременно.[2] Один из них был Росмиозан, именовавшийся Шахрбараз; другой был военачальник, носивший звание хардарига.[3] Шахрбараз был направлен в Сирию и Палестину. Полководец со званием хардарига производил со своим войском набеги на Армению, Каппадокию, сразился с византийским войском, взял Галатию и Пафлагонию и дошел до Халкедона.[4] Наиболее вероятно, что это был Шахин, который считался падгоспаном запада.[5] Хронологические данные относительно завоевания персами Малой Азии сбивчивы. Точных указаний нет ни у Михаила Сирийца, ни в хронографе Феофана, где, кроме обычной хронологической ошибки на протяжении ряда лет, царствование Фоки исчисляется на год меньше — не в 8 лет, а в 7 лет.

Михаил Сириец перечисляет завоеванные персами области в следующем порядке: „Персы покорили всю Сирию, Финикию, Армению, Каппадокию и Палестину. Они взяли Галатию, Пафлагонию и [дошли] до Халкедона".[6] Сообщает он это вслед за смещением Фоки и воцарением Ираклия с датой 922 г. селевкидов, а после этого перечисления говорит о междоусобицах в Византии и особенно в Антиохии. Последняя была, следовательно, еще под властью Константинополя, взятие ее персами было осуществлено лишь в 611 г. н. э. В заключение сообщения о завоеваниях персов в Малой Азии Михаил Сириец говорит, что в этом году были сильные морозы, „так что замерзло побережье моря".[7] У Феофана, под 610 г., сообщается о завоеваниях в Малой Азии, как это было выше указано. Под 610 г., который он считает последним годом царствования Фоки, он тоже сообщает о сильных морозах, во время которых море замерзло, и рыбы в нем погибли.[1] Сопоставив эти данные двух летописцев, можно с точностью указать время персидских завоеваний в Малой Азии: 610 г. и может быть, начало 611 г. В Константинополе пытались организовать сопротивление, но безуспешно, и войска Хосроя смогли достигнуть Халкедона.[2] Такая датировка представляется тем более правильной, что, несмотря на хронологический разнобой, сравнение данных Феофана и Михаила Сирийца приводит к выводу, что последовательность завоеваний у них одна и та же и, быть может, почерпнута из общего источника, но приурочены завоевания к разным годам, в зависимости от особенностей принятой ими, часто сбивчивой, хронологии. Феофан придерживается годов „от сотворения мира", упоминая в заголовках начало правления новых государей, в данном случае Ираклия, под 6102 г.[3] Михаил Сириец следует селевкидской эре, но одновременно сообщает и годы правления византийских и иранских царей. Неправильности его данных, в известной степени, исправлены в таблице, приложенной к изданию Шабо.

В начале VII в. походы персов носили иной характер, чем в предшествующее время. При Каваде I и Хосрое I все было рассчитано на то, чтобы быстрым движением ошеломить врага, ворваться, захватить и опустошить большой город. Теперь тактика „набега" была оставлена и уступила место задаче постепенного захвата областей и их присоединения к Ирану. Попрежнему главное внимание завоевателей обращено на большие, богатые городские центры, которые, захватив, они грабят и вывозят награбленное в тыл, в собственно персидские земли. Но в начале VII в. следует отметить тот факт, что персы, захватив область, уже ее не покидают; их походы теряют свой случайный характер, свою поспешность, они становятся систематическими. Уже современная Хосрою II Парвезу традиция, сохраненная у Михаила Сирийца, приписывает ему замысел овладеть византийскими землями. В соответствии с поставленной целью — захват и присоединение новых областей — меняются и стратегические приемы. Завоевание ведется планомерно, в некоторых направлениях. При Хосрое I была захвачена

---

[1] Michel le Syrien. Texte, p. 391.
[2] Анонимная хроника, стр. 69.
[3] Teophanes, p. 292. — Simocatta, 1, 9_5—$_6$, p. 56.
[4] Teophanes, p. 295.
[5] Tabari, Nöldeke, p. 291. — Christensen. L'Iran, p. 443.
[6] Michel le Syrien. Texte, pp. 391—392.
[7] Ibid., p. 392.

[1] Theophanes, p. 297.
[2] Bury. The history of the later Roman Empire, t. II, p. 216.
[3] Theophanes, p. 298.

и подверглась жестокому ограблению Антиохия, но вслед затем персидские войска ее покинули.

При Хосрое II персы вывезли с захваченной территории, например из Иерусалима, огромные богатства, но они не оставили город. Захватив какой-нибудь центр, они его сохраняют за собой. Их военные действия приобретают характер завоеваний и теряют аспект мимолетных грабительских походов. Не все их завоевания оказались одинаково прочными, но правительство Хосроя II ставило и пыталось разрешить новые задачи — захват западных областей. Источники приписывают инициативу самому шаху, для которого, впрочем, пребывание в византийских пределах не могло пройти бесследно.

Смелости у Хосроя Парвеза не было, но он был ловок, лукав, вероломен, прошел превосходную дипломатическую школу и умел выходить из трудного положения.

С переворотом Ираклия казалось, что Иран остановит свое поступательное движение на запад. Но Хосрой не принял мирных предложений Ираклия, хотя тот тотчас по вступлении на престол направил послов, которые от его имени должны были передать, что: „так как Фока убил Маврикия царя, твоего друга, я убил Фоку". Ираклий „подобной лестью" надеялся достигнуть примирения. Но Хосрой не придал значения этой мотивировке, „он не только не заключил перемирия с ромеями, но отобрал от них и другие области".[1]

В мае 611 г. персидские войска вновь двинулись в Сирию и завладели Антиохией. Затем от Антиохии двинулись к Апамее, захватили и ее, а затем Эмесу (Hims), расположенную поблизости. Начатая в мае кампания закончилась в октябре (тешрин первый) того же 611 г.[2]

Следующее решительное столкновение с византийскими войсками произошло на реке Халисе. Персы обратили их в бегство, и множество из них погибло, утонув в реке.[3]

Во 2-м году царствования Ираклия и 22-м году Хосроя, т. е. в 612 г., „военачальник персидский Бахрам" овладел Кесарией Каппадокийской, где перебил множество народа и взял

---

[1] Michel le Syrien. Texte, p. 403.—Agapius de Menbidj, p. 450.

[2] Agapius de Menbidj, p. 450.—Theophanes, p. 299; у последнего следует читать Ἔμεσαν.

[3] Agapius, p. 450.—Michel le Syrien. Texte, p. 403.

большое число пленных.[1] Кроме того, персы разоряли селения и города Азии, так что положение империи было близко к отчаянному, а главное — персы продолжали наступать. В Малой Азии они дважды достигали Халкедона;[2] продолжались их завоевания и в присреднеземноморских областях — Сирии и Палестине. Здесь действовал Шахрбараз, который овладел Дамаском.

Ираклий вновь отправил к Хосрою послов, желая заключить мир, и вновь его просьба была отвергнута.[3] А Шахрбараз двинулся вслед за тем в Галилею, овладел ею, взял область по Иордану и осадил Иерусалим „15 апреля 2-го индикта, на 4-м году царствования Ираклия".[4] Дата взятия Иерусалима — 614 г. — устанавливается на основании замечательного памятника сказания Антиоха Стратига, открытого Н. Я. Марром. Михаил Сириец и Агапий Мембиджский считают 614-й год 5-м годом правления Ираклия. В „Пленении Иерусалима" очень живо передана картина нападения персов. Когда отряды их приблизились к городу, они попытались овладеть им мирным путем и сговориться с жителями города относительно его сдачи. Патриарх иерусалимский Захария „захотел заключить мир с врагами", т. е. считал необходимым пойти на эти переговоры, так как видел, что защита невозможна, и надеялся этим путем уменьшить число жертв. Но ему не дали осуществить это намерение и „принудили отказаться" от него. Тогда Захарий, готовясь к сопротивлению, послал в Иерихон одного монаха, авву Модеста, поручив ему „собрать людей из греческого войска, бывшего в Иерихоне, чтобы помочь им (жителям Иерусалима) в их борьбе".

Авва Модест уговорил ромейские войска выступить на помощь Иерусалиму, но, когда они подошли к городу и увидели „многочисленность персидского войска, расположенного лагерем вокруг Иерусалима, [греки] все разом бежали, обращен-

---

[1] Michel le Syrien, p. 403.—Agapius, p. 450—Theophanes, p. 299.

[2] Nicephori, archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica. Ed. De Boor, Lipsiae, 1880, p. 9.—Theophanes, p. 301.

[3] Theophanes, p. 301.—Michel le Syrien. Texte, p. 403.

[4] Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г. Изд. Марра, стр. 15.

ные в бегство персами". После этого войска Шахрбараза начали решительные действия.

Персы осаждали город 20 дней, на 21-й день они разрушили баллистами городскую стену и вступили в него. „Люди, защищавшие городские стены, бежали и прятались в пещерах, ямах и цистернах, чтобы спастись; народ во множестве устремлялся в церкви и алтари, и там их истребляли ..." [1]

Началось ужаснейшее опустошение города; персы убивали молодых и старых, женщин и мущин, „младенцев убивали ударами о земь". „Реки крови текли посреди города". Жестокость, с которой осуществлялись убийства, была беспримерной: „истребляли всякий возраст, резали, как овец, некоторых крошили, как траву", и, по образному выражению летописца, „даже небесный Иерусалим плакал о земном Иерусалиме". [2] Количество жертв было подсчитано. Число их различно в разных вариантах версий „Пленения" — от 62 000 до 67 000 человек.[3] Из этого памятника указание на количество жертв попало и в другие источники. Так, Михаил Сириец упоминает 90 тысяч человек. [4]

Оставшихся в живых персы вывели из города и погнали как обращенных в рабство в Иран. Город же был подожжен, „пламя, точно из печи, достигало облаков, и так сгорал Иерусалим".[5] Автор „Пленения Иерусалима" Антиох Стратиг сам был в числе лиц, уведенных в плен из Иерусалима, поэтому он в первом лице рассказывает, „как произошло наше вступление в Персию", когда „перед вступлением в Вавилон" им было предложено отказаться от христианства под угрозой смерти. „Когда мы вошли в город, нас погнали, как убойных овец, и, введя во дворец, поставили перед царем", который „начал хвастаться и хвалиться".[6] Вместе с жителями Иерусалима было увезено и древо креста, которое было возвращено императору Ираклию в 17-м году, „после пленения Иерусалима" и Ираклий его „водрузил опять на своем же месте".[7]

[1] Антиох Стратиг, стр. 9, 11, 15.
[2] Там же, стр. 17, 16.
[3] Там же, стр. 32.
[4] Michel le Syrien. Texte, p. 404.
[5] Антиох Стратиг, стр. 26.
[6] Там же, стр. 43, 49.
[7] Там же, стр. 65.

Жестокое истребление и увод в плен в качестве рабов населения городов и сел — типичное явление, о котором говорят все источники этого времени. О пленении и разорении византийских областей персами говорит Феофан, сообщая о Месопотамии и Сирии — ἀιχμαλωσίαν πολλὴν ποιήσαντες, ἧς οὐκ ἔστιν ἀριθμός. Он повторяет это относительно Палестины и Финикии, что персы ἠχμαλώτευσαν πολλὴν ἅλωσιν ἐν τοῖς Ῥωμαίοις ποιήσαντες".[1] Михаил Сириец сообщает об этом в следующих словах: „Так, персы захватили ромейские области Месопотамии, Сирии, Киликии, Палестины, Египта и всего побережья, ограбили и полонили бесчисленное количество народа. Они перевезли в персидскую землю рабов, всякого рода имущество, даже колонны из мрамора и великое множество плит (tablite, ܛܒܠܝܬܐ), доставили в Персию из Романии (Малой Азии. — Chabot), Сирии и прочих западных областей".[2] Таким образом, непосредственное обогащение Ирана происходило за счет завоеванных областей, а рабы — военнопленные составляли даровую рабочую силу, которая широко использовалась.

Несколькими годами позднее, в 35-м г. своего царствования, Хосрой отдал распоряжение перевести всех жителей Эдессы в Иран. Но поставленный им правитель Эдессы пожалел народ и не счел нужным выполнить этот приказ и только однажды послал в Иран группу людей. В дальнейшем завоевания Ираклия заставили Хосроя позабыть приказ относительно Эдессы, и он так и не был осуществлен.[3] Наряду с фактами опустошения, ограбления и переселения жителей завоеванных персами византийских областей, в источниках есть указание на то, что в начале своих завоеваний персы относились к мирному населению благожелательно. При завоевании областей Междуречья персы „совершенно никому не вредили, кроме ромеев [византийского войска], которых повсюду, где находили, убивали".[4] Имеется указание на соответствующее распоряжение Хосроя Росмиозану (Хореаму) принимать благожелательно всех, кто будет подчиняться, и уничтожать тех, кто окажет сопротивление. Благодаря этому городские центры

[1] Theophanes, pp. 293, 295.
[2] Michel le Syrien. Texte, p. 404. — Agapius de Menbidj, p. 458.
[3] Agapius de Menbidj, pp. 460—461.
[4] Michel le Syrien. Texte, p. 390.

Месопотамии, Эдесса, Амид, Телла и Решайна подчинились и находились „в мире и процветании“.[1] Замечательны сведения о религиозной политике персов. Так, населению Эдессы было предложено исповедовать или монофизитство или несторианство, но никак не „халкедонскую веру“, так как это вера императора Ираклия и ромеев. Эдесситам ставили в упрек то, что они письменно сносились с Ираклием и посылали ему всякие сведения.[2] Большинство христианского населения на востоке, как известно, были несторианами или яковитами, и покончить с халкедонским вероисповеданием не представляло затруднений. Старые вероисповедные различия были в полной силе. Население Эдессы склонилось к яковитам.[3]

Успехи персидского оружия были, несомненно, связаны с общим недовольством населения восточных провинций византийским правительством. Это недовольство заставляло относиться к персам положительно. Недовольство вызвано было целым рядом обстоятельств. Трения между отдельными этническими группами населения, религиозные и вероисповедные коллизии общеизвестны. Еврейское население крупных городских центров Сирии, Палестины и Египта, какими были Иерусалим, Антиохия, Апамея, Александрия, неоднократно приходило в волнение. Евреи были участниками борьбы демов, действуя под влиянием сложных причин. Увеличение налогов, которыми обложил городское население этих городов Фока, сыграло свою роль в их недовольстве. Преследование монофизитов ожесточало широкие христианские слои, которые поэтому не решались оказывать сопротивление персам, более терпимым к вопросам религии, так как принципом их религиозной политики был status quo.[4] И Иерусалимский патриарх Захария выражал мнение большинства, когда желал вступить с персами в мирные переговоры, считаясь с полной неспособностью византийских армий к защите городов и областей. Вся острота борьбы, вызванной социальными, этническими и религиозными противоречиями, в полной мере сказалась

[1] Sebèos, p. 62.
[2] Agapius de Menbidj, pp. 458—459.
[3] Ibid., p. 460.
[4] Pernice. L'imperatore Eraclio. Firenze, 1905, pp. 59—61.

и в Египте, который, в свою очередь, был покорен персами без особенно длительного сопротивления.

После того как войска Хосроя утвердились на Сиро-финикийском побережье, был сделан дальнейший шаг к захвату богатейшей хлебной провинции Византии — Египта.

Завоевание африканских областей всеми источниками согласно относится к следующему за взятием Иерусалима году. Это, следовательно, 615 г. н. э. Относительно того, кто из полководцев возглавлял эту кампанию, источники расходятся. Табари приписывает захват Египта с Александрией и Нубии падгоспану запада — Шахину.[1] Эта традиция поддерживается и византийской историографией в лице Никифора, патриарха константинопольского, который имя Шахина передает как Σάϊτος.[2]

Из Египта Шахин затем переходит в Малую Азию, где достигает Халкедона.[3] Между тем Михаил Сириец завоевателем Египта считает Шахрбараза, который „двинулся на Египет и покорил его“, захватил Александрию или, как он образно выражается, „открыл“ или „отпер“ Александрию и „многих в ней перебил“ и, наконец, „подчинил персам Ливию до границ кушитов“. Что касается Шахина, то ему приписывается поход против Халкедона, который он покорил, а население перебил жестокими способами. Со стороны Византии он особого сопротивления не встретил и „мирно возвратился“.[4] В следующем году после взятия Иерусалима и Феофан сообщает о том, что „в этом году взяли персы весь Египет, Александрию, Ливию до Эфиопии“. Они взяли множество добычи и пленных. В том же году их завоевания простерлись до Халкедона, который они не были в силах взять, но подвергли его осаде.[5] И в этом случае обращает на себя внимание общая последовательность, общая традиция источников, в которой, однако, Феофан не называет персидских полководцев по именам.

Персидские войска осаждали Александрию, но не могли

[1] Tabari, Nöldeke, p. 291.
[2] Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani. Opuscula historica. Ed. de Boor, Lipsiae, 1880, p. 9.
[3] Ibid., pp. 9, 11.
[4] Michel le Syrien. Texte, p. 404.
[5] Theophanes, p. 301. — Bury. History, v. II, p. 216.

добиться успеха. Захватили они этот богатейший и красивейший город хитростью. Было заготовлено много малых лодок, в которые сели персидские воины и „поутру, в темноте, смешались с галерами рыбаков и с рыбаками вошли в город... Они убили охранявшего ворота, открыли их своим товарищам и возвестили победу Хосроя со стены, и страх объял всех людей". Город оказался в руках персов. Количество добычи, доставшейся персам, было значительно увеличено случайным обстоятельством... „ветер подхватил и пригнал к лагерю персов множество кораблей, в которых были сложены сокровища церкви и богатых людей, чтобы увезти их морем". Таким образом шаханшаху мог быть послан целый караван несметных сокровищ „вместе с ключами города". Желая снискать благоволение Хосроя, Яздин, ведавший финансами персидского государства, приказал отлить из золота ключи от Александрии и послал их ему в таком виде.[1]

Если верить Анонимной хронике, то советом как взять Александрию персы были обязаны Петру из Бет Катарайе, сирийцу, роль которого не совсем ясна и в известной степени делает вероятным предположение относительно предательства столицы Египта.[2] Около 10 лет Египет находился под властью персов. Выдающийся знаток греческого и коптского языков, советский ученый, проф. П. В. Ернштедт нашел документ, написанный на папирусе на коптском языке, дата которого относится к 619 г.; содержание этого папируса не вызывает сомнения в том, что он написан в то время, когда хозяевами Египта были персы.[3]

В год хиджры и 12-й год царствования Ираклия (622) все еще продолжалось поступательное движение персов, была захвачена Анкира в Малой Азии и был взят остров Родос.

Таким образом сасанидский Иран достиг предельного распространения. „К тому времени" персы „захватили все ромейские земли, находившиеся на восток от побережья Понта".[4] Египет перестал снабжать столицу Византии хлебом, это стало преимуществом персидского государства. Хосрой II с торжеством дождался момента, когда гордая Византия,

[1] Н. Пигулевская. Анонимная хроника, стр. 70; ср.: Tabari, p. 291.
[2] Н. Пигулевская. Анонимная хроника, стр. 70.
[3] A. Butler. The arab conquest of Egypt, Oxford, 1902, pp. 72, 80.
[4] Michel le Syrien. Texte, p. 404.

поверженная в прах, вновь обратилась с посольством, прося о мире. Шаханшах ответил отказом, насмешливо предложив, чтобы ромеи обратились к поклонению огню.[1]

Положение империи было отчаянным: огромные пространства земли были захвачены персами, византийские войска перебиты, население уведено в плен, имущество похищено, и враги теснили Ираклия у самой столицы. В хронику Табари, представляющую преимущественно пехлевийские традиции, был вплетен какой-то христианский источник. Из него арабский историк почерпнул рассказ о вещем сне, приснившемся в этот отчаянный момент Ираклию. Ему был будто бы отдан во власть толстый, роскошно одетый человек, сидевший на высоком троне — так изображался Хосрой.[2] Только после этого троекратного сна Ираклий решается на поход в Иран.

Такими легендами овеяна история последней, победоносной войны Византии против Ирана.

---

[1] Theophanes, p. 301.
[2] Tabari, Nöldeke, pp. 293—294.

ИРАН ПРИ ХОСРОЕ II

СОСЛОВНОЕ ДЕЛЕНИЕ И СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИРАНЕ

Сословный строй и система государственного управления в Иране находились в тесной связи, причем нельзя не отметить неясностей, которые остаются при их изучении.

Сведения о сословном делении сасанидского государства недостаточны, во многом сбивчивы. Одним из главных источников для их выяснения является письмо Танзара — памятник, подвергавшийся дополнениям и поправкам и составленный по определенному заданию. Существенно и сообщение Симокатты, сделанное им с ссылкой на христианского клирика-перса, от которого он лично получил эти сведения — ἤκουσα τοῦ λέγοντες ἀνδρὸς Βαβιλονίου ἱερομνήμονος. Симокатта говорит о наследственности должностей и участии наиболее знатных персидских родов в управлении государством.[1] В то же время другие источники, содержащие сведения о сасанидском Иране, особенно сирийские и арабские хроники, говорят о том, что шаханшах сам назначал своих ближайших министров, правителей провинций, генералитет армии и ее военачальников. С моей точки зрения, это противоречие не было изжито на протяжении всей истории сасанидов и не раз приводило к острым конфликтам. Претензии родовой знати и жречества привели не к одной кровавой развязке. И после маздакитского движения и властного царствования Хосроя I этого рода тенденции дали себя знать при Хормизде IV, боровшемся с родовой знатью, претензии которой вели к нарушению его единодержавия. Именно знать, стремившаяся сохранить наследственные права на участие в государственной жизни, и мощное

[1] Simocatta, 3, 18, p. 147.

зороастрийское жречество заставили шаханшаха Кавада I искать опоры в маздакитах, руками которых он расправился со строптивой знатью.

В противоречивых сообщениях источников старая традиция представлена сообщениями о наследственности должностей, существование которой на исходе VI в. было лишь номинальным. Но традиция эта не только продолжала жить в представлении, хотя не имела уже государственного значения, но и поддерживалась такими тенденциозными памятниками, каким является „письмо Танзара". Не лишне прибавить, что самый текст „письма" представляет собою персидский перевод с арабской версии. Эта последняя была трудом Ибн ал-Мукаффы, который дал ее на основании еще существовавшего в IX в. подлинного пехлевийского текста.

Многократные переводы делают „письмо Танзара" в том виде, как оно дошло до наших дней, во многих отношениях не вполне надежным источником, но тенденция его очевидна.

Что касается хроник, то они отражают действительное положение вещей, порядок, который фактически имел место, когда шах назначал на ответственные должности желательных ему людей. Однако его действия должны были не раз встречать противоречия и неудовольствия со стороны знати и жречества, стремившихся к влиянию и власти.

Чрезвычайно характерен рассказ о Михр-Нарсе, сыне Бураза, везира Бахрама (V в.). У родовитого Михр-Нарсе было несколько сыновей, из которых старший занял видное положение в качестве жреца и законоведа. Второй занимал должность востриошансалара, т. е. ведал податью государства, а третий стал главой воинов, т. е. ведал военным управлением государства.[1] Рассказ этот, с одной стороны, позволяет делать выводы относительно тех возможностей, которыми располагал знатный род для своих сыновей, и того разнообразия должностей, которые могли быть ими заняты. С другой стороны, здесь уже в V в. не наблюдается чисто наследственной передачи определенной должности в данном роду. Стать военачальником или везиром можно было лишь при наличии каких-то дополнительных условий; надо было завоевать это

[1] Tabari, Nöldeke. pp. 110—111.

положение, которое, впрочем, было доступно лишь родовитым людям.

В сословном делении Ирана могут быть намечены несколько слоев. Наиболее высокое положение занимали шахрдары, цари, мелкие царьки, имевшие царское достоинство лица. На том основании, что они были объединены под властью династии сасанидов, эта последняя и сохраняла за своим представителем звание „царя царей".[1]

В IV, V вв. шахрдары занимали сравнительно самостоятельное положение, сами управляли своими областями и вели в бой свои войска. Под стенами Амида Амиан Марцеллин видел царя хионитов и царя албан, сопровождавших со своими армиями шаханшаха Шапура II.[2] При Хосрое II о таких союзных царях и царьках уже нет речи, но можно указать на лахмидов, арабских царьков, занимавших известное положение и в VI в.

Замечательно, что звание царя — шах — сохраняется за правителями провинций, которые с V в. носили звание марзбанов. Четыре великих марзбана носили титул шаха. Он сохранился в испорченном виде в звании наместников персидской Армении и Грузии — πιτιάξης, bidhakhsh.[3]

Следующий ранг после шахрдаров занимали васпухры или виспухры. В пехлевийских надписях их звание передается арамейской идеограммой bar baita, во множественном числе bni bete. К ним принадлежали древнейшие иранские роды, с наследственными правами которых приходилось считаться. О таких правах говорит свидетельство Симокатты с ссылкой на авторитет перса-христианина. У персов имеется 7 особенно чтимых родов, сообщили ему, причем наиболее высокое положение занимает род, имевший царское звание τὴν βασιλείαν κατέχειν..., т. е. принадлежавший к шахрдарам. В имени этого рода Нельдеке видел испорченное Ἀρταβίδης, Ἀργαβίδης, Argabadh, Hargabadh, слово, обозначавшее „начальника крепости" и в качестве высокого военного титула прилагавшееся

[1] Christensen. L'Iran sous les sassanides. Copenhague, 1936, pp. 95—97.

[2] Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, Л., 1941, стр. 35—37.

[3] Tabari, Nöldeke, p. 5 (1). — Christensen. L'Iran, pp. 96, 101—102.

Арташиру Папакану.[1] Чтение Ἀρτακίδην представлено Ватиканским списком Симокатты IX в., которое de Boor исправил по сопоставлению со следующими строками на Ἀρσακίδην.[2] Если принять его исправление, то право возлагать царскую диадему на голову царя принадлежало, как древняя привилегия, имевшему звание шахрдаров (ἡ βασιλεία) роду Арсакидов, имя которых несколькими строками ниже приведено у Симокатты безошибочно.

Если замечание Нельдеке, поддержанное Христенсеном, и правильно относительно существования высокого военного звания „начальника крепости", то такое родовое имя τὸν μὲν Ἀρταβίδην (Ἀρτακίδην) ἐπιλεγόμενον δῆμον неизвестно. Тогда как древний род Арсакидов, имевший царское звание, мог пользоваться такого рода привилегией. Следующие шесть родов, перечисленные Симокаттой, по наследству ведают отраслями государственного управления, расположенными по рангам. За ἡ πολεμικὴ συντάξις — управлением военными делами или военным порядком — следует ἡ πολιτικὴ φροντίς, т. е. управление государственными, гражданскими делами. Четвертый по рангу пост занимает ведающий судебными делами и тяжбами, пятый — ἡγεῖσθαι τῆς ἵππου — специально занят делами кавалерии, которая имела такое выдающееся значение в иранском войске. Шестая должность принадлежала к финансовому ведомству. Податное обложение подданных и царская сокровищница находились в ведении лица, возглавлявшего это ведомство. Наконец, в распоряжении седьмого рода находилось вооружение армии и ее снабжение.[3]

Эти шесть отраслей были в наследственном ведении родов, указывает Симокатта. До настоящего времени эти его указания принимались как отражающие современное автору начала VII в. положение и, следовательно, характеризующие сословный строй и государственное управление при последних сасанидах. Между тем, это не так. Это очевидно из того, что длинный период Симокатта начал словами: „и говорили", καί φασι..., с последующим перечислением приведенных выше

[1] Simocatta, 3, 18, p. 148; у Христенсена ошибочная ссылка на 8-й раздел 3-й книги.

[2] Ibid.

[3] Simocatta, 3, 18, p. 148.

обсуждении новой системы податного обложения выступил один из „писцов“ (dabher), принадлежавший, следовательно, к иранской бюрократии. Он указал на необходимость пересматривать кадастр, так как естественные условия могут меняться и тем самым должна будет изменяться и сумма податного обложения, следуемого с этого участка. Возмущенный возражением, Хосрой Анушерван спрашивает, к какому сословию он принадлежит, и, получив ответ: „я один из писцов“, велит избить его насмерть чернильницами.[1]

Этот анекдот характерен для общего положения; он дает известное представление о том, какое относительное значение имел совет. В параллель можно вспомнить, что в константинопольском сенате представителя недовольных войск, Фоку, один из сенаторов стал таскать за бороду. Анекдот с писцом не представляет поэтому ничего невероятного. Некоторые рукописи персидской версии Табари содержат, однако, дополнительное разъяснение будто Хосрой возражает писцу, говоря, что он уже объяснил, что кадастр будет ежегодно пересматриваться. Во всяком случае, в совете шаханшаха надо было выступать осторожно, чтобы не вызвать гнева властного царя. В совете участвовали, следовательно, кроме высших чинов (визургов и стоящих выше их рангами), и представители сословия писцов (dabheran). К последним принадлежали лица, занимавшие различные должности бюрократического управления, а также люди умственного труда: астрономы, математики, астрологи, поэты, писатели.

По преданию, при дворе Хосроя II было 360 „видящих“, hazi, خازی, т. е. ученых, именно: „ведунов, волшебников и звездочетов“. Среди них был и один араб, по имени Саиб, который разгадывал знаки, следуя арабской традиции, и редко ошибался. Он был из Иемена и был послан Хосрою II, назначенным им в Иемен правителем.[2]

К этим ученым шаханшах обращался за разрешением разных вопросов. Он совещался с ними по поводу бедствий, постигавших государство, по поводу того, благоприятно ли расположение светил для того или другого начинания.[3] Законо-

[1] Tabari, Nöldeke, p. 243.
[2] Tabari, Nöldeke, p. 304.
[2] Ibid., p. 305.

ведение преимущественно было в руках зороастрийского клира.[1]

Главной опорой сасанидского государства был многочисленный класс землевладельцев, азаты, свободные. Эксплоатация крестьянства осуществлялась преимущественно через них, и для государств они имели значение как связанные с податным обложением. Шаханшах Балаш (484) этому слою ставил в укор, что крестьяне, отягченные налогами, податями и повинностями, разоренные и голодные, покидали свои насиженные места.[2]

Азаты в качестве „благородных“ составляли и ядро иранского войска, его непобедимую конницу. Этот слой значительно выдвинулся и после маздакитского движения, так как мероприятия Хосроя I им благоприятствовали. Они должны были являться ко двору, получали денежные субсидии на военное вооружение и за ними были сохранены права родовитых.[3]

Перечисленные группы населения представляли верхние слои иранского общества. Сведения о податном населении городов и деревень чрезвычайно скудны. То, что было возможно сделать на основании анализа терминологии источников, представлено мною в предшествующем исследовании.[4] Более всего положение крестьянства выясняется на основании сведений о податном обложении, вопросу о котором ниже уделено место.

Система государственного управления сасанидского Ирана может быть намечена лишь в общих чертах. Арабские источники, из которых можно извлечь некоторое количество этих сведений, дают их обычно лишь в виде справок или ссылок, при сообщении о соответствующих учреждениях халифата

Верховным распорядителем судеб государства был сам шаханшах; его воля, его желание в конечном счете решали все вопросы. В отдельных случаях источники упоминают о везире шаха, главном правителе страны, но если таковая должность и существовала постоянно, то, во всяком случае, нет никаких оснований предполагать, что в руках этого первого

[1] Ibid., p. 110.
[2] Ibid., p. 134.
[3] Ibid., pp. 163—164.
[4] Н. В. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосроя I Вестник древней истории, 1937, I, стр. 143—153.

министра была та полнота власти, которую он получил впоследствии в халифате. Его званием было Buzurgframadhar.[1] Можно наметить ведомства и отрасли управления государства. Особенно большое значение имело управление финансами; источники сохранили персидское звание ведавшего им начальника податей — „востриошансалар“.[2] Так как главным источником государственных доходов была подать поземельная, то арабские источники переводят это звание как „начальник дивана хараджа“, или „начальник хараджа“ — sahibu divani haragihi (صاحب ديوان خراجه).[3] Тот факт, что именно востриошансалар представлял шаху роспись государственных доходов и расходов, говорит о том, что он выполнял функции управления финансами вообще.[4]

Путь, который должен был пройти царский приказ прежде чем стать документом или актом, говорит о существовании государственной канцелярии, архива, многочисленных печатей.

Распоряжение, которое шаханшах отдавал устно относительно какого-либо дела, записывалось в его присутствии царским секретарем, „начальником записей“ — صاحب التوقيع sahib at-taukia. В то же время слуга царя — خادم hadimun, положение которого соответствовало положению личного секретаря, записывал этот приказ в особую книгу записей. Эти памятные записи составлялись за каждый месяц لكل شهر lkulla šahari, царь накладывал на них свою печать и их хранили.

Запись, составленная царским секретарем — صاحب التوقيع, пересылалась к начальнику дворца — صاحب الزمام, который был и хранителем печати, так, его делом было наложение печати, — واليه الختم. Этот последний, в свою очередь, направлял ее к начальнику работ — صاحب العمل, вернее, начальнику канцелярии, который на основании записи изготовлял официальную бумагу от имени шаха. Документ этот составлялся подробно, детально وينسخ فى الاصل и затем вновь передавался „начальнику

[1] Tabari, Nöldeke, p. 111.
[2] Ibid., p. 110.
[3] al Beladzori. Liber expugnationis regionum. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Botavorum, 1866, p. 464. — al-Baladhuri. Kitab futuh al-buldan, transl. by Murgotten. The origins of the Islamic state. New York, 1924; Part II, p. 259.
[4] Ibid.

дворца“, который представлял его на утверждение шаханшаху, причем содержание его сверялось с тем, что было занесено в памятные записи царя, составленные хадимом (فيقابل به ما فى التذكرة); затем к документу прикладывали печать в присутствии самого шаха или кого-нибудь из доверенных лиц.[1]

Из приведенного сообщения видно, что имелась большая канцелярия, специальный архив записей, который позволял контролировать правильность издаваемых законов и распоряжений. Наконец, печать окончательно скрепляла и делала законным документ, выходивший из царской канцелярии, после того, как он проходил целый ряд инстанций.

О различных отраслях управления, которые существовали в сасанидском Иране, можно судить на основании различных печатей, которые предназначались для документов, исходивших из различных ведомств.

С ссылкой на Ибн ал-Мукаффу Бельазори сообщает, что у царя царей Персии была печать для тайных дел, т. е. дел тайной канцелярии, печать для посланий или писем. Существовала особая печать „закрепления“ или „утверждения“, которую прикладывали при дарениях вообще السجلّات и при дарственных на землю الاقطاعات „и для всего того, что подобно этому из книг достоинства“.[2] Иначе говоря, особой печатью шаханшаха пользовались для тех дел, которые были связаны со знатью. Благородные, именитые были записаны в особых книгах, которые были необходимы при ведении родословных. Дарения вообще и дарения земель были выражением благоволения царя. Носило ли это дарение земель характер условный, на основании термина ikta'tun اقطاعة pl. اقطاعات, сказать трудно, во всяком случае в арабском он утвердился как термин условного землевладения, с обязательством нести военную службу.[3] В связи с этим можно вспомнить о тех установлениях, которые вводил Хосрой I, создавая новую, служилую знать, которую он обязывал являться ко двору и нести военную службу. Тот же характер суверенитета шаханшаха можно найти в требовании, предъявляемом к знати и более высоких рангов—

[1] al Beladzori, p. 464.
[2] al Beladzori, p. 464.
[3] Kazimirsky. Dictionnaire arabe-français, II, p. 771.

являться ко двору.[1] Развитие феодальных отношений в халифате, несомненно, было связано с тем, что в Иране были в наличии известные формы условного землевладения и другие зачатки феодализма.

Финансовое управление имело и свою собственную печать— حَاتِم الخَرَاج, „печать хараджа", которую употребляли для соответствующих документов.

Начальник дворца (صاحِبُ الزِمَام) единственный ведал печатью тайной канцелярии и печатью для посланий и писем. Он был из числа приближенных шаху, благородных, знатных людей — rajulun min hasati al maliki (رَجُلٌ مِن خاصَّةِ المَلِكِ, „муж из приближенных царя").[2]

Если востриошансалар в качестве „начальника податей" ведал делами, связанными с земледелием вообще, то „начальник ремесленников" (hutukhshbadh) представлял всех лиц, занимавшихся физическим трудом: ремесленников, рабов, а также торговцев.[3] Все эти сословия представляли собою податное население. Следуемую с них подать они вносили как подушную или как налог с производимого товара и торговли.

Договор Юстиниана с Хосроем I в 562 г. восстанавливал прежние правила, в соответствии с которыми товары проходили таможню, чтобы пошлины с них поступали в казну. Другой пункт того же договора разрешает пользование казенными лошадьми и почтой, которая связывала, таким образом, отдаленные области государства.[4]

В списке наследственных должностей, который приводит Симокатта, три принадлежат к числу военных должностей. Для свидетельств и более позднего времени можно отметить наличие должностей по военному ведомству. Одним из наивысших званий было звание argabedh, о котором шла речь выше; „начальник крепостей" — звание, которое прилагалось царям. Artestaransalar — было также высоким званием, ниже которого было звание спахбеда[5] — военачальника. Eranspahbedh был главнокомандующим всеми армиями, должность которого была уничтожена Хосроем I и заменена четырьмя спахбедами, по числу стран света. При Хосрое II наступление на Византию велось под началом нескольких военачальников, лишь номинально возглавлявшихся шаханшахом.

[1] Lettre de Tansar, ed. Darmesteter, pp. 210, 513.
[2] al Beladzori, p. 464.
[3] Christensen. L'Iran, p. 117. — Tabari, Nöldeke, p. 502.
[4] Modi memorial volume. Bombay, 1930, p. 149.
[5] Tabari, Nöldeke, p. 111.

Но, кроме военачальников, были лица, которые специально занимались материальным снабжением армии. Пятый и седьмой род в списке Симокатты обязаны заботиться один о коннице, другой — о вооружении и снабжении войска.[1] При Хосрое I составление списков воинов и учет их вооружения были поручены писцу Пабаку, который происходил из благородной семьи, был мужественным и способным человеком.[2] Если освободить сообщения о нем от ленгендарного наслоения, то очевидно, что Пабак был специально поставлен для того, чтобы установить численность армий, с одной стороны, и степень ее вооруженности, с другой.

Таким образом, кроме военного, финансового, гражданского и судебного управления в сасанидском Иране были развитый центральный контрольный аппарат и специальная тайная канцелярия.

Управление провинций осуществлялось через марзбанов, сравнительно самостоятельных правителей, которые ведали всеми сторонами жизни провинций. В таких больших областях, как Армения, шаханшах ставил лиц высокого звания, наместников (πιτάξης, петиашх), в ряде случаев и из местной знати. Единоличная власть марзбана распространялась как на военное управление, так и на гражданские дела. Возможно, что эта форма провинциального управления послужила образцом для создания фемного устройства в Византии VII в.[3]

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ И ПОДАТЬ

Для суждения об общем экономическом состоянии сасанидского Ирана большой интерес представляют сведения о его государственном бюджете.

В 18-м году царствования Хосроя II (608 г. н. э.) был произведен подсчет денежных поступлений в казну за этот

[1] Simocatta, 3, 18, p. 148.
[2] Tabari, Nöldeke, p. 247.
[3] Stein. Ein Kapitel vom Persischen und vom Byzantinischen Staate. Byz.-neugr. Jahrbücher, 1920, B. I, p. 83.

год.[1] Не вся подать поступала в казну в деньгах. Известно, что часть поземельной подати отчислялась натурой и шла на содержание войска и двора. В виде денег вносилась подушная подать, которую выплачивали крестьяне и ремесленники, а также всякого рода налоги на ремесленную продукцию и торговлю.

В названном году звонкой монетой в казну поступило 420 миллионов миткалей по весу, что составляло 600 миллионов диргемов, исходя из расчета, что 10 диргемов составляли 7 миткалей. Все эти деньги были сосредоточены в специальном казнохранилище, выстроенном Хосроем в Ктесифоне.[2] Нельдеке дает подсчет этих данных в переводе на монетную систему середины XIX в. Диргем, как известно, был обычным названием серебряной монеты. Миткаль является мерой веса. Диргем сасанидов представляет собою серебряную монету ценой, примерно, в 70 пфеннигов, или в 86 сантимов, тогда как арабский диргем, содержащий меньшее количество чистого серебра, соответствует лишь 40 пфеннигам, или 50 сантимам. В зависимости от этого расчета годовой бюджет Хосроя II составлял 360 или 300 миллионов франков.[3]

В казначейство, по распоряжению Хосроя, были перенесены и мешки с монетами, выбитыми еще при его предках Перозе и Каваде, что составляло 12 000 мешков по 4000 миткалей, т. е. всего 48 миллионов миткалей. В числе старых монет названы только выбитые в V и в начале VI в. монеты; позднейшие, очевидно, имели хождение в государстве.

Ко всему этому в его сокровищнице хранилось бесчисленное количество драгоценностей и одежд.

Приведенные выше данные годового бюджета можно дополнить сведениями о денежных фондах Ирана, сумма которых особых сомнений не вызывает. Сведения, приведенные Табари, повторяются у Динавери, Фирдоуси и заставляют предполагать наличие общей традиции, относящейся еще ко времени сасанидов. Помещены они в длинной оправдательной речи Хосроя, которой он отвечает на укоры и обвинения своего сына Шерое, сменившего его на престоле.

[1] Tabari, Nöldeke, p. 354.
[2] Tabari, Nöldeke, p. 355.
[3] Ibid., p. 355 (1).

Хосрой не отрицает тяжести налогов, натуральных повинностей и денежных взносов, которыми было обложено население, но он оправдывает это тем, что единственным средством сохранить государство сильным, являются, по его мнению, деньги и войско, причем денег должно быть много.[1] Хосрой жаловался на то, что сокровищница иранских царей пострадала от расточительности Бахрама. Тем не менее, в 13-м году его царствования (603 г. н. э.) была произведена перечеканка монет по новому образцу. За вычетом тех сумм, которые были необходимы для содержания войск, звонкой монеты оказалось 200 000 мешков, весом 800 миллионов миткалей, следовательно, около 700 миллионов франков.[2]

Эта сумма составляла как бы денежный фонд государства, тогда как 300 миллионов франков в 18-м году царствования Хосроя представляют собою сумму поступлений в год, в которую входили и годовые расходы на содержание войск. Очень показательна другая цифра, относящаяся уже к 30-му году царствования Хосроя (620 г. н. э.), когда завоевания византийских областей сосредоточили в руках сасанидского владыки огромные богатства. Если доверять этим несколько округленным цифрам, казна к этому времени удвоилась, так как после перечеканки казнохранилища имели 400 000 мешков звонкой монеты, весом в 1600 миллионов миткалей, за вычетом средств на содержание войска.[3]

В указанную сумму не входило огромное количество всяких богатств, которые достались персам при взятии Александрии. „Добыча ветра“ досталась им благодаря тому, что во время осады египетской столицы драгоценности, золото, серебро и всякое имущество богачей, а также церквей и монастырей были погружены на корабли и лодки, чтобы их увезти. Но сильный ветер пригнал их к берегу, и персы немедленно овладели ими.[4] К последнему, 38-му году царствования, сокровищница иранских царей пополнилась в еще большей степени, но даже примерные суммы, ее составляющие, не указаны.

На основании другого источника, почерпнувшего свои

[1] Tabari, Nöldeke, pp. 374, 378.
[2] Ibid., p. 376 (2).
[3] Ibid., p. 377.
[4] Н. В. Пигулевская. Анонимная сирийская хроника, стр. 70.

сведения у Ибн ал-Мукаффы, писателя эпохи расцвета арабской мусульманской литературы, можно утверждать, что бюджет сасанидского государства ежегодно утверждался шаханшахом. Во главе фиска стоял صاحب ديوان خرج — начальник дивана хараджа, т. е. начальник ведомства податей или, как он назывался сокращенно, начальник хараджа — صاحب الخراج. Он представлял царю в письменном виде общую сумму, составлявшую поступления хараджа مَبْلَغَ ما اجْتَبِي مِن الخَرَاج, сумму, составлявшую расходы государства وما انْفَق فى وُجُوهِ النفقات, и, наконец, сумму, которая поступала в сокровищницу или казначейство ومَا حَصَلَ فِي بيتِ المال. Утвержденный шахом бюджет скреплялся печатью (فيضتمها).[1]

Поземельная подать — харадж — была главной статьей, пополнявшей бюджет государства. Имеются все основания предполагать, что в эту сумму включалась и подушная подать, о существовании которой также сохранились данные.

В военное время большое значение имела добыча, главная часть которой поступала в царскую казну. Примеров этому много. При Каваде I, когда был взят Амид, все его богатства были вывезены в столицу Ирана на лодках по Тигру.

При Хосрое I и сказочные сокровища Антиохии в главной своей части стали личным достоянием шаха. Завоевания Хосроя II обогатили его в совершенно исключительной мере, как на это указывают заслуживающие доверия цифры, приведенные выше.

Хотя военная добыча могла составить очень значительное пополнение казны, она была случайной, непостоянной статьей дохода. Главные расходы казны падали на содержание армии, поэтому их и вычитали при составлении государственного бюджета. Большая доля расходов падала также на содержание двора, роскошь которого была воистину сказочной, на содержание гарема и другие личные расходы шаха.

Основные доходы поступали в казну в качестве податей. Система взимания таковых известна на основании немногочисленных сведений арабских авторов. При Хосрое I была произведена реформа, носившая следы заимствования византийской податной системы. Письменным источником, который мог быть использован в Иране для ознакомления с этой системой, был „Сирийский законник" — широко распространенный законодательный сборник V в. В нем сохранились статьи о податном обложении, не дошедшие ни в одном из других законодательных сборников Византии. Система обложения, принятая в Иране при Хосрое I, просуществовала до завоевания арабов и была в значительной степени заимствована этими последними.

[1] al Beladzori, ed. de Goeje, p. 464.

„До реформы подать в Иране выплачивалась самым примитивным образом. Поземельная подать выплачивалась как часть урожая в размере $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$ и $^1/_6$, в зависимости от плодородности[1] данного округа. Что касается подушной подати, то она составляет некую денежную сумму. У Динавери размеры подати составляют от $^1/_2$ до $^1/_{10}$ урожая, причем принималась в расчет близость участка к городу".[2] До реформы Хосроя I поземельная подать взималась натурой как часть урожая. Замечательно, что этот способ взимания подати пережил эпоху сасанидов и сохранился в халифате. В конце VIII в. Абу Юсуф Якуб в книге о харадже „Китаб ал-харадж" подробно говорит о взимании подати, как определенной доли урожая. Такая форма у арабов была известна как харадж мукасама.[3]

Реформа, начатая еще Кавадом I и продолженная Хосроем I, в первую очередь опиралась на кадастр, который дал возможность изменить примитивную систему обложения. Относительно ее введения источники сообщают следующее.

„В конце царствования Кавад приказал произвести измерение земли, гор и долин с тем, чтобы определить размеры поземельной подати. До его смерти дело это не было закончено. Сын его Хосрой приказал довести эти измерения до конца, а также произвести подсчет оливковых и финиковых деревьев. Он велел также пересчитать «головы», т. е. людей, которые подлежали податному учету. Все данные устанав-

[1] Tabari, Nöldeke, p. 134.

[2] Н. В. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосроя Ануширвана. Вестник древней истории, I, М., 1937, стр. 146.

[3] Kremer. Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen I, p. 276—277. — А. Ю. Якубовский. Иран на грани VIII—IX вв. Труды I Сессии арабистов, Л., 1937, стр. 41.

ливались в зависимости от этих показателей. Эта сумма была постоянной, а вносить ее требовалось по частям три раза в год. Затем Хосрой I приказал созвать людей, а писцам, исчислявшим сумму подати, огласить ее. Кто именно был приглашен Хосроем, какие слои населения были представлены в этом собрании, — не сообщается, но едва ли можно предполагать участие кого-либо, кроме крупных и знатных землевладельцев, представителей среднего землевладения и государственных чиновников. В своем обращении к присутствующим Хосрой сказал, что исчисленная сумма взимается с обработанной земли, которая измерена в «гарибах», а также были учтены финиковые, масличные деревья и «головы». Подать должна выплачиваться трижды в год. Этим путем государственной казне будут даны средства, в которых она нуждается, и, в случае войны, не будет необходимости отягчать население новым обложением".[1]

Наиболее слабой стороной реформы был вопрос о пересмотре и перерасчете кадастра, в зависимости от изменений в естественных условиях — канал может пересохнуть, источник иссякнуть, а виноградник перестать давать плоды. Некоторые персидские рукописи Табари приводят, однако, слова шаха, что будто бы кадастр будет возобновляться и пересматриваться ежегодно. Затем Хосрой I избрал людей, которые должны были распределить сумму в зависимости от тех же показателей — характера насаждений, плодородности и плотности населения. Необходимо было окончательно установить и распределить сумму по округам и участкам. „Взималась поземельная подать со всякого рода насаждений — пшеницы, ячменя, риса, люцерны, фиников, оливок, винограда. В зависимости от того, чем был засеян участок, производилась и расценка: с гариба земли, засеянной злаками, взимался 1 дирхем, с гариба виноградника — 8 дирхемов, с гариба люцерны — 7 дирхемов и т. д.

Те деревья, которые не составляли групп, а росли в одиночку, и огородные овощи вовсе не облагались податью.

Население выплачивало также подушную подать, в зависимости от имущественного состояния, в размере 12, 8, 6

[1] Н. В. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосроя Анушервана. „Вестник древней истории", М., 1937, I, стр. 146.

или 4 дирхемов. Большинство выплачивало ее по последней, низшей расценке. Знатные, жрецы, государственные чиновники, писцы и войско подушной податью не облагались.

Таковы данные, которыми можно располагать на основании источников, из которых важнейшим является Табари. Их нельзя, однако, считать особенно точными и исчерпывающими, так как многих звеньев в этом изложении нехватает и детали отсутствуют.

Так, недостаточно ясно видно, что поземельная подать взималась не только деньгами, но и натурой, между тем, из арабских источников, которые считают, что система халифата была скопирована с сасанидской податной системы, совершенно очевидно, что поземельная подать вносилась и натурой и деньгами. В самом рассказе Табари на это имеются косвенные указания. Так, повторно перечисляются растения, подлежащие обложению, причем их разнообразие заставляет думать, что государство было заинтересовано в получении натурой каждого из тех видов, которыми были засеяны поля".[1]

Единогласное утверждение источников, что податная система арабов была скопирована с порядков, господствовавших в Иране, дает все основания полагать, что подать при последних сасанидах взималась в смешанном виде — натурой и деньгами. Для примера может быть указана провинция Савад. С этой области вносилась определенная сумма и некое количество продуктов, как об этом сообщает писатель IX в. Ибн Хордадбе. Для этой цели в двенадцати различных пунктах провинции находились государственные амбары и магазины (bajadir), в которые свозилась и сдавалась натуральная повинность. В данном случае это харадж в форме мисаха, который взимался с округов, измеренных и занесенных в кадастровые книги. Это была система, которая была введена Кавадом и Хосроем и надолго пережила господство самих сасанидов. В связи с тем, что кадастр не пересматривался или, если и пересматривался, то весьма редко, в этой форме подать была тягостна населению. Возвращение к хараджу мукасама, т. е. к взиманию подати в зависимости от урожая,

[1] Н. В. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосроя Анушервана, стр. 147.

представляло в некотором отношении облегчение (при Мансуре, втором из аббасидов).[1]

Таким образом, можно считать, что поземельная подать в Иране после реформы Хосроя взималась с измеренных земель и натурой и деньгами. Возможно, что не все области сасанидского Ирана были переведены на такую форму податного режима, и в отдельных округах могла сохраниться старая система хараджа мукасама, к которой вновь вернулся в части своей и халифат.

Поступление натуральной повинности для государства было необходимостью. При Хосрое I, главной задачей правительства которого было создание независимой от мощной родовой знати армии, обеспечение ее продуктами и фуражом было особенно важно. Подать натурой была нужна для этой цели. Деньги были нужны тоже в первую очередь на содержание армии — мотив, который приводится в речи Хосроя I по поводу введения податной реформы.[2]

О системе взимания подати в сасанидском Иране имеется также свидетельство Вавилонского талмуда. Последний указывает на два вида подати — task и karaga. Task определяется, как поземельная подать; что касается karaga, то это подушная подать, она взимается с человека, с души, она „лежит на муже", как говорит талмуд.[3] Task, или taska, представляет собою испорченное греческое τάξις.[4] Греческий термин в применении к поземельной подати Ирана говорит о связи ее со способами, применявшимися в Византии, отчего и употребляется иудеями.

Возможно и другое объяснение, что на иранской почве способ взимания подати создался под влиянием византийских традиций и этим путем уже проник в представления и терминологию евреев, живших в Иране. Таким путем термин taska делается вполне понятным: так как заимствование Ираном византийских форм податного обложения, несомненно, имело

---

[1] Kremer. Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen I. Wien, 1875. pp. 276—277.

[2] Tabari, Nöldeke, p. 242.

[3] Baba Bathra III, 3. Der babylonische Talmud, herausgegeben von L. Goldschmidt, Leipzig, p. 1086.

[4] Kremer. Kulturgeschichte, I, S. 276.

место, то применение его к поземельной подати объясняется легко. Слово karaga обозначает собою подушную подать, которая взималась со всего населения, за немногими исключениями, как это было указано выше. Впоследствии в арабском языке этот термин получил иное значение, но в V и VI вв. он, несомненно, имел значение, которое ему дано в талмуде. В этом последнем терминология, имевшая применение в Иране, еще не затемнена последующим арабским влиянием.

К сожалению, кадастровые записи, или писцовые книги, сасанидского государства не сохранились. „Книга хараджа" Абу Юсуфа Якуба[1] говорит, что описи (diwan) были сожжены и уничтожены, так что теперь неизвестно — что именно они содержали.

Такое свидетельство „книги хараджа" объясняет многое; несомненно, однако, что так или иначе, но податная система арабов была сколком с той, которую они застали в сасанидском Иране.

Даже те неполные данные о реформе Хосроя I, которыми можно располагать, роднят ее с системой обложения, действовавшей в Византии. Детальное сравнительное изучение сведений о податях в Иране и Византии подтверждает это с полной убедительностью. Установление кадастра, требование взноса податей трижды в год, смешанный характер отчислений — натурой и деньгами — и ряд других подробностей приводят к выводу, что реформа Хосроя I была введена по византийскому образцу. Более того, письменным источником, которым могли располагать в Иране, был „Сирийский законник" — законодательный памятник римско-византийского права, составленный в последней четверти V в. на сирийском языке. Он был широко распространен на всем Ближнем Востоке, на что указывают его многочисленные рукописи и переводы на арабский и армянский языки. Статья законника, характеризующая составление кадастра и систему обложения, содержится лишь в этом памятнике и не сохранилась ни в одном из греческих законодательных сводов.

Подробный анализ и сопоставление текста статей сирий-

---

[1] Abou Yousouf Ya'koub. Le libre de l'impôt foncier Kitab elharadj. Traduit et annoté par E. Fagnan. Paris, 1921, pp. 86—87.

ского законника с данными относительно податной системы Ирана даны мной в специальной статье.[1]

Необходимо иметь в виду, что о каких-либо изменениях в порядке взимания податей при Хосрое II сведений нет; порядок, принятый при его деде, Хосрое I, просуществовал до конца царствования сасанидов. Очень важно отметить и в этом случае наличие культурных связей и взаимных влияний между Ираном и Византией, в которых посредствующая роль принадлежала сирийцам.

Источники, к сожалению, не дают сведений относительно положения крестьянства, и только размах маздакитского движения, связанного с низшими слоями общества, дает представление о тех силах, которые таились в крестьянстве Ирана. На рубеже V и VI вв. оно потрясло государство до самых основ, как один из симптомов зарождения нового феодального порядка.[2]

РЕМЕСЛО

Памятники материальной культуры сасанидского Ирана дают образцы высокого мастерства этого времени, но немного данных, которые позволили бы сделать выводы относительно внутренней организации труда и ремесленников.

Однако следует указать на некоторые факты, которым не было до настоящего времени уделено внимания. Сведения о материальной культуре сасанидского Ирана за последние два десятилетия решительно вышли за пределы возможности упоминать о них мимоходом или даже уделять им небольшую главу в исследовании, основной темой которого они не являются. Памятникам архитектуры этого времени посвящены солидные археологические разыскания, скульптуре — большие специальные работы. Превосходные образцы сасанидского серебра и нумизматики являются гордостью Государственного Эрмитажа, где они получили превосходный анализ в работах

---

[1] Н. В. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосроя Анушерванв. „Вестник древней истории", т. I, М., 1937, стр. 141—153.

[2] A. Christensen. Le roi Kawadh I et le communisme mazdakite. 1925. — A. Christensen. L'Iran, pp. 311—357. — Н. В. Пигулевская. Маздакитское движение. Известия Академии Наук СССР. Отделение истории и философии, № 4, (1944) стр. 171—181

члена-корреспондента Академии Наук К. В. Тревер. Одни только гроты Таке-Бостана, высеченные в скалах, представляют собою материал для исследования как особый, грандиозный вид искусства. Богатство материальной культуры сасанидской Персии необозримо, а влияние ее тонкого мастерства распространялось на отдаленнейшие страны и века. Роскошь царского двора и знати не только была сказочной, но сама стала сказкой. Чудесные кувшины, вазы, кубки, чаши, светильники, подносы, лампады в течение веков остались непревзойденными и были недосягаемым образцом для всяческих подражаний.[1]

Среди чудес империи сасанидов называются трон и короны шаханшахов, богатство которых ослепляло. В числе величайших сокровищ, которыми обладал Хосрой Парвез, насчитывался ковер, изображавший весну с таким совершенством, что зимой он настилался в приемном зале царя, чтобы создать иллюзию расцвета природы.

Все эти памятники свидетельствуют о высоком уровне материальной культуры, создававшейся многочисленными, достигшими большого мастерства кадрами ремесленников. Города сасанидского Ирана были центрами торговли и ремесла. Сердцем каждого из них был рынок, куда притекали по дорогам-артериям различные изделия и товары. Из источников известно о торговых связях, которые тянулись через Среднюю Азию на Дальний Восток, в Индию и на остров Цейлон (Тапробан), в Южную Аравию и Нубию. Города Ирана являлись оживленными центрами торговли; их городские ворота были открыты для караванов, везущих шелк из Средней Азии, слоновую кость — из Индии, шерсть — из скотоводческих горных районов, зерно, овощи, фрукты, виноград, финики, оливковое масло и вино — из земледельческих областей. На городских площадях и рынках было всегда оживленно, толкалось множество народа; здесь продавали, покупали, узнавали последние новости, глазели на все неожиданное. С трепетом собирались на сенной рынок в Ктезифоне, где происходили публичные казни.

---

[1] Pope. Survey of the Persian Art, I—VII. — И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935.

Высокое развитие ремесла и оживленные торговые связи имели опору в некоторой организации, о чем имеются свидетельства. От несторианских соборов, которые неоднократно собирались в V и в VI вв. в Иране с разрешения шаха, сохранились „деяния", или акты. Постановления этих соборов, составленные на сирийском языке, скреплены подписями не только клириков — католикоса, епископов, архидиаконов — но и именами ряда светских лиц, на что впервые обратили внимание Лабур[1] и К. В. Тревер. Эти лица представляли собою наиболее выдающихся по своему положению мирян, принадлежавших к несторианской христианской церкви. Они скрепляли своей подписью исповедание не только от своего лица, но от некоторой группы. Если приходы, отдельные церкви и монастыри, города по линии чисто церковной организации были представлены клириками и причтом, то важно отметить тот факт, что имеются подписи лиц, представлявших группы ремесленников, организованных в корпорации или в цехи. Существование такого рода корпораций находит подтверждение и в других источниках.

„Начальник ремесленников", или „глава работ", Вардаяб подписался под деяниями собора 544 г., созванном при несторианском патриархе мар Абе I. Звание это, приведенное в сирийской транскрипции ܩܪܓܒܕ, персидское — Karugbedh, было расшифровано еще Нельдеке.[2]

Но звание это не определяет — старшиной каких именно работ являлся Вардаяб или какие ремесленники им представлены; речь идет, очевидно, о лице, возглавлявшем людей, занятых вообще физическим трудом.[3] Но акты соборов сохранили нам и другие звания, которые позволяют делать выводы относительно организации отдельных отраслей производства. Носят они обычно сирийское наименование ܪܒ — староста, или старейшина, и ܪܫܐ — глава. Известно, на какой исключительной высоте в Иране находилось изготовление всякого рода металлических изделий; поэтому неудивительно, что

[1] J. Labaurt. Le christianisme dans l'empire Perse, Paris, 1904, p. 174, note 2.

[2] Tabari, Nöldeke, pp. 240, 502. — „kâr — Werk, bedh — Herr, Oberst".

[3] Christensen. L'Iran, p. 117; здесь приводится звание hutukhsbadh, kak chef des artisans.

встречается „старшина серебренников", „глава ювелиров", „глава" занятых работой над свинцом и другими металлами.[1] Подписи этих лиц под деяниями соборов указывают на то, что представители корпораций были видными, богатыми и пользовавшимися влиянием в своем городе и государстве людьми. В арабское время в Иране, как и в бывших византийских городах, люди одной профессии селились обычно в определенном квартале. Нет сомнения, что города Ирана эпохи халифата и в этом случае мало отступали от того устройства городов, которое было во времена сасанидов.

Располагая очень немногими данными, в настоящее время нельзя выявить внутренней структуры и жизни корпораций, среди которых был и цех торговцев. Под актами собора VI в. встречается имя Камизида бар мар Шемона, „торговца", и, что особенно интересно, другого лица, Михрбузида бар Гурии, который подписался в качестве „старшины торговцев" — ܪܫ ܣܘܟܪ.[2] Kaša, старейший, старый, старшина как звание встречается и в числе приведенных выше наименований старших ремесленников.

Так, сирийский источник специфически клерикального порядка позволяет сделать важный для внутренней истории сасанидского Ирана вывод, говорящий о наличии цехов и корпораций, в которые были организованы ремесленники и торговцы. Они жили своей собственной жизнью, имели представителей и старшин, которые не только „управляли" ими, но и представляли их в городах. Следует вспомнить положение, которое по административной линии занимали епископы, и значение, которое они получили в управлении византийских провинций, где ряд мероприятий возлагался на епископов или им предоставлялась возможность решать вопросы управления вместе с крупнейшими землевладельцами. В этом свете становится понятной и роль христианского духовенства как в сасанидском Иране, так и в халифате.

В Иране епископы опирались на христианское население, которое они неоднократно представляли перед шаханшахом. Это христианское население, как видно из приведенных выше данных, было торговым и ремесленным, благодаря чему его

[1] Synodicon Orientale, pp. 79—80. Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, vol. 37.

[2] Synodicon Orientale, p. 79.

значение в экономике Ирана учитывалось и государственной властью. Отсюда значение подписи этих лиц под деяниями соборов, которые тем самым становились документом, официально ими поддержанным. Старшины и глава ремесленников и торговцев объединялись не только для церковных дел: они играли роль представителей цехов и в других случаях, вступая в непосредственные отношения с иранскими властями. Из других источников известно, что были селения, в которых специально занимались какой-нибудь отраслью ремесла. Так, в селении „Паллугта, там, где разделяются воды Евфрата для орошения земель", жили ткачи, ковроделы, прачки и, вероятно, красильщики. Это были группы иудейского населения.[1]

Необходимо помнить и о той роли, которую в торговле и экономике Ирана играли приобретение и перевоз шелка, преимущественно из Средней Азии, а также торговля с Индией и Нубией.

Ко времени Хосроя относится одно важное мероприятие правительства — постройка плотины на Тигре. Один из рукавов Тигра у Басры носил название „одноглазого", или „слепого". Здесь и была выстроена плотина, которая, повидимому, имела целью распространить орошаемую площадь и увеличить количество воды в оросительных каналах. „Одноглазый" Тигр был как бы заперт этой плотиной.

Работы велись с большой затратой средств, так как Табари, ссылаясь на авторитеты, говорит, что было выдано бесчисленное количество денег.[2] Сооружение это оказалось, однако, непрочным, и река прорвала свою преграду. По совету придворных ученых, числом якобы в 360 человек (вероятно, по числу дней в году, без епагомен), среди которых были ведуны и звездочеты, работы на Тигре были возобновлены в благоприятный, соответственно с положением светил на небе, момент. Строительные работы продолжались восемь месяцев и стоили больших расходов. Затем произошло торжественное открытие дамбы. Ее украсили коврами, душистыми травами, созвали двор и музыкантов, и Хосрой торжественно уселся на плотине.[3]

[1] Н. В. Пигулевская. Анонимная хроника, стр. 74.
[2] Tabari, Nöldeke, p. 304.
[3] Tabari, Nöldeke, p. 306.

Последующий рассказ Табари легендарен. Плотина под Хосроем прорывается, его едва спасают, и затем следует повторное сообщение о попытке возобновить дамбу, которая вновь прорвалась под напором воды в момент, когда Хосрой проехал по ней верхом на коне. Эти моменты связываются традицией символически с появлением Мухаммеда, который прекратит существование сасанидского Ирана, как Тигр, сбрасывающий плотину. Судя по тому, что это строительство стоило больших средств, можно предполагать, что оно производилось не только рабским трудом, но и рабочими руками свободных людей, которых было необходимо оплачивать.[1] Такое большое предприятие вообще требовало участия квалифицированных мастеров и инженеров. Сомневаться в наличии такого рода специалистов в Иране не приходится.

ВОЙСКО

В сасанидской империи превосходно учитывали значение хорошо обученной и сильной армии. Реформа, которую произвел дед Хосроя II Парвеза, Хосрой I Анушерван, чрезвычайно подняла дисциплину армии, усовершенствовала ее организацию и вооружение.

У Табари сохранился анекдот, свидетельствующий о том, какое значение придавали дисциплине и всяким смотрам при Хосрое I. Выехать и участвовать в параде, явиться на смотр войскам было приказано всем, не исключая и самого шаха. Порядок и строгое подчинение неизмеримо повысили боеспособность персидской армии, списки которой были поручены специальному писцу (dabhir).[2] Но осторожный Хосрой I предпринял и другого рода реформу: должность главнокомандующего иранскими войсками — eranspahbadh была отменена; его заменили четыре военачальника со званием спахбедов, которые командовали армиями севера, востока, юга и запада.

Выдающееся положение главнокомандующего легко приводило к тому, что он приобретал особенно большую власть и при поддержке войск мог оказывать давление на престол. Во время походов он получал львиную долю добычи, а, сле-

[1] Ibid., p. 306.
[2] Tabari, Nöldeke, pp. 247—249. — Christensen. L'Iran, p. 367.

довательно, огромные личные средства, из которых мог оказывать поддержку войску. Известная и очень большая часть добычи в обязательном порядке отчислялась царю, для чего посылали специальных людей, которые подсчитывали, собирали и переправляли захваченное в царское казначейство. Но, несомненно, преимуществом своего положения пользовался и военачальник, а за ним верхушка армии и, наконец, рядовые воины, которые грабили в походах мирное население деревень и городов. Примитивное обогащение было, несомненно, одной из главных побудительных причин, приводивших войска в движение. Разделение власти главного военачальника, установленное Хосроем I, ослабляло власть первого и укрепляло положение второго.

Этим путем шаханшах предполагал защитить престол от слишком больших претензий на власть предприимчивых военачальников. Пользуясь своим положением главнокомандующего, eranspahbadh мог при поддержке армий действовать в своих собственных интересах. Четыре спахбеда представляли с этой точки зрения меньшую опасность.[1] Но восстание Бахрама Чобина и бурная смена последних сасанидов указывают на то, что опасность военных мятежей была попрежнему велика и составляла постоянную угрозу престолу сасанидов.

В византийской литературе известны военные трактаты, одному из которых выше было уделено особенное внимание, в связи с его политико-экономическим введением. Этот анонимный трактат был использован мною и как специальный источник для выяснения системы обороны византийских городов VI в.[2]

К. А. Иностранцев в своих „Сасанидских этюдах“ дал превосходный очерк „Сасанидская военная теория“, в основу которого он положил арабский перевод Аин-намэ „Книги установлений“, который был сделан Ибн ал-Мукаффой. Из этой утерянной книги сохранился фрагмент в антологии Ибн-Кутейбы, Уюн-ал-ахбар, представляющий собою краткий военный трактат.[3] Основные положения этого персидского руководства для ведения войны построены в полном согласии

[1] Christensen. L'Iran, p. 365.

[2] Н. В. Пигулевская. Оборона городов Месопотамии в VI в. „Ученые записки“ ЛГУ, Серия исторических наук, вып. 12, 1941, стр. 54.

[3] К. А. Иностранцев. Сасанидские этюды, 1909, СПб., стр. 48—44.

с греческим „Анонимным военным трактатом“ и „Стратегиконом“ Маврикия. Комментарий, составленный Иностранцевым, привел его к выводу, что „почти все сообщенные им правила находят себе подтверждение как в современных ему византийских военных трактатах, так и в военных традициях и событиях, сообщаемых Прокопием“.[1]

Эти данные наводят на мысль „о возможности литературного общения“, т. е. заимствования с греческого, но, конечно, с ограничением, так как трактат имел практическую основу и практическую цель. Хорошо вымуштрованные войска, высокая по тому времени военная техника персов не могли не иметь в основе и выработанной теории военного дела.

Для сражений существовала определенная схема. Конница выстраивается впереди пехоты, но при наступлении она обычно раздвигалась, пропуская вперед пешие войска. Правое крыло и середина, или „сердце“, ведут наступательное движение, левое крыло находится в особом положении, так как с левой стороны воин несет щит, а правой рукой натягивает тетиву и стреляет из лука. Поэтому левое крыло принимает участие лишь в решительных стычках и также должно предотвратить возможность обхода войска неприятелем. Замечательно, что целый ряд правил совпадает в византийской и пехлевийской теории; так, например, по возможности следует откладывать битву, биться только в случае, если это неизбежно, битву следует начинать вечером, чтобы иметь возможность в случае необходимости отступить в темноте. Нельзя истреблять все войска врагов, чтобы не доводить их до крайности. В связи с этим мотивом находится и другое правило — допускать врага к воде.[2] Византийскую и персидскую традицию роднят и другие черты: наставления относительно ночного нападения, завлечение врага по ложному следу, скрытые рвы, всякие приемы устрашения врага трубными звуками, криками, шумом. Широко применялись и всякие другие хитрости: посылка шпионов, разведка, обман, засада и тому подобное.

Та же „Книга установлений“ дает подробные указания относительно правил стрельбы из лука, чтобы удар стрелы был силен и меток.[3] Персы издревле славились своим

[1] Там же, стр. 65.

[2] А. К Иностранцев. Сасанидские этюды, стр. 57, 58, 61.

[3] Там же, стр. 66.

искусством метать стрелы; об этом говорит Геродот, а после него Аммиан Марцеллин и Прокопий. Вполне понятно, что это мастерство имело свою теорию и точные указания, как его достигнуть.

Подготовка войска, его тренировка требовали соответствующих условий. Одним из приемов тренировки была специальная военная игра, своего рода поло. Описанке этой конной военной игры в мяч сохранилось в той же книге. О ней упоминает и пехлевийский роман об Ардашире, как об одном из любимых развлечений того времени.[1] Высокий уровень, боеспособность армии создавались длительной выучкой и целой системой подготовки.

Иранские войска состояли из конницы и пехоты, из которых первая была цветом и силой армии. По своему социальному составу кавалерия вербовалась из землевладельцев, „благородных“ и из независимых крестьян — собственников. Среди пехоты выдающееся место принадлежало лучникам, выступление которых в бою могло иметь решающее значение. Часть пехоты выполняла лишь всякого рода подсобные работы, делала насыпи, копала рвы, заботилась об обозе. О сасанидской пехоте невысокого мнения был еще Прокопий, что, впрочем, не помешало персам завоевать все азиатские и африканские провинции Византии и в начале VII в. стать крупнейшей державой Ближнего Востока.

ХОСРОЙ II И РЕЛИГИИ ИРАНА

Официальной государственной религией сасанидского Ирана был зороастризм. Ко времени последних представителей этой династии внутреннее содержание этой развитой дуалистической системы в значительной степени утеряло свою силу, а внешнее ее положение утратило прежнее значение.

Как прежде, центральное место в культе занимало поклонение огню, и пиреум, священный жертвенник, на котором горело неугасимое пламя, оставалось любимой символикой всякого рода изделий. Как прежде, многочисленное жречество, от могущественного мобедан мобеда до мелких полунищих магов, шептали и бормотали священные слова Авесты, поддерживая очистительный огонь особыми сортами дерева. По-

[1] Там же, стр. 72.

прежнему, в великом святилище в Шизе и в скромных алтарях селений курился дым, но былое величие зороастризма было подорвано.

Еще маздакитское движение нанесло тяжелый удар как самой системе, так и положению зороастризма в государстве. В VI в. мобедан мобед теряет свое первое место в списке чинов государства, чтобы занять его вслед за виднейшими светскими должностями. Гонимое христианство удачно соперничает с зороастризмом и даже получает доступ ко двору в лице своих епископов.

При Хосрое II происходит пересмотр Авесты, священной книги зороастризма, и дается новая редакция ее.[1] Этот пересмотр был вызван внутренним стремлением обновить и выделить не потерявшие своего значения страницы обветшавшей книги. Хосрой приказывает строить новые храмы огня и приставляет к ним жрецов-магов,[2] но в то же время он посылает дары в христианскую церковь Сергия Русафского. Он продолжает принимать участие в мелочном ритуале зороастризма, но несторианский епископ благословляет его трапезу.

Жречество высших рангов вербовалось из знати, занимало видное положение и умело его использовать. Из их среды исходили те или иные желания и решения, которые не раз влекли за собою дворцовый переворот. Теряя поддержку жречества, шах лишался одной из главных опор престола. Но сохранился характерный анекдот об отце Хосроя II, Хормизде, приведенный выше, из которого видно, что другой опорой своего престола он признавал христианство.[3]

Идеология зороастризма и его мелочный ритуал изжили себя: формы сохранялись, содержание выдохлось. Ничто не дает такого полного представления об опустошенности официальной религии персов, как успех ислама. Четкий монотеизм учения „посланника Божия“ носил свежий, живой, импульсивный характер. А путь новой религии в Иране был в значительной степени подготовлен христианством, распространение которого в форме несторианства было особенно широко.

При Хосрое II удельный вес христианства в государстве особенно возрос, чему способствовал целый ряд обстоятельств.

[1] Marquart. Eranšahr, p. 163.
[2] Tabari, Nöldeke, p. 353.
[3] Ibid., p. 268.

В торговой прослойке государства христианство начало распространяться рано, но с первых шагов встретило суровое сопротивление, особенно в жреческих кругах. Обращение в христианство жестоко преследовалось при первых сасанидах, но и при Хосрое II перс Магундад, в крещении Анастасий, принял мученическую кончину.[1]

Основные вопросы положения христианства в Иране рассмотрены во все еще не потерявшем значения и не замененном другим труде Лабура.[2] Но ряд вопросов, несомненно, требует пересмотра, в связи с возможностью привлечь новые материалы.

Христианство имело своих адептов в ремесленном и торговом населении иранских городов. Такие крупные экономические центры, как Низибия, Арбела, Ктесифон, Гунде-Шабор и другие многочисленные общины и клир, возглавлялись епископами. Под „деяниями" собора 544 г., созванном при несторианском патриархе мар Абе I, имеются подписи нескольких светских лиц. В числе их ܒܘܪܕܝܐ ܪܒ ܒܝܬ ܐܘܡܢܐ Вардаяб, каругбед, т. е. начальник ремесленников, или глава работ. Это звание известно и по анналам Табари.[3] Шабо дает перевод термина, как maître des ouvrages, или chef des ouvriers.[4] „Ардак бар Шила, старшина серебреников" (работающих над серебром)— ܐܪܕܟ ܒܪ ܫܝܠܐ ܪܒ ܟܣܦܝܐ — является, очевидно, старостой, главой и представителем ремесленников, составлявших корпорацию, занятую изделиями из серебра. В точном переводе kaša — старый, следовательно, старшина, или староста. Бенонин бар Гадай был „главой", ܪܒ, ювелиров, работавших над изделиями из золота и золотых дел мастеров, составлявших свою корпорацию.[5] Адаи из Бет Лапата, т. е. Гунде-Шабора, представлял лудильщиков, был главой ремесленников, занятых производством из свинца и других металлов, он был ܪܒ ܕܨܝܪܐ.[6] Представители корпораций были, повидимому,

[1] Acta sanctorum, 22 januarii t. III, Parisiis, 1863, p. 44.
[2] Labourt. Le christianisme dans l'empire Perse. Paris, 1904.
[3] Tabari, Nöldeke, pp. 240, 502.
[4] Synodicon Orientale ou recueil des synodes nestoriens, publ. par J. B. Chabot, pp. 79, 331.— Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale, t. 37, Paris, 1902.
[5] Synodicon orientale, pp. 79—80.
[6] Ibid., p. 80.

людьми богатыми и имевшими влияние в своем городе, в связи с чем их подпись под „деяниями" могла иметь значение. Под теми же актами находится подпись Михрбузида бар Гурии, который был „старейшим" или старшиной торговцев — ܪܒ ܡܫܝܚܐ и другого торговца Камизида бар мар Шемона.[1] Торговые слои имели, следовательно, своих представителей и влияли на дела общины своего города. С этим фактом не могло не считаться и иранское правительство.

При Хосрое I, наряду с гонениями, можно отметить факты, говорящие о толерантности государства сасанидов относительно христиан. Верхушка клира имела доступ ко двору и могла обращаться со своими просьбами непосредственно к шаханшаху. Для последнего они бывали нужны в качестве представителей при переговорах и в посольствах, направляемых в Византию. Относительно Хормизда IV следует вспомнить приведенный выше анекдот, из которого явствует, что он считал христиан опорой своего трона.

Отношение этого шаханшаха к религии христиан сказалось еще в том, что он разрешал к созыву соборы епископов. Во вступлении к „деяниям собора" Хормизд, например, прославляется, как „господин добрый, сильный, победоносный, миролюбивый, человеколюбивый, владыка стран (миров — mara de almin ܡܪܝ ܕܥܠܡܝܢ) Хормизд — „царь царей". Прославляя его, подобострастно и официально, „деяния" этого собора 585 г., однако, добавляют к перечню его добродетелей, впрочем несколько более обширному, чем обычно, еще дополнительно о его особом отношении к христианам. „Особенно же он показал обилие милосердия и множество любви к нашему народу христиан, рабов и подданных его владычества (abde va mešabde de maruteh, ܥܒܕܘ ܘܡܫܥܒܕܘ ܕܡܪܘܬܗ)".[2] Отцы-епископы восхваляют его за отсутствие лукавства и желают чтобы его царствование не имело конца. Эти выражения не казенны, и их причиной было то покровительство шаха, к которому с известным успехом могли прибегать христианские клирики.

Собор Ишояба I был созван в 585 г., так как указан 8-й год Хормизда, как время его созыва. Он царствовал

[1] Ibid., p. 79.
[2] Synodicon orientale, pp. 130—131.

с февраля 579 г. по лето 590 г. 1-й год его царствования начинался с 30 июня 578 г., следовательно, 8-й год правления был 585 г.[1]

В созванном в 596 г. соборе мар Сабришо о Хосрое Парвезе говорится гораздо более сдержанно, приводится только обычный титул „царя царей" и эпитеты „победоносный, сильный, милосердный, умиротворяющий страны". Следовательно, Сабришо и его собор не считали себя обязанными особенно превозносить Хосроя II.

Но интересно, что в момент разгоревшейся при правительстве Фоки войне с Византией, в 15-м году Хосроя, который соответствует 605 г., собор католикоса Григория прославляет его за то, что он „сделал в отношении нас новое и удивительное, чего не было прежде для нас (ܕܥܒܕ ܠܢ ܚܕܬܐ ܘܬܡܗܐ ܕܠܐ ܗܘܬ ܠܢ ܡܢ ܩܕܡ ܙܒܢ), ибо относительно отцов, правителей церквей, то-есть епископов каждой области, он приказывал, чтобы те, которые находятся в отдаленных областях, на вьючных животных царя, с честью и за счет царский, прибыли ко двору чтимого царя царей". Те, что жили близко прибыли немедленно ко двору, так как было необходимо созвать собор для избрания главы несторианской церкви, католикоса.[2]

Анонимная сирийская хроника в нескольких случаях подчеркивает положение, которое заняло христианское духовенство при Хосрое II, пользовавшееся рядом привилегий, вызывавших зависть мобедов, как, например, привилегия благословлять трапезу Хосроя.

Насколько христианство проникало глубоко в иранскую официальную среду, свидетельствуют, например, подписи под актами одного из соборов двух лиц, занимавших положение начальников в персидском войске. Титул одного из них — thrzstnslr ܐܪܬܐܪܬܪܢ ܣܠܪ — следует читать как artertaran salar.[3] Это звание встречается и в греческой транскрипции у Прокопия Кесарийского, как Ἀβρασταδαρανσαλάνης, которое равносильно званию командира или военачальника.[4] Звание второго

[1] Synodicon orientale, p. 390 (1); p. 391 (2).
[2] Synodicon orientale, pp. 207—208.
[3] Synodicon orientale, p. 331.
[4] Procopius. De bello persico, I, 7, p. 11.

военачальника, кудбудада, не сохранилось в достаточно отчетливой транскрипции; rshnulr, ܐܪܫܢܘܠܪ Шабо предлагает читать в последней части, как slr, ܣܠܪ и видит в нем другое звание персидского командира.[1] Христианин мог, следовательно, занимать официальную должность и даже нести военную службу в войске царя царей.

Если Хормизд IV мог ссылаться на государственные интересы, оправдывая свою толерантность перед жречеством, то это подтверждается теми данными, которые имеются в деяниях несторианского собора 576 г. Высшие слои христианских клириков Ирана оказываются к этому времени обладателями больших богатств в виде движимого и недвижимого имущества: они продают и покупают от имени церкви и допускают злоупотребления, сохраняя купчии у себя дома, а не в архиве церкви.[2] Более того, они считали возможным покупать и продавать церковную собственность без разрешения общины и передавать ее в пользование своей семьи.[3] Звание клирика могло приносить доход, быть выгодным, поэтому имеется ряд постановлений, запрещавших ставить клириков за мзду, подарки и приношения. Такого рода постановления повторялись отдельными соборами вновь и вновь, так как борьба с симонией была трудна и не приводила к желательным результатам.[4] Другие источники — хроники, жития, послания епископов — говорят о мощной экономической организации несторианской церкви в Иране, а в тесной связи с этим и о том положении, которое она стала занимать в государстве и при дворе сасанидских владык. О Хосрое I известно, что он собрал целую библиотеку книг по вопросам философии и религии, что говорит о его широких взглядах и интересах. Христианские книги занимали в этом случае не последнее место.

К концу царствования Хосроя I или ко времени его сына Хормизда относится греческий текст апологетического памятника, представляющего собою спор о религиях при сасанидском дворе. Имена царя и представителей религий вымышлен-

[1] Synodicon orientale, p. 331, notes (3), (4).
[2] Synodicon orientale, p. 125, XXVI.
[3] Ibid., p. 124, XXV; p. 126, XXX.
[4] Ibid., p. 122, XX; p. 123, XXI.

ные, но вся обстановка прекрасно соответствует тому, что известно о дворе персидских владык в VI в.[1] Сочинение это отнюдь не представляет собою протокола спора, происходившего когда-либо между представителями христианской церкви и персидским жречеством, но оно говорит о соответствующей обстановке при дворе. Известно, что при Хосрое II в его присутствии имел место догматический спор между несторианами и монофизитами, как об этом сообщает анонимная сирийская хроника.[2] Самая мысль дать апологетику в форме придворного, философского состязания родилась из действительно происходивших там словесных турниров.

Политическая связь Хосроя II с Византией, из рук которой он вновь получил свою корону, неизбежно должна была сказаться и на его управлении внутренними делами Ирана. Он по необходимости должен был делать уступки Константинополю и, соблюдая дипломатическую вежливость во всех тонкостях, он даже лично посылал подарки и приношения в христианские церкви.[3]

Это не помешало ему, однако, въехать на лошади в церковь крепости Дары. Одно другому не противоречило в его сознании и не вызывало у него сомнений. В сирийской традиции Хосрою легендарно приписывается и некий личный мотив в его толерантном отношении к христианству. Он имел видение, перед тем как начать поход против Бахрама, „ибо говорили, что явилось Хосрою подобие старого мужа в то время, как он, взявшись за узду своей лошади, отправлялся в бой. Когда он вернулся с войны, он рассказал об этом Ширин, своей жене. Она сказала ему: «Это Сабришо, епископ Лашома». Хосрой это принял к сведению, но молчал."[4]

Как в восточной, так и в греческой традиции сохранились сведения о том, что он был женат на христианке. Ширин — Σιρή, Σειρέμ, была его горячо любимой, избранной женой. В персидской литературе любовь Хосроя и Ширин становится темой поэтического творчества, излюбленной и неоднократно

[1] Bratke. Das sogenannte Religionsgespräch am Hofe der Sassaniden, pp. 268—269. Texte und Untersuchungen. Neue Folge, Bd. IV, Heft 3. Leipzig, 1899.

[2] Н. В. Пигулевская. Анонимная хроника, § 10, стр. 68.

[3] Euagrius. Historia, 6, 21, p. 235.

[4] Н. В. Пигулевская. Анонимная хроника, стр. 64.

развитой разными писателями. Табари утверждает, что Маврикиий дал в жены Хосрою свою дочь Марию,[1] о чем ни один из греческих авторов не сообщает. В письме, приведенном Феофилактом, упоминается только одна жена Хосроя, Ширин.[2] Нельдеке высказал предположение, что арабский источник справедливо утверждает факт существования двух жен — христианок, и был склонен не придавать значения молчанию византийских источников. Но во всяком случае, нет оснований считать Ширин и Марию за одно и то же лицо, так как анонимная сирийская хроника сообщает, что у Хосроя были две жены-христианки: „арамеянка Ширин и Мариам ромеянка".[3] Себеос знает жену Хосроя — христианку Ширин, „царицу цариц", прекрасную уроженку Хузистана.[4] Влияние Ширин было, повидимому, больше, чем гречанки Мариам, которая не была дочерью императора Маврикия, но, может быть, была его родственницей.

Персидская традиция, представленная Фирдоуси, считает Широе сыном Мариам, что и дало ему преимущество в престолонаследии. Ширин ревновала Мариам, которая пользовалась исключительным почетом, и тайно отравила ее.[5]

Во всяком случае, христианское влияние было большим; Ширин пользовалась своим положением и „проповедывала евангелие во дворце". Она оказывала материальную поддержку христианским церквам и в особенно благоприятные условия поставила храм и монастырь, построенные для нее Хосроем.[6] Наиболее важным официальным актом Хосроя было издание закона, который прекращал гонения на христиан. Закон этот, несомненно, был связан с „дружбой", которую он высказывал Византии, и был издан под ее давлением или как поставленное ею требование. Наиболее отчетливо он сформулирован у Себеоса, где законом признавался status quo, без возможности перехода в христианство для исповедующих маздеизм. Каждый

[1] Tabari, Nöldeke, p. 283.

[2] Simocatta, 5, 14, p. 213.

[3] Н. В. Пигулевская. Анонимная хроника, стр. 65.

[4] Sebèos. Histoire d' Heraclius, 4, p. 28.

[5] Firdousi. Livre des rois par J. Mohl, v. 7, pp. 304—305. — Christensen. L'Iran, p. 470.

[6] Sebeòs. Histoire, 4, p. 28. — Анонимная хроника, стр. 68.

должен был оставаться верным вере отцов.[1] Табари говорит об этом несколько подробнее: шаханшах дал христианам грамоту, в которой разрешил им восстановить их церкви и разрешил переходить в их веру всем, кроме „магов".[2]

Сопоставив сведения обоих писателей с тем, что известно из других источников, следует думать, что запрещение переходить в христианство осталось в силе, особенно для иранского жречества. Из житий известно, что суровая казнь постигла персов, обращенных в христианство. Но в ряде случаев закон обходили. Не проявлявшие особенного рвения к публичному исповедыванию религии, или сохранявшие в относительной тайне свой переход к последователям апостолов, не подвергались со стороны иранских властей преследованиям.[3]

Дар Хосроя христианскому храму едва ли следует расценивать как его внутреннюю близость христианству. Christensen прав, считая, что к своим суевериям шаханшах присоединил еще одно, не углубляя ни в какой степени своего мировоззрения.[4]

Храм Сергия (Саргиса) Русафского пользовался исключительным влиянием в христианских кругах Ближнего Востока—греческих, сирийских, арабских. Особенно почитали его христиане-арабы, для которых эта церковь, построенная среди пустыни, была местом ежегодных сборов.[5] Этому храму мученика Саргиса Хосрой послал золотой крест, захваченный в ромейских землях его прадедом Кавадом, и другой драгоценный крест, хранившийся „среди наших сокровищ". Сделал он эти подарки после того, как Маврикий предоставил ему войска своей личной охраны, чтобы составить его стражу. Свои дары Хосрой послал с письмом (ἐπιστολή), в котором он называет себя „царем царей", сыном Хормизда, который вследствие злодейства, учиненного Бахрамом, сыном Баргуснаса вынужден был скрыться в ромейские земли. Время, когда именно Хосроем были сделаны подношения „дому досточтимого Сергия", известно. В сопроводительном письме Хосрой упоминает о том, что им получена голова предателя Задеспры, что имело место в феврале 591 г. Текст письма Хосроя, почти дословно совпадая, сохранился у Евагрия и у Феофилакта Симокатты.[1]

Второе послание Хосроя связано с именем того же Сергия, которому он выражает благодарность за его благословение, даровавшее ему сына от Ширин — ἡ Σιρή. Автор анонимной сирийской хроники приписывает этот факт другой причине — лечению, примененному Гавриилом „друстбедом шигарским", который „пустил из руки Ширин кровь и у нее родился сын, которому она дала имя Марданшах, тогда как до этого у нее не было сыновей".[2]

О построении христианских храмов в Иране речь выше уже была. Хосрой разрешил восстановить христианские церкви, которые неоднократно разрушались по требованию иранского правительства. Хосрой построил для Ширин храм и монастырь. Барэбрей утверждает, что Хосроем было построено три храма.[3] Интересно, что в персидской традиции Хосрой настолько близок христианству, что считался тайно перешедшим в христианство. Во всяком случае, Фирдоуси считает небходимым опровергнуть такого рода „клевету", возведенную на шаханшаха.

В „Шах-наме" Хосрой считает неудобным для себя надеть одежды, вышитые золотом, которые ему были присланы в дар Маврикием, так как на них был выткан крест. Он опасается, чтобы знатные не сказали, что за эти присланные ромейским императором сокровища шаханшах согласился стать христианином. Но советник ответил ему, что религия не зависит от одежд, хотя Хосрой и друг кесаря, но он верен религии Зороастра. Тогда Хосрой надел одежды, украшенные крестом, на торжественный пир. Одни „поняли" необходимость подобного одеяния на нем, как известного дипломатического условия. Другие, тем не менее, говорили, не стал ли шаханшах втайне христианином.[4]

---

[1] Sebèos. Histoire, 4, p. 28.
[2] Tabari, Nöldeke, p. 287.
[3] Christensen. L'Iran, p. 482. — Labourt. Le christianisme, pp. 104—130.
[4] Christensen. L'Iran, p. 482.
[5] J. Sauvaget. Les ghassanides et Sergiopolis. Byzantion, XIV, 1, 1939, pp. 115—130.

[1] Simocatta, 5, 13, pp. 212—213. — Euagrius, 6, 21, p. 235.
[2] Н. В. Пигулевская. Анонимная хроника, стр. 66.
[3] Barhebreus. Chronicon syriacum, p. 97.
[4] Firdousi. Le livre des rois, v. 7, pp. 180—181.

За торжественной трапезой происходит ссора между Нарсаем и Биндоем, который ударил первого по лицу. Хосрой, испуганный ссорой, зовет Мариам, просит ее водворить мир, уговорить Нарсая и объяснить Биндою, что персы не изменяют своей религии, не изменит ей и Хосрой. Относительный мир был водворен, но уже тогда обиженный Нарсай стремится поселить в душе Хосроя вражду против Биндоя, говоря, что он тянется к короне сасанидов. В заключение и Нарсай признает наиболее правильным для каждого сохранить веру отцов.[1]

Рассказ Фирдоуси приукрашен, многоречив, но, несомненно, источник, которым он пользовался, дал основание для рассказа о сомнении персов в верности зороастризму Хосроя. Об этом говорит тот факт, что в персидской версии Табари происходит такая же ссора по поводу одежды с крестом Хосроя и кончается мирно благодаря вмешательству той же Мариам, но тут оскорблен брат Мариам, Феодосий, вместо Нарсая; обидчик его все тот же Биндой.[2] Историческим зерном этих рассказов является, во всяком случае, тот факт, что близость Хосроя к христианским кругам была настолько велика, что она возбуждала недовольство в иранских кругах. Смешение религий, которое и вызывает конфликт, заключалось в том, что в одежде, украшенной крестом, в сущности епископской или императорской ризе, Хосрой совершает маздеистическую молитву перед трапезой.

Толерантность Хосроя в отношении христиан могла вызвать такого рода молву.[3] Может быть, как выражение протеста персов и желание указать на твердость в принадлежности маздеизму Хосроя следует рассматривать дополнение, сделанное Табари к этому закону, будто бы Парвез оправдывал свою толерантность тем, что Аношерван потребовал от ромеев благожелательного отношения к персам, находившимся на территории Византии, и построения храма огня. Он ссылался на то, что и его дед пошел на подобные уступки христианам.[4] Если в арабо-персидской традиции понадобились такого рода оправдания для действий шаханшаха, то это говорит о том,

[1] Ibid., v. 7, pp. 184—187.
[2] Zotenberg. Chronique de Tabari, v. II, pp. 299—301.
[3] Firdousi. Le livre des rois, v. 7, pp. 178—181.
[4] Tabari, Nöldeke, p. 288.

что поведение его в отношении христиан вызывало недовольство, которого он опасался.

В дальнейшем действия Хосроя в отношении христиан диктовались политическим расчетом, дружескими отношениями с Византией, как было и в момент его воцарения. Он соглашается или не дает своего согласия на избрание патриарха, разбирается в распрях монофизитов и несториан, допускает чтобы они вели споры при дворе.

Большую роль играл в течение некоторого времени врач Гавриил Шигарский, который перешел от монофизитов к несторианам, затем вновь к монофизитам и, пользуясь своим положением при дворе, влиял на замещение главнейших епископских кафедр Ирана. В этом случае имело значение и желание Ширин. Так, сирийская анонимная летопись говорит „Католикосом был поставлен Григорий Форатский влиянием Ширин, как ее соотечественник, между тем, как все сыны церкви вместе с царем желали Григория Кашкарского, который был изгнан из Низибии".[1] Повидимому, несториане находили возможность войти в соглашение с самим шаханшахом, тогда как Ширин поддерживала монофизитов. „Из-за взяточничества и ненависти к церкви Гавриила, некоторое время оставалась церковь без руководителя. Также и слово ей было урезано из-за жалоб на Григория. Поставили же в церкви, чтобы управлять ею, мар Абу, архидиакона из Ктесифона, мужа скромного и мудрого. И долгое время церковь была без главы".[2] Хосрой, следовательно, оставил на некоторое время несторианскую церковь без главы, не дав согласия ни на одну из кандидатур в патриархи.

Между тем, Хосрой, прекратив союз с Византией после воцарения Фоки, стал проявлять меньше толерантности. По поводу одного мученичества сохранилось свидетельство сирийской хроники. Гиваргис с горы Изалы был епископом Нихаргула. Гавриил друстбед обвинял перед царем Гиваргиса, говоря „что он оставил религию магизма, стал христианином и хулит Хормизда [бога] и Кевана [Сатурна]. Царь послал приказ, и тот был заключен на один год, а затем его распяли

[1] Н. В. Пигулевская. Анонимная хроника, стр. 67—68. — Chronicon anonymum, p. 22.
[2] Там же.

в Бехардашире [Селевкии] посреди рынка сенного".[1] Мар Гиваргис, как и Анастасий перс, перешел в христианство из маздеизма и по закону мог быть привлечен к суду, чего и добился Гавриил Шигарский. Можно указать и на ряд других, направленных против христианства, действий Хосроя, которые вполне уживались с некоторой степенью толерантности, с одной стороны, и с его вмешательством в дела клира, назначением желательных и нежелательных ему епископов, — с другой. Последние бывали при дворе, где велись даже споры между несторианами и монофизитами. При передвижении Хосроя в Византию он не получил поддержки от католикоса Ишояба Арзенайского. Он не только не отправился с Хосроем, но и „не встретил его на дороге", когда тот отправлялся с войсками Маврикия для завоевания своего престола. Исчерпывающую мотивировку поведения Ишояба дает сирийская хроника. „Католикос же в этом случае опасался злобы Варахрана [Бахрама], чтобы тот не погубил церковь и не начал гонения на христиан, и поэтому воздержался принимать царя".[2] Когда Хосрой воцарился, то Ишояб, зная „большую ненависть" шаханшаха к себе, его „весьма остерегался". Чтобы иметь должную защиту, он отправился в Хирту, к арабскому царю Нааману, „который крестился и стал христианином".

Не в первый раз арабское княжество Хирты, находившееся под протекторатом Ирана, являлось прибежищем и центром, на который ориентировалась политика христиан Ирана. Лахмиды заставили в некоторой степени с собой считаться сасанидов, их двор мог быть прибежищем для христианского клира и был центром их интриг и ссор. Конечно, шаханшах имел полную возможность воздействовать на Хирту, лахмид Нааман пал жертвой гнева Хосроя, но тем не менее некоторую поддержку он оказывать мог. Насколько Хосрой находил нужным вмешиваться в дела христианской церкви Ирана, можно судить по следующему сообщению: „Некоторое время церковь была без руководителя, а затем собрался собор по приказу царя, чтобы избрать главу. И послал им [сказать] царь: «Привезите Сабришо из Лашома и поставьте его себе

[1] Chronicon anonymum, p. 23. — Анонимная хроника, стр. 68.
[2] Chronicon anonymum, pp. 15—16. — Анонимная хроника, стр. 63—64.

главой». И быстро привезли его и поставили его себе главой".[1]

Отдельные лица христианского исповедания достигали высоких должностей при сасанидском дворе. Выдающееся положение занял, например, христианин Яздин, происходивший из богатой сирийской семьи, который ведал финансовым управлением государства и имел звание востриошансалара. В походах он представлял интересы царской казны и следил за распределением добычи. При взятии больших, богатых византийских городов он посылал огромное количество золота, драгоценностей и предметов искусства ко двору Хосроя II. Пользуясь своим положением, он покровительствовал христианам, делал большие вклады в монастыри и подарки церквам. О нем упоминает и житие Анастасия перса, как „primi dispositoris publicae rei Persarum, qui erat Christianus" — первого распорядителя персидского государства, который был христианином.[2] Но его благополучие не было длительным: он погиб, казненный Хосроем.[3]

Наряду с этим, ко времени Хосроя II относится мученичество перса Магундада-Анастасия, который, приняв крещение, поселился в монастыре в Кесарии Палестинской. Прибывший туда марзбан, так как это было в те годы, когда Палестина была в руках персов, повел следствие, и Анастасий был направлен в Иран на суд. Один из братьев монастыря сопровождал его, из Иераполя и „с берегов Тигра" он смог направить письма настоятелю своего монастыря. Прибыв в области Персии, Анастасий был послан в тюрьму в имение (in praedio), называемое Бетсалое (Bethsaloe), что милях в 6 от Дастгарта, где находился царь. Также брат, который был послан с ним, оставался в этом имении, в доме Картакия, сына Яздина „первого распорядителя персидского государства, который был христианином". За отказ вернуться к зороастризму Анастасий был наказан мучительной смертью.[4]

Таким образом, в положении христианства в Иране при Хосрое II следует различать официальную, правовую сторону,

[1] Chronicon anonymum, p. 17. — Н. В. Пигулевская. Анонимная хроника, § 3, стр. 64.
[2] Acta sanctorum, XXII, Januarii, p. 43.
[3] Tabari, Nöldeke, pp. 383—384.
[4] Acta sanctorum, XXII, Januarii, pp. 30—43.

которая признавала лишь status quo и сурово наказывала переход в христианство, как это было с мар Гиваргисом и Анастасием персом, и личное случайное благоволение шаханшаха к отдельным лицам христианского вероисповедания. В общей государственной экономике необходимо было считаться с христианским населением, главным образом ремесленным и торговым. В известные периоды с христианством надо было ладить, как с религией соседей, дружественных в данное время Ирану, как, например, в период, когда византийское правительство оказало великую поддержку Хосрою II. Нужно было считаться с христианством и как с религией собственных подданных, имевших известный вес в государстве. Но с момента, когда Хосрой нарушил мир с Византией, меняется его религиозная политика. Христианство исповедывали во всех областях Византии, завоеванных Хосроем, но, например, в Эдессе было предложено придерживаться или монофизитства или несторианства, но только не халкедонского вероисповедания, которое было верой „кесаря Ираклия".

Основы зороастризма были расшатаны, редакцией Авесты нельзя было восстановить пришедшее в ветхость содержание. Сам принадлежавший к магам, т. е. к зороастрийскому жречеству, Магундат-Анастасий насмешливо перечисляет солнце, луну, огонь, горы и долы, которым поклоняются сторонники оставленной им религии.

Тяга к монотеизму была неизбежна, и здесь знаменовала появление новых форм идеологии с развитием новых феодальных отношений, как это было на Западе. Иран принял ислам, почва для которого была подготовлена манихейством и христианством.

Общественные отношения в сасанидском Иране нельзя представлять в статическом положении: они претерпели ряд изменений. Особенно ярко об этих переменах говорит маздакитское движение, которое может быть сопоставлено с революциями рабов Рима, сломившими его могущество. Новые формы общественных отношений носили феодальный характер, и не случайно, говоря о положении землевладельцев сасанидского Ирана, Ибн ал-Мукаффа употребляет арабский термин условного землевладения — катыйа.

Не изживший внутренних противоречий и болезненных трудностей в развитии феодализма, Иран был брошен своей руководящей верхушкой на путь завоеваний. Поразительный их успех, в значительной мере зависевший не только от силы нападавших, но и от слабости побежденных, сменился потерями. Истощенное экспансивной внешней политикой государство сасанидов стало достоянием арабов. Византия, обладавшая более мощной и стойкой организацией, преодолела их натиск. Феодализация Ирана была ускорена маздакитским движением, но завершение этого исторического процесса произошло только при арабах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Византии и Ирана накануне арабского завоевания — одна из интереснейших страниц мировой истории, судьба которой решалась тогда на Ближнем Востоке.

Две мировых державы, изнемогая в борьбе с внутренними противоречиями отжившего рабовладельческого общества, искали в активной внешней политике выхода из кризиса и не находили его. Византия желала господства на Ближнем Востоке и стремилась сохранить свою власть на трех материках. Иран был ее естественным соперником. Как в дипломатии, так и в военном искусстве империя сасанидов была достойным противником, а поводов для наступления не нужно было искать, их было более чем достаточно. В бурной истории нескольких десятилетий внутренняя и внешняя политика тесно сплелись, вызывая то с одной, то с другой стороны вооруженное вмешательство.

В Византии ряд явлений общественной жизни говорит о том, что именно в этот период рушились последние устои рабовладельческих отношений. Военные мятежи, движение демов, христианские ереси — все знаменует этот кризис, из которого империя вышла с новыми силами, создав своеобразные формы нового феодального общества.

Иран, истощенный неумеренной, многолетней экспансией, не смог изжить внутренних противоречий зарождавшихся феодальных и отходивших рабовладельческих отношений. Устоять перед напором молодых сил арабов, консолидированных новой идеологией ислама, сасанидская Персия не могла: она стала частью халифата.

Более прочная государственная система Византии помогла ей в сопротивлении нападениям варваров — славян с севера,

арабов с востока, но эти нападения ускоряли процессы феодализма, в то время как пережитки рабовладельческих отношений и колонат уничтожались восстаниями и утверждением свободных крестьянских общин поселенцев — славян.

Политическая, военная и дипломатическая история Ближнего Востока на грани VI и VII вв. тесно связана с его экономической и социальной историей. Хронологически примыкая к истории „Политических отношений Византии и арабов“, давно нашедших своего исследователя, в основу темы — Византия и Иран во всем объеме их взаимоотношений — положен анализ общественных явлений этого времени. Рабовладельческий и ранне-феодальный период своей истории Византия и Иран завершили ожесточенной борьбой друг против друга, чтобы уступить место новым полным сил государствам арабов и славян.

———

ИЗ АНОНИМНОЙ СИРИЙСКОЙ ХРОНИКИ 1234 г.

Русский перевод Н. В. Пигулевской сирийского текста, изданного в Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri. Series tertia, t. 14. Textus syriacus. Chronicon ad an Chr. 1234 pertinens, ed. J. B. Chabot

76. О ЦАРСТВОВАНИИ МАВРИКИЯ

После кончины кесаря Тиверия, императора ромеев, которая случилась в 894 г. (582 г. н. э.), воцарился Маврикий из города Арабиссуса, так как он был зять императора. Тиверий воцарил его при своей жизни, когда дал ему в жены свою дочь Августу. Он послал привести своих родителей, братьев, сестер в столицу и обогатил их. Своему отцу, старому мужу, по имени Павлу, своему брату, по имени Петру, и двум сестрам он подарил богатые дворы, роскошные одежды, золото и серебро. И весь свой род он постепенно обогащал и возвеличивал их, утверждал их в чинах больших и известных. Он назначил своего отца над всем синклитом (сенатом), главою всех патрикиев. Своего брата он сделал главой всего войска (р. 213)[1] на востоке, а Домициана, своего родственника, он сделал митрополитом Мелитены.

Маврикий нашел дворец как бы совсем выметенным, а сокровищницу государства опустошенной Тиверием: собранные бесчисленные богатства со времени Анастасия и трех Юстинианов, всех их расстроил Тиверий, потому что рука его была расточительна в деяниях. Поэтому Маврикий был вынужден скупиться (буквально — сжать руку) и стать умеренным. Он стал бережливым, и поэтому его стали называть скупым.

[1] Нумера в скобках указывают на страницы сирийского текста.

77. ОБ ОТПРАВЛЕНИИ ВОЕНАЧАЛЬНИКА ПРИСКА В ПЕРСИЮ

В шестом году Маврикия военачальник ромеев Приск с многочисленным войском отправился в Персию. Он был муж строгий, и не потерпели его суровости знатные и оклеветали его перед императором, и он назначил на его место одного мужа, по имени Германа. После того как окончилась война с персами, войска пришли и зимовали у [вокруг] Антиохии и восстали против императора. В то время была суровая зима. И случилось сильное землетрясение, и содрогнулась земля утром, во вторник, двадцать девятого, кануна первого, и пала большая часть Антиохии.

Император послал своего зятя Филиппика и назначил его начальником войск, а патриарх Антиохии примирил воинов с императором. Этот военачальник Филиппик побеждал в боях своих.

Итак, когда царствовал Маврикий, он послал в ссылку Мундара. Сын его Нааман отправился к императору. И поклялся ему Маврикий, что если он победит в войне с персами, то отец его будет возвращен. Нааман был приглашен участвовать в таинствах в столице, но он уклонился и сказал: все роды арабов яковиты. По этой причине он был отослан и не принял таинства от халкедонитов.

(р. 214). 78. О ТОМ, КАК ПЕРСЫ ВЗЯЛИ ГОРОД МАЙФЕРКАТ

Человек, также ромей, по имени Ситта, был стражем города. Его привлекли персы, находившиеся в Низибии, множеством богатства с тем, чтобы он сдал им город. Отсюда постоянно выходил Ситта с ромейской конницей, которая находилась в Майферкате, он доходил до [окрестностей] Низибии, связывал пленных из персов, тех, которые выходили из Низибии, чтобы запастись, мужей сильных. Таким образом, много пленных из персов были введены в Майферкат, которых было достаточно для хитрости, которую они готовились сделать. Когда узнал об этом персидский военачальник в Низибии, он отправился с войском и засел у Майферката. Ситта же отпустил пленных и дал им оружие, они же бросились в город, многих убили, открыли ворота города, и вошли те персы, что были вне; они убивали, грабили, хватали в плен и засели в городе.

Когда услыхал об этом Филиппик, главнокомандующий ромеев, отправился поспешно из Антиохии в Майферкат и расположился лагерем у города и повел против него жестокие бои, пока он не будет взят. Он убивал всех, кого находил из персов, поставил войска для охраны и удалился.

79. О ГОНЕНИИ, УЧИНЕННОМ МАВРИКИЕМ НА ЯЗЫЧНИКОВ ХАРРАНА

В это время приказал Маврикий Стефану, епископу Харрана, поднять гонение против тамошних язычников. Когда получил этот приказ тот епископ, он поднял против них гонение, и многие стали христианами; те же, которые сопротивлялись, были изрублены мечом, а части их [тела] развесили на площадях Харрана. Правителем Харрана в то время был муж, по имени (р. 215) Акиндин; он был христианином по имени, а тайно был язычником. И донес на него епископу его писец, человек молодой, по имени Гонорий. Его распяли на холме, который есть Харране. А Гонорий стал править вместо него городом.

80. О ХОСРОЕ, СЫНЕ ПЕРСИДСКОГО ЦАРЯ, КОТОРЫЙ БЫЛ ЗЯТЕМ МАВРИКИЯ

В восьмом году Маврикия восстали персы против Хормизда, своего царя. Они схватили его и ослепили ему глаза. Спустя немного времени, как был ослеплен Хормизд, их царь, предложили персы его сыну Хосрою воцариться над ними вместо (его) отца. И был назван Хосрой Беруз (Парвез). У него был главнокомандующий, который был на востоке с персидским войском. Когда он возвращался с великой победой, в дороге ему стало известно о том, что сделали персы с Хормиздом и что они воцарили его сына после него. И потому, что он был возбужден своим великолепием, он подстрекал против юноши Хосроя, он презрел его [объявил глупым], восстал против него, взял войско [лагерь], бывшее с ним, и выступил против Хосроя. Имя восставшего Бахрам. Когда Хосрой услыхал о приближении Бахрама и его восстании против него, он испугался и не знал, что делать, потому что множество персов соглашались с Бахрамом. Хосрою показалось, что он может получить убежище у ромейского импе-

ратора, и он послал призвать военачальника арабов, который жил в Русафе и был подчинен ромеям, мужа араба-христианина, имя которого Абугуфна Нааман, сын Мундара. Когда тот пришел к нему, он [Хосрой] дал ему письмо и послал его к императору Маврикию. Тотчас как он прибыл к Маврикию, он представил ему письмо Хосроя. Он сообщил ему все дело (ὑπόθεσις) точно, а также, что Хосрой готов приехать к императору, если он ему разрешит (р. 216). Маврикий же, когда прочитал писание Хосроя и усвоил то, что в нем было, склонился к его просьбе и послал ему [сказать], чтобы он ехал к нему.

Когда вернулся Абугуфна к Хосрою, он сообщил ему обещание Маврикия. Никем не замеченный, он [Хосрой] вышел из дворца и верхом стремительно миновал персидскую границу и достиг Эдессы, города Месопотамии. Он оставался там, пока не пришел приказ Маврикия. Его принял и поселил в своем доме и оказывал ему великие почести Иоаннис Росфайа, старшина Эдессы. В словесном обращении ему оказывали царские почести. Эти расходы [тяготы] возместил Хосрой Иоаннису, после того мы скажем, как он был унижен Господом.

81. О ПРИГЛАШЕНИИ ХОСРОЯ ЦАРЕМ РОМЕЙСКИМ

Хосрой находился в Эдессе, когда пришло ему письмо от Маврикия, чтобы он отправился в Мабуг и оставался там, пока не получит ответа. Хосрой написал императору просительное письмо, называя его отцом и господином, и сообщил ему все дело (обстоятельства). „Лучше мне, — говорил он, — если меня постигнет смерть и через тебя наступит для меня конец, но не через моих сородичей“. Он просил притти ему на помощь, обещая быть ему сыном и рабом и подчинить ему всех жителей своего государства. Когда Маврикий получил писание Хосроя, он послал собрать всех знатных ромеев и приказал прочесть письмо Хосроя. Он послал полководца Иоанниса, родом фракийца, с двадцатью тысячами войска и главнокомандующего Анастасия, а с ним из Армениака двадцать тысяч букелариев. Он послал ему сорок контенариев золотых дариков, чтобы было у него на расходы. Когда они достигли Хосроя, он взял путь к своей стране.

Восставший Бахрам, после того как уехал Хосрой (р. 217), отправился в Ктесифон. Он захватил царскую власть (lmalkuta) и сокровищницу царскую, поджег царский дворец и ограбил все, что там нашел. Услыхав, что Хосрой возвращается, он приготовился к войне с ним. Когда достиг персидской земли Хосрой, Ромизан военачальник и с ним десять тысяч персов пришли и присоединились к лагерю ромеев и были с Хосроем.

Когда он приготовился к бою с Бахрамом, произошла между ними жестокая битва; восставшие бежали, многие были убиты, а прочие подчинились Хосрою, и его царство возвратилось ему. Укрепившись, он отдал ромеям все, что ограбил и забрал у персидского войска в бою, он прибавил к этому, дав каждому всаднику четыреста зузе, и отпустил их в Византию (lbet romaie). Маврикию он послал множество подарков, драгоценные камни, различные одежды. Он вернул ему город Дару, который был захвачен у ромеев, и просил Маврикия, чтобы он дал свою дочь Марию ему в жены. Маврикий радостно принял его просьбу, отдал ему свою дочь и послал ее с честью и торжеством великим. С ней он послал епископа и клириков. Хосрой приказал построить два храма для своей жены: один святому Саргису, другой Богородице. Был послан Анастасий патриарх Антиохии, и он освятил их. Между персами и ромеями был длительный мир, и почитал Хосрой Маврикия, как отца.

82. О ГОНЕНИИ, УЧИНЕННОМ МАВРИКИЕМ, ПРОТИВ ПРАВОСЛАВНЫХ [1]

В семнадцатом году царствования Маврикия, который был годом девятьсот десятым греков, пожелал Маврикий подражать императорам прежним. Он послал призвать Домициана, митрополита Мелитены, который (р. 218) был сыном его брата Петра. Он дал ему власть преследовать [гнать] последователей Севера (ܣܝܥܝܐ ܕܣܝܪ) и выгонять их из их церквей. Когда он прибыл в Месопотамию, он воздвиг гонение на верующих; он достиг Эдессы, учинил в ней великое гонение на православных. Он послал призвать монахов из монастыря восточных и многих смущал, чтобы они отвратились от православия, но они не перешли. После того как он им еще угрожал, и они не испугались, он приказал начальнику солдат (ܪܒ ܚܝܠܐ), посланному с ним императором, называемому сакелляриусом (σακελλάριος). Этот взял и вывел их ко рву за южные ворота, которые назывались [воротами] храма солнца (ܫܡܫ ܒܝܬ), и всех их умертвил одинаково. Было же их числом четыреста мужей.

[1] Автор монофизит и называет православными монофизитов.

В это время была в столице великая чума, и вымерло в ней 3 080 000.

В этом году было великое землетрясение в Сирии, во второй день [понедельник], девятнадцатого, кануна второго, и опустели многие города.

В то время умер православный патриарх Петр, и был поставлен Юлиан.

83. ОБ УМЕРЩВЛЕНИИ ИМПЕРАТОРА МАВРИКИЯ

В двадцатом году Маврикия восстало против него его войско, потому что он не дал им продуктов (ὀψώνιον) и подарков, по обычаю императоров, надеясь этим не создавать себе врагов. Собрались многие из них и послали ему [сказать] следующее: „Бог дал мир в твои дни, но мир не приносит пользы всадникам, или если они не получают подарков. Поэтому, если ты дашь нам подарки, по обычаю, мы твои рабы, а если нет, то мы будем тебе врагами".

Император Маврикий, уподобляясь Ровоаму, сыну Соломона, не испугался их угроз, но пренебрег ими. Их военачальником был Петр, брат императора, они пришли к нему и просили его воцариться (р. 219) над ними вместо своего брата. Но он не согласился и отправился к императору, сообщил ему о волнениях войска и о том, что они просили, чтобы он воцарился над ними. Когда Маврикий услыхал об этом от брата, он испугался и бежал в город Халкедон. Ромейские войска пришли в столицу и, когда не нашли Маврикия, потому что он бежал в Халкедон, они отправились на поиски его, нашли его, привезли в столицу, убили перед ним его детей, а затем и его самого лишили жизни. Возвратился из ссылки и Мундар, царь арабов, и отправился в свою землю.

84. ЦАРСТВОВАНИЕ ФОКИ

Войска привели презренного ромейского мужа, по имени Фоку, и он воцарился над ними в год 914-й греков и в год 13-й царствования Хосроя.

О Филиппике, зяте Маврикия.

Филиппик, зять Маврикия, после того как воцарился Фока, явился к нему и говорил злые слова против Маврикия, желая этим смягчить Фоку и приблизить к себе его сердце. Он говорил, что падение Маврикия было [делом] его рук, убеждал императора поэтому дать ему место и почет. На это ответил ему Фока: „Итак, ты приготовился стать нам другом, о, Филиппик?“ Ответил Филиппик и сказал: „Конечно, господин“. Сказал ему император: „Как же, если ты не был хорошим зятем, можешь ты быть другом без лукавства? Иди себе. Тот, кто не соблюл доверия зятя, не соблюдет и дружбы друга“. И обманута была надежда Филиппика, он пошел, постригся и вступил в монастырь.

85. О ВОССТАНИИ НАРСАЯ, ВОЕНАЧАЛЬНИКА, ПРОТИВ ФОКИ, И ОБ УБИЙСТВЕ ЕПИСКОПА ЭДЕССЫ СЕВЕРА ХАЛКЕДОНИТА

Когда Фока воцарился, был (р. 220) патрикий в Сирии муж, по имени Нарсай, который не подчинился императору. Фока вооружил ромейские войска и послал их против него, чтобы взять его. Когда Нарсай это услыхал, он выступил из Антиохии с частью своего войска и отправился в Эдессу из-за крепости ее стены, чтобы поднять ее [против Фоки]. Был же у халкедонитов Эдессы епископ, по имени Север, который построил дворец в Эдессе, у реки, и площадь, названную новым портиком. Когда Нарсай прибыл в Эдессу, обвиняли его [Севера] мужи из Эдессы, что он друг Фоки. И приказал военачальник Нарсай, и привели его к нему на двор Марина, где он сам жил. После того как он спросил его о чем хотел, он приказал его вывести малыми воротами города и ввести его воротами арок (могил), чтобы не было волнений в городе по поводу его убийства. И побили его камнями в месте, называемом цирком, близ истока источника, в то время как все эдесские жители окружали двор Марина, стояли и не знали ничего, пока он не был побит.

Отправился и прибыл военачальник, посланный императором Фокой, имя которого было Иоанн, он расположился лагерем у Эдессы. Хитростью и лукавством он смог захватить Нарсая без войны. Он дал слово прощения всем жителям Эдессы, которые с ним восставали, за исключением Фомы Баридаие, который поносил его со стены; он приказал его убить.

86. О ТОМ, ЧТО СДЕЛАЛ ХОСРОЙ, КОГДА УСЛЫХАЛ О СМЕРТИ МАВРИКИЯ

Хосрой, царь персидский, когда ему было сообщено о незаконном убийстве Маврикия, был охвачен великим огорчением и мучением; он исполнился гневом и страстью, оделся в черное и горевал о нем, как об отце. Он собрал войска и говорил с ними о многих благодеяниях, которые оказал ему Маврикий, и что с его помощью (р. 221) возвращено ему царство. Он приказал всем войскам одеться в черное, и когда прошли дни траура, он вновь собрал войска, роздал им подарки и сказал: „Я готовлюсь подняться против ромеев, кто из вас, о, военачальники и славные знатные персидские, готов послужить моему желанию“. Тогда Ромизан, муж сильный, способный и исполнительный в боях, ответил и сказал: „Я готов исполнить твое желание и могу повести войну с ромеями, ничто меня не заставит повернуть, я не склонюсь к жалости и не буду жалеть человека, я не постыжусь старости и не посочувствую молодости“.

Когда Хосрой услыхал эти слова, он очень обрадовался и сказал: „Ты теперь не будешь зваться Ромизаном, а Шахрбаразом, то есть кабаном“. И он, взяв войска, направился в ромейскую землю, а Хосрой следовал за ним, пошел и расположился у города Дары. Через девять месяцев он получил перевес и взял его.

87. ОБ ИОАННЕ РОСФАЙЕ И ОБ ОТПРАВКЕ ЕГО ЖЕНЫ В ПЕРСИЮ В 919 г.

В пятом году Фоки и семнадцатом году Хосроя захватили персы крепость сильную Марду, после того как они оставались около нее два года и шесть месяцев. И захватили персы Месопотамию и ее города и обложили их податью. С этим овладел Хосрой Эдессой и приказал послать жену Иоанна Росфайа в Персию. Мы скажем о причине ее отправки. Когда в свое время Хосрой прибыл в Эдессу, при переходе его к Маврикию, как мы это показали выше, он оставался в Эдессе некоторое время, живя в домах Марина халкедонита, близ двора Иоанна Росфайа. Оба, Иоанн и Марин, состояли на государственной службе Ромейской державы, и постоянно завидовал Марин Иоанну, потому что ему было больше чести у императора,

а также из-за его большего богатства и изобилия, чем у Марина. Однажды, когда Хосрой жил в Эдессе, он смотрел из опочивальни во дворе Марина, рассматривал и удивлялся красоте строений дворца Росфайа. Он пожелал войти в его двор, чтобы осмотреть их внутри. Когда Иоанн услыхал, что Хосрой желает побывать в его доме, он устроил большое пиршество и созвал всех глав и старейшин города и почтил его такой удивительной честью, чтобы Хосрой сказал, что и в царстве своего отца ничего подобного не видал. Охваченный страстью гордости Иоанн пожелал показать Хосрою, что он много более Марина изобилует богатством, вынес утварь из золота и серебра для всякого употребления на пиршестве, так что блюда, подносы, чаши, сосуды, блюдца, чаши для напитков и всякие сосуды для вина, урны, горшки, кастрюли, посудина — все были из серебра и золота. После того, как Хосрой поел и попил, ублаготворился, он позвал Росфайа и сказал ему: „Ты весьма почтил нас, как подобает такому знатному, как ты, но только есть обычай у царей персидских, если они снисходят войти в дом одного из своих знатных, то обязательно выходит жена этого знатного, смешивает царю одну чашу и протягивает ему, чтобы он выпил. Если ты желаешь сделать мне совершенную [особенную честь], таким образом выкажи мне это". Иоанн устыдился того, что услыхал, но не захотел отвечать царю Хосрою и разгневать его. Он предоставил это дело жене, чтобы от нее он получил решение [ответ], ибо он был уверен в мудрости своей жены. Он позвал одну из служанок и послал к ней, сказав, чего желает Хосрой. Она приняла это послание, она презрела его в своем доме, отвергла его и дала ответ: „Ты велик между нами, о, царь, и великая радость посещение и приход твой к нам. Но по порядку, который действует и существует в царстве ромейском, жена из благородных не смешивает мужчинам вина". Хосрой, получив этот ответ, смолчал. Когда кончилась трапеза и ушел Хосрой в свое помещение, то стали осуждать жену Росфайи перед Хосроем, что она говорила, „откуда появление этой вши, вырванной из своей земли?" Когда услыхал это Хосрой, он разгневался и порешил сам с собою, с клятвами своим богам: „Если у меня будет власть над этой землей, не прощу ей, пока не станет она отторгнутой от родины, а тело ее не поедят вши". Поэтому когда он завладел Эдессой, он послал взять эту женщину

и отправил ее в Персию, а также ее сына Сарги, единственного оставшегося наследника Росфайа. Что касается женщины, то ее посадили в темницу, и он приказал не давать ей воды и омовения, не стирать ее одежд, не общаться с другими и давать ей хлеба и воды только чтобы поддерживать себя. Так поступили с ней по приказанию царя, пока не напали на нее вши, которые мучили ее долгое время. В этом страдании она кончила свою жизнь в темнице. Сарги же, ее сын, был в чести у царя, который сделал его своим сотрапезником, памятуя дружбу его отца. Через некоторое время просил Сарги царя Хосроя, чтобы он разрешил ему отправиться посмотреть и позаботиться о своем имуществе. Царь разрешил ему с условием, чтобы он вернулся. Когда Сарги прибыл в Эдессу, он не нашел в своем доме (р. 224) ни золота, ни серебра, ни вещей, ни имущества; не осталось у него ни деревень, ни жилищ, ни лавок. Золото и вещи из серебра были зарыты в землю его матерью, а Сарги не знал места, где они были положены. Они не найдены и до года 1113-го, через двести лет, в котором мы живем и скажем об этом деле, что будет найдено это [сокровище], кем и когда пожелает Господь. Сарги же не вернулся вновь к Хосрою, но взял жену и детей, которые у него были, и имел поддержку своих родственников.

38. О ТОМ, КАК БЫЛА ПОДЧИНЕНА МЕСОПОТАМИЯ И ВСЯ СИРИЯ ПЕРСАМ В 922 ГОДУ.

В восьмом году царствования Фоки и 20-й год[1] Хосроя, персы перешли Евфрат, подчинили всю Сирию и изгнали из нее ромеев. Шахрбараз преследовал их по следам и тех, кого настигал, вырезал, убивал и брал в плен. Пленных он посылал к Хосрою. Он прошел по всем областям Каппадокии и Галатии, даже близ Константинополя. Какую землю он, настигнув, не измучил, не разрушил, не перебил мужей и не взял в плен население! Персы причиняли это зло в ромейских пределах, Фока же больше них (причинял зло) внутри. Он многое делал, чтобы не было крепости (в государстве), ибо он убивал ромейских знатных, пока не опустело его царство от могущественных людей.

1 Ошибочно считать 20-й год Хосроя; очевидно, должна быть другая цифра.

89. О ТОМ, КАК ХАЛКЕДОНИТСКИЕ ЕПИСКОПЫ БЫЛИ ИЗГНАНЫ ИЗ ЦЕРКВЕЙ ГЕЗИРТЫ

Когда Хосрой овладел Месопотамией, он изгнал из нее ромеев, а также приказал, чтобы халкедонитские епископы, имевшие церкви, были изгнаны из них и чтобы церкви были отданы яковитам (р. 225), которые господствовали над ними во времена Маврикия и были изгнаны Домицианом Мелитенским лет за двадцать. И совершенно была уничтожена память о халкедонском соборе от Евфрата на восток. Хосрой послал привести с востока епископов, и они сели в городах. Один из них был Исаия Эдесский и Самуил Амидский, который был вместо Кириака, мужа очень ученого и известного делами и знаниями, от них-то и направляли на кафедры.

90. ОБ УБИЙСТВЕ ИМПЕРАТОРА ФОКИ

Когда много зла было причинено ромеям и не только персами, но еще более императором Фокой, два мужа — патрикия, бывшие в Африке, услыхав о его презренном нраве и жестокости, с которой он поступал относительно войска, решили восстать на него. Имя одного из них Григорий, другого Ираклий; своими годами они были стары и мудры в своей хитрости, во всем сенате никого не было почтеннее их. У Григория был сын, по имени Никита, а у Ираклия был сын, по имени Ираклий, по имени отца. Эти мужи, движимые ревностью, дали каждый своему сыну достаточное войско и послали их воевать с Фокой, со следующим условием. Если опередит Никита Ираклия и придет в Константинополь, он и воцарится над ромеями. Если же Ираклий опередит Никиту, то его будет царство. Между ними было решено, что Никита отправится землей, а Ираклий поплывет морем. Когда они отправились, подул ветер, удобный для плавания Ираклия. С полным спокойствием и без препятствия они достигли одной из гаваней столицы, намного опередив (р. 226) Никиту. Вышел ему навстречу весь город в ожидании его, сенат и народ, и ввели его с большим торжеством. Они умертвили Фоку и воцарили Ираклия. Фока был убит после того, как он процарствовал восемь лет.

91. ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ИРАКЛИЯ

В 922 году греков, который есть 21-й год царствования Хосроя, в начале [месяца] илула воцарился Ираклий. Сидя на царском престоле, он направил послов к Хосрою, чтобы просить у него мира. Хосрой же не только не согласился заключить мир, но грозил и угрожал ромеям.

92. О ТОМ, КАК ПЕРСЫ ПОКОРИЛИ СИРИЮ

При смене (повороте) года, восьмого [числа] тешрина первого покорили персы Антиохию, пятнадцатого того же месяца они подчинили Апамею и пришли в Эмессу Финикийскую. Они (персы) дали ей слово, и они [ее жители] подчинились персам. В этот год выступило ромейское войско в Сирию, и встретилось с ним войско персидское. Произошла битва, и было уничтожено много ромеев. В этом году Бахрам, военачальник персидский, осадил Кесарию, город Каппадокии, убил в ней (жителей), взял много пленных и ушел.

В четвертом году Ираклия подчинил Шахрбараз Дамаск персам, и дали дамаскинцы слово платить им подать.

93. О ВЗЯТИИ ИЕРУСАЛИМА ПЕРСАМИ

В шестом году Ираклия и двадцать седьмом Хосроя осадил Шахрбараз Иерусалим город и покорил его мечом. Он убил в нем девяносто тысяч христиан. Иудеи же, из-за своей вражды, покупали их по дешевой цене, и они убивали их. Шахрбараз взял в плен епископа Захарию, халкедонита, в Иерусалиме. Он послал его в Персию (р. 227) к Хосрою с честнейшим древом распятия и с сокровищем золота и серебра. Иудеи были уведены из Иерусалима.

В следующем году вошел Шахрбараз в Египет, и покорили персы и Александрию и убили в ней многих.

94. О НАЧАЛЕ АРАБСКОГО ЦАРСТВА И О МУХАММЕДЕ, ИХ ПРЕДВОДИТЕЛЕ, КОТОРЫЙ ИМИ НАЗЫВАЕТСЯ ПРОРОКОМ И ПОСЛАННИКОМ БОЖИИМ

В год 933-й греков, 12-й Ираклия и 33-й Хосроя человек, по имени Мухаммед, из племени Куреиш, вошел в землю Ятриб и говорил о самом себе, что он пророк.

Следует сообщить, что имя, общее для всех арабов — арабайе. От этого общего имени Счастливая Аравия, земля, в которой они живут, расположенная с севера на юг (от реки Евфрат до южного моря)[1] и с запада на восток от моря Красного до залива моря Персидского. Многими именами называют их, по именам их первоначальных племен.

Этот Мухаммед, следовательно, о котором мы говорили в юности и когда вырос из юношеского (возраста), начал уходить и возвращаться из Ятриба, своего города, в Палестину, для торговли, для купли и продажи. Когда он привык к этой земле, он познал исповедание Единого Бога, которое ему понравилось. Когда он отправился к своим единоплеменникам, он изложил это исповедание перед ними. С этим он прославил перед ними прелесть Палестинской земли, говоря: „За исповедание Единого Бога была им дана эта (р. 228) земля хорошая и счастливая", и прибавлял: „если вы послушаете меня, и вам даст Бог землю хорошую, текущую молоком и медом".

Когда он пожелал утвердить свое слово, он взял отряд и тех, которые последовали за ним, и направился в землю Палестинскую, чтобы хватать, брать в плен и грабить. Он вернулся нагруженный, без урона, и не нарушил своего обещания им.

Таким образом, любостяжание стало обычным побуждением, и они стали вновь уходить, хватать и возвращаться. Увидели те, что до этого не присоединялись к нему, что те, кто подчинились ему, в изобилии имеют множество имущества, и потому без сопротивления были привлечены и подчинились ему. Когда после этого умножилось у него [число] мужей и стало много войска, он не поддерживал их более в том, чтобы они грабили, но с честью сидел в городе Ятрибе. Когда они были вновь посланы, то им не было уже достаточно оставаться только в одной Палестине, но они отправились дальше, открыто убивая, забирая в плен, вырезая и грабя. И этого им было недостаточно, и они сделали платящими подать дамаскинцев и подчинили их.

И так понемногу они усилились и распространились, умножились так, что подчинили почти что всю ромейскую землю и царство персидское [взяли в] свои руки.

[1] В скобках слова, дополненные из Михаила Сирийца (р. 227).

И стало, таким образом, их господство государством постоянным и переходило из рук в руки, от мужа к мужу, которые стали в нем правителями. Они стали весьма сильными, по угодному Богу решению, который пожелал наказать нас за наши грехи.

95. ОБ ИХ ИСПОВЕДАНИЯХ И ЗАКОНАХ

Как мы сказали относительно причины и о начале движения Мухаммеда, первого царя арабов, то скажем и о законах и заповедях, о которых он говорил, что получил их от Бога, чтобы их установить.

Он учил следующему: знать Единого Бога, творца всего, не называя его ни отцом, ни сыном, ни духом, но божеством единого лица и одной ипостаси, которое не порождено и не рождает, у которого нет товарищей [ܠܐܚܕ ܡܢ ܐܠܗܐ]. Он принял Моисея и его писания, он принял и Евангелие, за исключением того, что он не считал, что Христос был распят. Он признавал, что Христос был человеком праведным, честнейший среди пророков, рожденный девой без брака, как Адам, сотворенный словом Божиим из земли. Он не принимал, что он был распят, но что он совершал чудеса и воскрешал мертвых. А когда подчяли на него руки иудеи, представился им другой муж, подобный ему и был распят, а он, Христос, живым был поднят на четвертое небо, где он находится до сих пор, ожидая времени спуститься вторично, судить людей в последний день, по повелению Божию. Они [мусульмане] признают также и воскресение и воздаяние по делам. Представление о рае чувственное и очень грубое — ядение, питье и брак с женщинами красивого вида, возлежание на ложах из золота, украшенных кораллами и топазами, реки молока и меда.

Они признают также мучительную смерть, чтобы каждый соответственно своим грехам пострадал и отправился затем в рай. Он [Мухаммед] также позволял, чтобы мужчина женился на скольких желает свободных женщинах, законно, и позволял иметь наложниц сколько может; если отпускает мужчина женщину, то чтобы он давал ей разводное письмо, по закону Моисея.

Он учил также молиться пять раз в день, омываясь перед молитвой начисто по необходимости. Пост длится 30 дней,

известный месяц, называемый рамадан. Они постятся днем а ночью им разрешается есть. Они соблюдают обрезание своих мужчин и женщин. Они поклоняются во время молитвы в сторону юга. Упорядочена также книга, которая, как сказал Мухаммед, излилась от Бога в его душу через ангела и изложена им языком для слушания людям и называемая книгой божественной.

96. О ТОМ, ЧТО БЫЛО В МИРЕ В ТОТ ГОД, КОГДА ПОЯВИЛСЯ МУХАММЕД

В этом году покорил Шахрбараз Анкору Галатии и много островов в море и многих убил. Хосрой ожесточился, превознесся и разбогател от побед. И кто может достаточно сопоставить [все] страдания, которые перенесли люди в то время от притеснений и убийств? Какой плачевный полон! Какой грабеж! Какой захват! Какое горькое преследование! Какие тяжкие подати! Сколько отправлено в персидские пределы камней, плит, мраморных колонн из церквей, тюков золота и серебра. В то время было взято все серебро, которым была украшена большая церковь в Эдессе, и было послано в Персию, к царю Хосрою, по причине вражды, случившейся между Киром, архонтом Эдессы, и жителями города.

Поэтому, завидуя, злые люди из Эдессы, по своему злому обычаю, обвинили его перед Хосроем. Он взял все сокровища великой церкви, снял серебро, которое было на апсиде над алтарем и на его четырех колоннах, на всех колоннах перед алтарем и на салье среди церкви. Нашли, что вес серебра 112 тысяч литров, и послали его Хосрою.

97. О ПРИКАЗЕ, ИСШЕДШЕМ ОТ ХОСРОЯ, ЧТОБЫ ЭДЕССА БЫЛА ПОДВЕРГНУТА ПЛЕНЕНИЮ

В 18-м году царствования Ираклия приказал Хосрой, чтобы жители Эдессы шли в плен в персидские пределы, и написал марзбану, правившему Эдессой, чтобы он это быстро выполнил. Этот марзбан был тихий, мягкий и милосердный. Он считал, что не в одно время и [всех] вместе [следует] отправлять в плен, но понемногу, что это [может] кончиться и придет отмена от царя. Он стал их посылать по одной улице. Когда распространился слух, что Ираклий вступил в персидские пре-

делы, то по этой причине перестали из Эдессы отправлять в плен, за исключением этих двух улиц. [Пленные] перешли Евфрат и достигли Секарта. Отправлены были и из числа глав города, один из них был Сарги, сын Иоанна Росфайа, о котором мы выше упоминали, он был взят в плен в одно время со своей матерью.

В этом году было солнечное затмение. Исходила лишь половина света сферы, от месяца тешрина первого до хазирана, пока не начали говорить люди, что не восстановится вновь его сфера.

98. О ЛАГЕРЕ ПЕРСОВ У КОНСТАНТИНОПОЛЯ

В 936-м году, 14-м году Ираклия, 35-м году Хосроя и 3-м году Мухаммеда послал Хосрой Шахрбараза и Кардаригана, военачальников персидских, с большими войсками и запасом военного оружия, которые прибыли, чтобы осадить Константинополь, с западной стороны города. Они теснили его в течение девяти месяцев, в то время как Ираклий находился в городе, а он был в затруднении от персов. После того, как восстали персы на своего царя, они заключили мир с Ираклием по следующему поводу. Когда был обвинен Шахрбараз, военачальник, что он, де, оскорблял царя, называл его высокомерным и дурных обычаев, прославляющимся чужими победами, Хосрой же написал Кардигану, военачальнику, бывшему с Шахрбаразом, чтобы он схватил Шахрбараза и снял ему голову. Посол, везший письмо, когда достиг Галатии, был схвачен ромеями, которые поверили тому, что было с ним, перевезли его связанным и отослали императору Ираклию. Так он прибыл в столицу, что не заметил этого никто из осаждавших персов. Когда Ираклий точно узнал от посланного относительно причины, по которой он был послан, он тайно послал к Шахрбаразу и клятвенно уверил его, что призывает его по причине, касающейся его. Он пришел к нему, и Ираклий показал Шахрбаразу писание Хосроя к Кардигану, привел вновь посланца и поставил его перед ним, а когда Шахрбараз увидал его, он узнал его. После того, как он прочел писание и узнал от посланца подробности, он вышел от Ираклия и отправился в лагерь и стал думать, что ему следует делать. Он придумал ловкую хитрость,

которая ему хорошо удалась. Он изменил письмо Хосроя и написал вместо него другое и прибавил в нем, чтобы вместе с Шахрбаразом были казнены триста персидских начальников, славные, известные и именитые, такой-то и такой-то. Он приложил печать к письму и запечатал его. Он послал собрать персидских начальников и с ними Кардигана. После того, как письмо было прочитано начальникам, сказал Шахрбараз Кардигану: „Хорошо, ты это сделаешь? Что ты скажешь? А вы, о, начальники, что вы скажете?“. Начальники же исполнились гнева и начали бесчестить Хосроя и поносить его. Было решено между ними, что они заключат мир с Ираклием и дадут ему то, что он у них просит, и что он будет им союзником в уничтожении Хосроя. Они послали к Ираклию и заключили с ним соглашение и мир, и дали ему заложников для укрепления договора, который был [заключен] между ними, которых сам царь избрал из сыновей и братьев персов. Среди них был (р. 233) сын Шахрбараза. И был договор, что персы уйдут от города, оставят его.

Ираклий взял ромейские войска и отправился, чтобы воевать с Хосроем. И персы направились из Европы в сторону Азии. Ираклий же послал к царю Хазарскому, и тот прислал ему сорок тысяч войска из Каспийской земли ему в помощь. И послал ему [сказать] царь хаган: „Вот я посылаю тебе их, которые встретятся с тобою, где ты пожелаешь“. И обещал Ираклий хагану дать ему в жены свою дочь Евдокию. В то время охвачен был Ираклий плотской страстью желания, вызвал и раздражил Бога и [поступил] против церковного закона и против закона природы и взял Мартину, дочь своего брата, в жены, и родился от нее Ираклион, сын незаконный, кроме тех, которые родились у него от первой жены.

99. О ПОХОДЕ ИРАКЛИЯ В ПЕРСИЮ

Ираклий выступил из столицы с большим войском и совершил путь через Армению, и всюду, куда он достигал, изгонял персов из городов и подчинял их власти ромеев. Хосрой же, когда услыхал, что восстали против него Шахрбараз и персидские войска и что выступил Ираклий и движется по его земле, он взволновался и испугался, потому что множество персидских войск было разбросано на западе —

в Сирии, Палестине и Египте. Тем не менее он собрал войско, какое мог, и поставил ему начальника, человека, по имени Рузбихан. Он приказал ему отправиться навстречу Ираклию и сразиться с ним. Рузбихан отправился, достиг Ассирии, где [должен был] сразиться с Ираклием. За Ираклием же следовало множество армянских войск, персы и хазары, посланные хаганом действовать (р. 234) в области Мидии и в землю Адорбайган.

Когда услыхал Рузбихан, что Ираклий прибыл, он поторопился встретить его у реки в земле Ассирии, называемой Заб. Произошла жестокая битва, персы повернули спины, и были убиты многие из них. Был убит военачальник Рузбихан, и овладели ромеи его лагерем. Когда услыхал царь Хосрой, что разбиты его войска, он бежал из столицы и оставил кладовые и все свои сокровища. Он находился в крепости или защите, которую он построил на восток от Ктезифона в двух парасангах. За ним следовал Ираклий и вошел в его крепости, хватал и грабил все, что мог в царских дворцах, а крепости жег огнем. Он ограбил и опустошил всю (область) Бет-Арамайе.

100. ОБ УБИЙСТВЕ ХОСРОЯ И ЦАРСТВОВАНИИ ЕГО СЫНА

Широе, сын Хосроя, был заключен в тюрьму своим отцом. Узнав о бегстве своего отца от Ираклия, он вышел из тюрьмы, стал преследовать своего отца Хосроя и убил его девятого [числа месяца] шабат и воцарился после него. Царствовал же Хосрой 38 лет.

Император Ираклий, после победы и ограбления государства Хосроя, вернулся зимовать между Ассирией и Арменией для того, чтобы вернуться преследовать Хосроя, так как он до этого не слыхал, что он был убит сыном.

Широе, приняв царство, послал весть Ираклию об убийстве своего отца и заключил с ним мир и соглашение, по которому Ираклий получил все области, бывшие в свое время ромейскими. Персы остались в пределах своих первоначальных границ, и те из них, что были в западных областях, прибыли в Персию (р. 235). Широе воцарился над персами в девятнадцатом году Ираклия и в седьмом году Мухаммеда. Тогда Ираклий двинулся с востока, чтобы войти в Сирию, и послал

вперед своего брата Теодориха, чтобы он выгнал тех персов, которые сидели в городах, соответственно тому, как был заключен договор сначала между ним и Шахрбаразом, а потом между ним и Широе.

101. О ПРИБЫТИИ ТЕОДОРИХА В ЭДЕССУ

Теодорих, брат императора, прибыл в города Междуречья и дал знать персам, находившимся в них, чтобы они выходили и отправлялись в свою землю. Они были предупреждены и осведомлены писаниями Шахрбараза и Широе относительно мира, заключенного между ромеями и персами. И когда император вслед за своим братом последовал и прибыл, то он назначил правителей и защитников ромейских в городах.

Когда Теодорих достиг Эдессы, персы, находившиеся в ней, знали о том, что произошло, и о прибытии императора. Эти же персы пренебрегли им и не подчинились его словам. Они ответили ему: „Мы не знаем Широе и не отдадим города ромеям“. На стене вместе с персами стояли и иудеи, которые жили в Эдессе. Из-за своей ненависти к христианам и своего расположения к персам они поносили ромеев, насмехались над Теодорихом и [заставили] его слушать скверную брань. Теодорих же поднял против города тяжелую борьбу и досаждал метанием камней из баллист. Персы, бывшие в городе, испугались, подчинились условиям соглашения, [требовавшего] чтобы они вышли и ушли в свою землю.

Еврей, человек по имени Иосиф, опасаясь гибели бывших с ним сограждан, спустился со стены и был доставлен к Ираклию. Он нашел его в Телле Маузелат, вошел к нему и просил его, убеждая простить его соотечественникам (р. 236) оскорбление, нанесенное Теодориху, его брату, и послать ему (сказать), чтобы он не мстил им. Теодорих же, войдя в город и овладев им, выслал персов, и они отправились в свою землю. Он послал собрать всех иудеев, тех, что поносили его, и начал убивать их и грабить их дома. Внезапно прибыл иудей Иосиф и привез императорский декрет, приказывавший не причинять вреда его соотечественникам.

102. О ПРИБЫТИИ ИРАКЛИЯ В ЭДЕССУ

После этого выехал Теодорих из Эдессы, перешел Евфрат и отправился в Мабог для того, чтобы изгнать персов из Сирии и Финикии.

В эти дни император Ираклий прибыл в Эдессу и поселился во дворце, что стоит у начала источника. В один из дней он отправился в великий храм, чтобы принять таинства; встретил его там Исаия, митрополит того города. По великой ревности и усердию, или говоря по правде, по простоте и неучености, он отказал ему в принятии причастия, говоря: „Пока ты не осудишь хартий Халкедонского собора и томоса Льва, я не дам тебе причастия“. С того времени возгорелся гневом император, изгнал этого епископа из церкви и предоставил ее халкедонитам, своим единоверцам.

В то время были в Эдессе уважаемые начальники из рода Бет Росфайе, и рода Бет Тельмахрайе, и Бет Кузьмы, сына араба, рода Бет Налар. Некоторые из них и их отцы подарили великой церкви драгоценности, все золото, серебро, сады, мельницы, скот и бани. Но они не могли в то время воспротивиться приказанию императора и надеялись, когда отправится император и уйдет в ромейские пределы, они вернутся со своим епископом в церковь и овладеют ею. Но Бог, возмездие которого (р. 237) имеет силу над государством человеческим на земле и дарует ему то, что пожелает, и поднимает против него людей смиренных, видя, что переполнилась мера преступлений ромеев и всякого рода запретов, употребляемых ими против нашего народа и нашей церкви, так что близка была ее гибель, поднял и вывел [Бог] из южной земли сынов Исмаила. Эти презренные, пренебрегаемые, неизвестные народам земли, а их-то руками было устроено наше спасение. Таким образом, мы не мало попользовались от них и были освобождены от тиранического государства ромеев и избежали этой кафолической церкви, которая была принята нашим народом под давлением Ираклия, и наши единоверцы были отданы халкедонитам и остались, пребывали в их руках до сего дня. Поэтому, когда в то время получали города известия, они тотчас открывали [ворота] и подчинялись арабам. Они отдали каждому исповеданию, в их руки, те храмы, что они просили. Таким образом избавилась

от православных великая церковь в Эдессе, а также [церковь] Харрана, и так постепенно весь запад до Иерусалима. Церкви же всей Месопотамии были спасены, потому что гонение началось с Эдессы, как мы это показали.

103. О СМЕРТИ ШИРОЕ, УБИЕНИИ ЕГО СЫНА И ЦАРСТВОВАНИИ ШАХРБАРАЗА. О ЧЕСТНЕЙШЕМ ДРЕВЕ РАСПЯТИЯ

Когда Ираклий удалился из Эдессы и перешел Евфрат, он достиг Иерусалима, из него перешел в Антиохию и оттуда вернулся в Мабог. В то время умер Широе, царь персидский, и воцарили его сына, по имени Ардашира. Он процарствовал малое время, его убил Шахрбараз и воцарился на его место. Он подтвердил договор и клятвы, бывшие между ним и ромеями, и написал послания персам в Египет и Палестину; они вышли и отправились (р. 238) в персидские пределы.

В 941-м году, 19-м году Ираклия и 8-м году Мухаммеда не осталось ни одного человека из персов, который бы не перешел Евфрат. Началась война между персами, одни из них склонялись к Шахрбаразу, другие из них к Кардигану. Шахрбараз послал к Ираклию, тот дал ему ромейское войско. Он повел войну с Кардиганом и убил его, и осталось персидское государство за Шахрбаразом. Тогда император Ираклий стал просить Шахрбараза вернуть ему древо распятия, взятое им из Иерусалима, когда он пленил его в шестом году Ираклия. И вернул Шахрбараз древо распятия радостно, с великими почестями. Когда Ираклий был в Мабоге, доехали до него те, что везли крест, он вышел ему навстречу и принял его с торжеством.

В то время был призван к Ираклию, когда он был в Мабоге, патриарх Анастасий, который прибыл к нему с 12-ю епископами. Об этом деле мы писали в книге о церковных делах.

104. ОБ УБИЙСТВЕ ШАХРБАРАЗА И О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ЭТО ВРЕМЯ

В год 942-й, 20-й, Ираклия и 9-й Мухаммеда был убит Шахрбараз одним из близких Хосрою и воцарилась над персами Барам, дочь Хосроя, на малое время и умерла. После нее воцарилась Заримндокт, ее сестра.

В этом году скончался патриарх Анастасий. Через два года началась смута в персидском народе, часть из них желала воцарения Яздегерда, сына Хосроя, другие взирали на мужа, по имени Хормизда. Воцарился Яздегерд, мальчик, со своей сестрой Заримндокт.

105. О СМЕРТИ МУХАММЕДА, ВОЕВОДЫ И ПЕРВОГО ЦАРЯ АГАРЯН[1]

В 943-м году, 21-м Ираклия умер Мухаммед, царь (р. 239) арабов, после того как он правил государством лет десять. Перед смертью он приказал, чтобы над арабами царствовал Абу Бекр, который был отцом его жены Айши. Мухаммед происходил по своему роду от Исмаила, сына Авраама, которого родила ему Агарь. У Исмаила были следующие сыновья: его первенец Набиот, Кедар, Арбел, Мабсан, Машма, Рума, Масса, Хадар, Тима, Нетур, Нафиш, Кедма, Акид [Окаидус]. Этот Акид родил Хамаля, Хамаль Салмана, Салман Набета, Набет родил Хамиса, Хамис Дада, Дад родил Ада [Ода], Ад родил Адина, Адин родил Маада, Маад родил Назара, Назар родил Рабиаха, Рабиах родил Морада, Морад родил Алиса, Алис родил Мудрекаха, Мудреках родил Козимаха, Козимах родил Анана, Анан родил Надара, Надар родил Малека, Малек родил Фура, Фур родил Галеба, Галеб родил Лави, Лави родил Кааба, Кааб родил Калеба, Калеб родил Куша, Куш родил Абдкалифа, Абдкалиф родил Хашима, Хашим родил Абдалмоталеба, Абдалмоталеб родил Абдалаха и 12 братьев его других, Абдалах родил Мухаммеда, который был главой и первым царем, как мы упоминали.

106. О ЦАРСТВОВАНИИ АБУ БЕКРА

После смерти Мухаммеда воцарился Абу Бекр. В первый год своего царствования он послал арабские войска в землю Сирии, чтобы покорить ее. Войско состояло из тридцати тысяч, и он поставил четырех военачальников: первого — Аби Обейда бар Гаррах, имя которого Амр бар Абдалах, бар Гаррах; второго начальника — Амр бар Саир, бар Ас (р. 240); третьего начальника — Шархабаша (Шарахбель), бар Хасанах; четвер-

---

[1] Сирийский текст дает ... В латинском переводе, р. 187, Шабо указывает, что после библейских имен в списке следуют имена арабской традиции, известные из Абульфеда.

того начальника — Язида бар Абу Суфьяна. Он послал с ними иеменцев, войско около двенадцати тысяч. Начальником иеменцев был Абу Алькулаб. Вышли арабские войска из своего города, и вышел с ними Абу Бекр, чтобы вести их. Он приказал им, говоря: „Когда вы войдете в эту землю, не убивайте ни старого, ни малого, ни женщины, не сводите столпника с его места, не обижайте отшельников, потому что они предали себя Богу, чтобы работать ему. Не срезайте деревьев, не повреждайте растений, не растерзывайте скота, ни быков, ни овец. Всякий город и народ, который примет вас, заключайте с ним договор, будьте верны в обещаниях им, пусть они живут по своим законам и по установлениям, бывшим у них до нашего времени. Установите подать, как границу, которая есть между вами, чтобы они оставались в своей религии и в своей земле. Те, что не примут вас, ведите с ними войну и обязательно следуйте всем указаниям и истинным законам, которые даны вам от Бога через нашего пророка, чтобы вы не прогневили Бога".

107. О ТОМ, ЧТО СДЕЛАЛИ АРАБЫ, КОГДА ВЫСТУПАЛИ, И О ПРИХОДЕ ИРАКЛИЯ В АНТИОХИЮ

Выступили и отправились войска, посланные Абу Бекром, по пустынной дороге, что на юг от Дамаска и идет по земле Моаб. Услыхав [об этом], Ираклий послал собрать войска ромейские и арабов-христиан к себе, будучи в Дамаске. Он приказал и предназначил их для охраны городов и послал их навстречу арабам, чтобы изгнать их из (р. 241) земли [своей]. Сам же Ираклий отправился с большим войском в Антиохию.

Из четырех военачальников, посланных Абу Бекром, один следовал, как мы сказали, в землю Моаб, к Палестине; другой — к Египту и Александрии; третий — против персов, а последний против арабов-христиан, что были под властью ромеев.

108. О ПОРАЖЕНИИ РОМЕЕВ [ПОНЕСЕННОМ] ОТ АРАБОВ В ПАЛЕСТИНЕ

Начальник, пришедший с арабским войском в Палестину, повел войну против патрикия Саргиса, который был в Кесарии Палестинской. Ему был поручен город и область Ирак-

лием. Обеспокоенный приближением арабских войск, он собрал к себе какие мог войска и послал привести пять тысяч пехоты из самарийского народа, чтобы выступить с ними в бой против арабов. Арабы же, услыхав об этом ухищрении Саргиса, собрались сразу и сделали ромеям засаду с тем, чтобы хитростью, когда они не будут знать, напасть на них и уничтожить их.

Когда ромеи пошли и достигли места, в котором была засада арабов, о чем им было до того времени неизвестно, они просили патрикия Саргиса, чтобы он их остановил и дал немного отдохнуть от тягости и трудности, потому что было среди них много пехоты. Но патрикий не позволил, а когда узнал, что враги близки, приказал трубить в рога, бить в барабан, чтобы они приготовились броситься на [врагов]. Арабы же, хорошо вооруженные, вышли из засады, пошли на них с криком и гневом великим и напали на них. Они столкнулись с самарянами, которые шли первыми. Те испугались арабов, и были все самаряне уничтожены, и погибли. Увидав это, патрикий повернул, чтобы обратиться в бегство и (р. 242) спастись от уничтожения. Арабы преследовали их и, как жнецы колосья, срезали их. Патрикий Саргис упал с лошади; те, что его сопровождали, приблизились к нему и посадили его на лошадь. Немного [времени] он оставался на лошади и упал во второй раз, тогда взяли его бывшие с ним и посадили его. Он немного [времени] ехал вперед и упал в третий раз на землю, а когда они стали готовиться вновь его посадить, он стал убеждать их, говоря: „Оставьте меня, спасайтесь сами, чтобы я и вы чашу смерти не вместе пили". Когда они оставили его и немного отошли от него, настигли его стремительно те, что преследовали его на этом месте. И так они преследовали и убивали ромеев, пока не настал вечер. И не спасся из них никто, кроме тех немногих, что спрятались в деревьях, оградах и виноградниках, и вошли в Кесарию.

110.[1] О ПОХОДЕ ТЕОДОРИХА, БРАТА ИМПЕРАТОРА, ПРОТИВ АРАБОВ

Ираклий, услыхав об убиении патрикия Саргиса и о совместном поражении ромеев и самарян, приказал Теодориху,

[1] Параграф 109 в сирийском тексте отсутствует.

своему брату, собрать всех ромеев, бывших с ним в Месопотамии, и тех, что были на запад от Евфрата. Когда вместе все сошлись у него, то стал мощным его лагерь. Они выступили и отправились с огромной гордостью и высокомерием великим, надеясь на многочисленность мужей и великолепие оружия. В каждом пристанище, где они останавливались, они устраивали пляски, празднества, питье, пение; раскрывая губы и кивая головой, они говорили: „Что полагают о нас арабы? Они, как мертвые псы...“ Когда они достигли в области Эмеса селения Гусит, один муж, столпник-халкедонит стоял на (р. 243) столпе. Теодорих приблизился к нему, начал с ним беседу, и после того как они много говорили друг с другом, сказал столпник Теодориху: „Не пообещаешь ли ты, если ты вернешься с войны с миром и с победой, что ты истребишь севериан и поразишь их тяжкими наказаниями“. Патрикий же Теодорих ответил ему, говоря: „Помимо того, что тобою приказано, я положил себе гонениями и многочисленными бедствиями действовать против севериан“. Один православный воин,[1] который там находился, услыхав это, загорелся гневом, но не мог ничего сказать от страха перед властями.

Ромеи выступили оттуда и с великим высокомерием и великолепием достигли пристанища, где находились арабы, и расположили свой лагерь вблизи лагеря арабов. Они оставались так, находясь друг против друга, угрожая и грозя от времени месяца ияра до тешрина первого. Затем, внезапно, столкнулись стороны друг с другом, и в первое время преобладали ромеи над арабами, но обошли их арабы, они дрогнули и устрашились, и надломилось сердце ромеев, опустились их руки, и они обратились в бегство. Но и бегством они не смогли спастись, но попечением Божиим остались и были потоптаны ногами врагов и прикончены мечом. И не осталось из них никого, кроме Теодориха, который спасся с немногими.

Тот верующий муж-воин, о котором мы упоминали, увидав Теодориха, что он охвачен головокружением, и стало темно у него в глазах, осмелел и сказал ему: „Что ты сказал, о (р. 244), Теодорих, где же обещания этого столпника тебе? Хорошо ты возвращаешься с добрым именем, и молва о победе

[1] „Православный“ в представлении автора монофизит.

еще до тебя достигнет императора“. Патрикий же слушал и не ответил ни слова. Так было уничтожено все войско ромейское, а Теодорих бежал к императору.

Арабы вернулись в лагерь, во все палатки и укрепления ромеев; они получили золото, серебро, роскошные одежды, рабов и рабынь без числа. Они получили много имущества, и у них была в изобилии собственность.

ОБ ОТПРАВЛЕНИИ ДРУГОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА, БААНИСА, ПРОТИВ АРАБОВ [1]

Вновь послал Ираклий Бааниса, военачальника и сына Шахрбараза, который воевал вместе с императором ромейским после убийства его отца, и Склира, патрикия Эдессы. Они собрали много войск, выступили, чтобы отправиться к Дамаску охранять города, чтобы не вошли в них арабы. Когда они достигли Эмесы, встретил их Калид бар Валид, эмир арабов. И были побеждены ромеи арабами, и множество их было уничтожено. Число убитых достигало сорока тысяч, и были убиты Баанис и Склир, сын же Шахрбараза спасся живым. Он примирился с арабами, они дали ему слово, и он жил в городе Эмесе.

111. О ЛАГЕРЕ У ДАМАСКА И О ЕГО ОСАДЕ. О СМЕРТИ АБУ БЕКРА И ЦАРСТВОВАНИИ ОМАРА ПОСЛЕ НЕГО

Арабы, одержав большую победу над ромеями, отправились в землю Баальбек, и Калид бар Валид, эмир, с ними. Они уничтожили и полонили все, что могли, перед собою. Выступил один ромейский военачальник, по имени (р. 245) Киклаос, с двадцатью тысячами войска и вступил в бой с арабами у Генадина.

У арабов пали многие метатели,[2] и многие из всадников умерли, но, когда усилилась битва, ромеи были побеждены, а военачальник убит.

Калид бар Валид взял войско арабов и отправился осаждать Дамаск. Он засел в монастыре у восточных ворот, Абу

[1] Этот параграф не имеет нумерации, но думаю, что так как 109-го параграфа нет, то предшествующий должен получить № 109, а этот № 110.

[2] ܪܝܡܝ метатели, копье- или стрелометатели, метатели огня. Lexion syriacum auctore Hassano Bar Balule. Ed. R. Duval. Parisiis, 1888, t. I. col. 444.

Обайдиа засел у ворот, называемых Габита, а Язид засел у ворот апостола Фомы. Заперли перед ними ворота города, арабы окружили стену извне и повели сильный бой с жителями города. Жители города были теснимы арабами и боялись, к ним подошли пятьдесят тысяч ромейского войска и повели бой с арабами. Они вели битву, пока не вошли ромеи в город, в то время как арабы жестоко сражались у города.

112. О СМЕРТИ АБУ БЕКРА И ЦАРСТВОВАНИИ ОМАРА БАР КАТТАБА

Когда арабские войска осаждали Дамаск, дошла до них молва, что умер их царь Абу Бекр, процарствовав два с половиной года. Воцарился Омар бар Каттаб. Он послал в Аравию отряд, называемый Белка,[1] и покорил Босру, опустошил прочие селения и города. Он послал также Саада бар Ваказ против персов. И шли арабы своей дорогой и дошли до горы Марда, убили там много монахов и почтенных аскетов, особенно в большом и славном монастыре, что на горе Решайне, так называемом Бената, т. е. [монастыре] яиц.

В это время сын Шахрбараза, о котором мы говорили, поселился в Эмесе и примкнул к арабам. Услыхав, что воцарился Омар, он написал ему послание, говоря: „Если ты дашь мне главенство и народ арабский, я поведу их в области персов и стану воевать с (р. 246) моими врагами. Я покорю тебе всю эту землю и сделаю их [платящими] подать".

Когда послания дошли до Омара и стало известно то, что в них [было написано], дочери Хосроя и его сын (бывшие дружественными Омару), высказали ему свое мнение, говоря: „Не заблуждайся, о, царь, словами лживыми сына Шахрбараза, хитростью он хочет сделать противоположное тому, о чем он писал тебе. Если он не пожалел своих соотечественников и господ, не сохранил верности тем, которые являются его соплеменниками, но как чужих убивал их, как он сохранит верность тебе? Он просит для того, чтобы получить возможность, а когда воцарится, восстанет против тебя и будет против тебя". Услыхав это, Омар рассудил, что их совет правилен. Он

[1] Отряд назван по названию области Палестины Белка, см. ниже, § 115.

отправил посла в Эмесу, чтобы распяли его [сына Шахрбараза] на дереве. И тотчас как пришел приказ Омара, распяли его у ворот Эмесы.

113. О КОНЦЕ ПЕРСИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Саар, сын Ваказа, о котором мы говорили, достиг селения Кадеш, называемого арабами в наши дни Кадесках; оно находится на краю пустыни Кадеш, отдаленной от Акола, т. е. Куфы, на парасангов пять. Когда арабы расположили там свой лагерь, Яздегерд собрал войска и послал их против арабов. Персы пришли, остановились у Евфрата, вблизи Куфы, и послали человека из хиртских [Хирта], чтобы разузнать о лагере арабов. Этот хиртей, так как он был родом араб и был сведущ в их языке, хотя он был подчинен персам, он храбро достиг лагеря арабов. Когда он приблизился к лагерю, он увидал одного (р. 247) из них, маадея, который сидел вне лагеря, ел хлеб и вычищал вшей из одежды. Хиртей, увидев маадея, заговорил с ним на арабском языке и сказал ему: „Что ты делаешь?" Тот же ответил ему: „Вот, как ты видишь, я ввожу новое и вывожу старое и убиваю врагов". Хиртей же, так как он был осторожный и хитрый, весьма огорчился тем, что услышал от маадея. Он сказал самому себе: „Новый народ входит, а старый выходит, а персов убивают". Он повернул и тотчас пошел к персам и рассказал им: „Я видел народ безобразный, босой, нагой, голодный, но весьма храбрый, остальное вам известно". Тайно он открыл военачальнику то, что он видел и слышал и что сам полагал.

Персы вместе единодушно достигли Кадеша и вступили в бой с арабами. Персы обратились в бегство, а арабы не перестали преследовать их до ворот Ктесифона. Персы собрали вновь второй сбор и срезали мосты через Тигр, чтобы арабы не могли их перейти. Затем приехали арабы на своих конях. Они восхищались и говорили друг другу: „Бог, который помог нам на земле, он спасет нас и на водах", и они въехали верхом в Тигр, перебрались и переехали, и ни один из них, ни из их животных не погиб. Они напали на лагерь персов, преследовали и убивали их, забрали добычу их лагеря. Они захватили Ктесифон, захватили его сокровища и хранилища вместе с царскими людьми и людьми богатых.

Вновь собрал Яздегерд третий сбор в месте, называемом Гаула,[1] но и там настигли их арабы, преследовали их и убивали их. Вновь собрали (р. 248) персы четвертый сбор на горе Мидии у города, называемого Нехавенд, и вновь пришли арабы и прикончили их мечом. Овладели арабы царством персидским в один год. Яздегерд бежал в землю Сегистан. О том, что с ним случилось, мы сообщим после, с помощью Господа.

114. О ВЗЯТИИ ДАМАСКА

Вернемся и покажем с Богом также, как был взят Дамаск и прочие города у ромеев. Итак, арабы не отдыхали от борьбы с ними, как мы это показали выше, и увидели жители города, что нет ничего, что бы их спасло, они опустили руки в бою, они просили клятвы у Калида бар Валида, установлений и соглашений по их законам. Калид приказал, и им была написана грамота соглашения о всем, о чем они просили и чего желали. И так они открыли город арабам. Но с западной стороны он был открыт мечом: один из арабских эмиров усилился, открыл одни из ворот и вошел в него. Однако грамоту, соглашения и клятвы им подтвердил Калид бар Валид и назвал их дающими подать [подданными]. Посредником между ними был Иоханан дьякон бар Саргис, из самого Дамаска, приятный и известный арабам. Таково было взятие Дамаска в тринадцатом году арабов.

115. ПОХОД АРАБОВ В ЗЕМЛИ ФИНИКИИ, ВЗЯТИЕ ЭМЕСЫ И ПРОЧИХ МЕСТ

Выступив из Дамаска, Калид бар Валид и арабское войско пришли в области, окружающие Иордан, Белку и землю Ауран. Арабы хотели их полонить и ограбить, но запретил им это Абу Обейда по приказу царя Омара и сделали их [население] (р. 249) платящими подать. Они отправились оттуда и пришли в Баалбек и Тедмур,[2] достигли Эмесы и расположились у ворот Ресан. Жители Эмесы заперли перед ними ворота, поднялись на стену и беседовали с арабами, говоря: „Вы идете против императора ромейского и когда победите его, будем

[1] В арабских источниках Галула.

[2] Тедмур — Пальмира.

вам подчинены. Но мы вам ворот не откроем". Арабы начали борьбу с городом, а жители Эмесы ожидали, что им придет на помощь войско и освободит их, но оно не пришло. Тогда у них опустились руки, и они просили у арабов слова, соглашения и клятв. Они приняли грамоту относительно самих себя и своего имущества, как сделали жители Дамаска, и [обещали] что они будут вносить подать от города так называемых динаров 110 тысяч. Они открыли город. Воцарились в нем арабы, поставили им правителя, эмира, мужа по имени Хабиба бар Маслама, и он брал с них подать. Жители Палестины, всего побережья, собрались и вошли в Иерусалим.

116. О ВОЙСКЕ, КОТОРОЕ БЫЛО ПОСЛАНО ИРАКЛИЕМ ИМПЕРАТОРОМ ПРОТИВ АРАБОВ, И ЕГО ПОРАЖЕНИИ ПРИ РЕКЕ ЯРМУКЕ

Император Ираклий, услышав эту молву, собрал войска из Армении, Сирии и Бет Ромайе, более тридцати тысяч, распределил их между тремя военачальниками: Григорием Армянином, Кентарисом и Ардиганом. С ними было множество войск, как мы сказали. Они вышли из Антиохии, чтобы отправиться к Эмесе навстречу арабам. Услышав молву о них, арабы испугались их, подумали оставить города, которые они взяли, и возвратиться в свою землю. Затем они стали советоваться между собою и говорили друг другу: „Как мы оставим эту цветущую землю (р. 250) и если мы выйдем из нее, мы никогда вновь не вернемся в нее, будем же сражаться с ромеями". Приказал Абу Обадиа, глава, поставленный над арабами Омаром, Хабибу бар Маслама, чтобы он вернул жителям Эмесы подать, которую собрали с них, и сказал им: „Между нами есть клятвы, мы идем навстречу ромеям. Если мы вернемся — наша подать, если будем сражены и не вернемся, то мы свободны от клятв". Арабы выступили из Эмесы и пришли в Дамаск. Эмир Абу Обадиа приказал Сувайду бар Калтом, который правил Дамаском, чтобы и он вернул подать, которую собрал с жителей Дамаска, и сказал им: „Если мы победим и вернемся, мы возьмем ее у вас, а если будем разбиты и не сможем спасти вас от ромеев, вот ваша подать у вас. А мы свободны от клятв, которыми мы вам клялись". Арабы выступили из Дамаска, пришли

и расположились у реки Ярмука. Ромеи пришли туда, где расположились арабы. Каждому городу или селению, который проходили ромеи, из тех, что имели соглашение с арабами, они угрожали. Язык не может сообщить о зле, причиненном ромеями при их прохождении, и безобразиях, которые не следует иметь в памяти.

Через несколько дней, после того как [войска] расположились против друг друга у реки, они стали переговариваться друг с другом относительно мира и о прекращении войны. Но у них не было согласия относительно [уступок], которые они просили друг у друга, и они приготовились к битве. Когда они приготовлялись, прибыл в лагерь арабов Абу Суфьян и вдохнул силу в арабов для боя. Они били в барабаны, трубили в трубы и бились весь день, пока не застала их темная ночь. И были побеждены ромеи, обратились в бегство и бежали от арабов, которые начали уничтожать их мечами. Смешались ромеи и не знали (р. 251), куда бегут. Многие из них направились на свет огня пастухов. Так как они бежали поспешно, они падали с высоких утесов, разбивались, и умерло их много тысяч, больше тех, что были убиты в бою. Вернулись арабы с большой победой и радостью в Дамаск. Вышли жители Дамаска им навстречу и встретили их с удовольствием, приняли радостно и выполнили свои договоры и обещания.

117. ОБ УХОДЕ ИРАКЛИЯ ИЗ СИРИИ

Пришел муж, из христианских арабов, в Антиохию и рассказал Ираклию о гибели ромейских войск, и что не смог спастись из них даже вестник. Выступил император Ираклий из Антиохии в полной темноте и отправился в Константинополь. Как говорят, он послал Сирии привет [при] отбытии и сказал: „Сазо, Сирия“,[1] что значит: „Оставайся с миром, Сирия“, как некто, лишенный надежды на нее. Он также поднял жезл, который держал в своей руке, и разрешил все, что могут, брать и грабить, как-будто для него Сирия уже принадлежала врагам. Он написал и послал в Месопотамию, Армению, Египет и прочие земли, в которых оставались ромеи, чтобы они не воевали с арабами и не восставали против приказа Господня, но чтобы каждый сохранял свой город и свою

[1] Греческое σοζα.

землю, пока не пройдут эти [тяжелые] обстоятельства для его войска.

118. О ТОМ, КАК БЫЛ ЗАХВАЧЕН ЕГИПЕТ И КАК ОН БЫЛ ПРЕДАН АРАБАМ ПАТРИАРХОМ ВЕНИАМИНОМ

В то время, когда усилились арабы, взял войско Омар бар Аз и пошел против земли Египетской. Мы нашли в рассказах и историях египетских, что Вениамин, который был тогда патриархом православных (р. 252) в Египте, предал Египет Омару бар Аз, военачальнику персов, из-за антипатии, т. е. из-за вражды с Киром, патриархом халкедонитским, в том же Египте. Ибо говорят, что этот Кир с патриаршеством главенство и власть над всем Египтом принял от Ираклия, и что воины и вооруженные служили ему. Желая, чтобы было известно, что с епископством ему достался чин военачальника, на одной ноге у него был надет красный башмак, а на другой ноге сандалия, что носят монахи. Поэтому он тиранически действовал во всем и он весьма вредил православным[1] властью, которую он имел от императора Он выгнал Вениамина из его церквей и сам господствовал в них.

Услыхав о прибытии Омара бар Аз, Кир вышел и отправился к нему и обещал, что будет давать ему каждый год двести тысяч динаров, и не вошли арабы в Египет. Пришли люди и оклеветали Кира перед императором Ираклием, что он берет золото Египта и дает его арабам. Он написал Киру, что он устранен от управления Египтом, и послал полководца в Египет, мужа по имени Мануила, родом армянина. Когда кончился год, пришли послы арабов в Египет, по обычаю, чтобы взять подать. Они нашли Мануила расположившимся в Вавилоне, который в наши дни называется Фустатом. Вошли в него послы, требуя золота, а он ответил им: „Я не Кир, который давал вам золото, потому что он не носил оружия, а тунику из шерсти, я же ношу оружие, как вы видите. Идите, удалитесь и не приходите вновь сюда“. Вернулись послы, сообщили своему эмиру то, что было им сказано, и сообщили, что не Кир является (р. 253) правителем Египта. Побоялся Омар бар Аз итти в Египет. Вениамин же, патриарх православных, вышел и отправился к Омару бар Аз, ободрил его

[1] Монофизитам, — пишет автор-монофизит.

и обещал ему предать всю землю Египетскую. Он заключил с ним договор, что тот даст и отдаст в его руки все церкви Египта и изгонит халкедонитов. Вернулся Вениамин в Египет и сообщил своим единоверцам о том, что им было сделано, убеждал их обрезываться, чтобы это было их знаком, и чтобы они не были уничтожены с халкедонитами. Он возбуждал их к тому, чтобы они восстали против ромеев, предали бы землю арабам, освободились от горького рабства ромеям, потому что им не остается ничего, кроме гонения за их веру. До того доходила свирепость халкедонитов, что во время совершения таинств они входили к православным, выбрасывали святые дары и попирали их. Поэтому существует до наших дней обычай в Мисрине и Египте,[1] чтобы дьякон становился с востока чтобы служить во время таинства, для того чтобы, когда войдут гонители, он увидел и дал знать священнику, и он потребил причастие прежде, чем войдут гонители. Когда узнали главы Александрии и Египта, они сговорились с патриархом Вениамином, а когда прибыл Омар в Египет, они предали ему город. Арабы вошли, напали на ромеев и уничтожили их. Кир и Мануил, увидев, что арабы усилились, взяли что могли из сокровищницы церкви: золото и серебро, сели в лодку и бежали в Константинополь. Патриарх Вениамин стал господствовать над церквами Александрии и всего Египта. С того времени не могли поднять головы халкедониты во всем Египте, кроме немногих людей, пребывавших в селениях и крепостях на морских островах (р. 254).

119. О ВЗЯТИИ ХАЛЕБА И ПРОЧИХ ОБЛАСТЕЙ АРАБАМИ

Прибыл Калид бар Валид к Халебу и расположился у его ворот. Ворота перед ним закрыли, а когда получили клятвы и соглашение обо всем, чего просили, предали город. Так же точно Киннешрин и прочие области. Абу Обадиа, военачальник арабов, послал Хабиба эмира Эмесы в землю Киннешрин для того, чтобы [его жители] вместе с Эмесой платили подать. Так было до того (времени), пока она не была отделена от управления Эмесы, во времена Язида бар Моавия. Эмиром Дамаска был поставлен Саид бар Заид.

[1] До этого места словом Египет я переводила название ܡܨܪܝܡ.

120. ОБ ОСАДЕ ИЕРУСАЛИМА И ЕГО ВЗЯТИИ ОМАРОМ БАР КАТТАБОМ

Абу Обадийа бар Гаррах взял арабский лагерь и отправился расположиться у Иерусалима. Народ вышел из города и вступил в бой с арабами. Они сразились с ними, вернулись, вошли в город, а арабы вступили в бой с городом и подняли против него жестокую борьбу. Когда [находящиеся] внутри [города] увидели, что им нет помощи, они послали к Абу Обадийи, военачальнику арабов, чтобы он послал за Омаром бар Каттабом, царем, чтобы он пришел и заключил с ними договор, и что они сдадут ему город. Арабы написали Омару, чтобы он прибыл. Он выехал, чтобы прибыть в Иерусалим в 946 году, 26-м Ираклия[1] 15-м арабов. С ним пришло множество войск, мужи знатные и известные из корейшитов и Аббас бар Абдалмоталеби, который был дядей по отцу Мухаммеда, поорока арабов. На место него в Медине стал у власти (ܥܠܝ) Али бар Абуталиб, зять Мухаммеда по его дочери Фатиме. Омар прибыл в Иерусалим, сидя на верблюде, под ним было положено покрывало, с одной стороны была положена мука ячменная, а с другой стороны финики, сосуд с водой и отводок. Вышли (р. 255) ему навстречу войска арабов и приняли его. Позднее прибыл Абу Обадийа, военачальник, и сошли оба друг другу навстречу и приняли друг друга с миром. Когда он достиг города, вышли к нему главы города, один из них Абу Гуайдад, называемый арабом, другой епископ Софроний. Они установили договор и клятвы, а он написал им диплом (ܣܓܠܐ), как они просили по их обычаям и законам. Во всей Палестине они дали слово и клятвы, чтобы евреи не жили в Иерусалиме. Когда договор был написан и подтвержден, вступил царь Омар в Иерусалим. Он приказал построить на месте храма Соломона святилище (ܡܨܠܝܬܐ) или дом молитвы арабов. Увидел епископ Софроний, что царь Омар надевал грязные одежды, он принес ему одежду и плащ и просил его, чтобы он принял их от него, и весьма настаивал. Но Омар не пожелал их принять, говоря: „Мне не должно принимать от кого-либо что-либо“. Потому

[1] 946 год соответствует у хрониста 24-му году Ираклия; сравнить данные § 105, текст сирийский, стр. 238.

что Омар постоянно делал из листьев пальм опахала и отдавал их, чтобы их продавали, и за счет этого одевался. И трудом рук своих он питался. Когда епископ очень упрашивал его, он сказал: „По твоей просьбе и потому, что я люблю твое достоинство [= титул почитания], сделай мне милость, разреши мне надеть их, пока ты возьмешь эти мои одежды и отдашь их выстирать. Затем, ты вернешь их, когда ты возьмешь свои". Он сделал так. Когда выстирали одежды царя, он вновь надел их и вернул епископу его. Немного времени пожив в Иерусалиме, Омар вернулся в Ятриб, свой город.

В 18 году арабов, после того как отправился Омар в свой город, напала чума бубонная на всю область Палестины. Абу Обадийа, эмир и военачальник арабов, был настигнут этой болезнью и умер (р. 256) в Эммаусе, городе Палестины. Место его занял Моад бар Габала.

121. О ПОКОРЕНИИ МЕСОПОТАМИИ И АНТИОХИИ

Через год прибыл Ияд бар Ганим с войском арабов, прошел по городам Сирии и дал им слово, и покорилась Сирия арабам. Вышел Иоанн, который был оставлен Ираклием, чтобы оберегать Месопотамию, и отправился к Ияду бар Ганиму в Киннешрин. Он заключил с ним договор, что будет давать ему каждый год 100 тысяч дариков за всю Месопотамию, а арабы не перейдут Евфрата на восток. Когда между ними была подтверждена эта граница, Иоанн вернулся, собрал и послал ему подать этого года.

Услыхав это, Ираклий разгневался на Иоанна, послал уволить Иоанна и выдвинул вместо него мужа, по имени Птоломея, потому что оставил рукой [своей] Бог государство ромеев.

Через год послал царь Омар и выдвинул над всей Сирией Моавию бар Абу Сафьяна. Он отправился, расположился у Антиохии и покорил ее, а селения вокруг нее полонил и разорил. Арабы послали и потребовали подать с Месопотамии у Птоломея. А когда он не дал ее им, в 951 году они перешли Евфрат, отправились и приблизились к Эдессе. Жители Эдессы вышли и взяли с них обещание и договор, как и жители Харрана. Первым из арабов воцарился в Эдессе Абу Бадар. Относительно Птоломея и бывших с ним ромеев жители Эдессы взяли слово и они отправились в свою землю.

Прибыл Ияд в город Теллу Маузелат, и не согласились ромеи гордые, бывшие в Телле, взять слово, а сразились с арабами. Выступил против них Ияд, в жестокой битве покорил их и убил 300 ромеев, найденных в [Телле]. Он двинулся и отправился в город Дару, так же осадил ее и покорил ее (р. 257) и убил всех ромеев, которых нашел в нем. С Решайны, Марда и Амина он взял их, заключив договор и клятвы. В Амиде был убит Ияд бар Ганим, и его похоронили там.

122. ПОХОД ДАВИДА-АРМЯНИНА И БЫВШИХ С НИМ В МЕСОПОТАМИЮ

В то время выступил Давид-армянин, военачальник ромеев, из своей земли и другой муж, по имени Валентин, с запада. Они направили послов друг другу, что один пойдет с востока, другой с запада, и потеряют в битве арабы все, что есть в Сирии. Узнав, арабы приготовились и отправились первые на Валентина и вступили с ним в битву, побеждено и уничтожено было все его войско. Давид же отправился и достиг Месопотамии, и услышал, что нет арабов в области, так как они отправились грабить ромеев, бывших с Валентином.

Когда прибыл Давид-армянин, он расположился лагерем у селения, называемого Бет-Маада. К увеличению многих зол, выступили войска с Давидом и начали грабить людей и они ничего не оставляли; причиняли жестокие страдания мужчинам и женщинам, чтобы сделать известными дела, сокрытые среди земли. И ничего не было слышно, кроме крика и плача, слез и жалоб, особенно же от женщин благородных и дочерей знатных, которых они оскверняли сожительством и бесстыдством, и это открыто, без стыда, перед глазами их мужей и перед всеми.

Был с ними муж из воинов, по имени Тит, военачальник одного из городов; он вышел и отправился с ними, сириец родом. Когда он увидел зло, которое причиняли товарищи Давида-армянина, он приблизился к нему и сказал ему (р. 258): „Неправильно, что ты, будучи христианином и служа христианскому царю, против христиан обращаешь опустошение и допускаешь твоих воинов губить христиан, согрешая Ромейскому государству, и царь не похвалит тебя, когда услышит это".

Тогда приказал Давид-армянин, чтобы никто не причинял зла местным жителям.

123. О ПРИХОДЕ АРАБОВ И О ПОРАЖЕНИИ И ГИБЕЛИ ДАВИДА-АРМЯНИНА

Когда Ияд услышал о прибытии Давида и его войска, он выступил из области Дамаска. Как говорят те, что слышали это от них, не были посланы вьючные животные войска, пока они не достигли Эдессы. Когда узнали бедные армяне о прибытии арабов, они были в страхе и в расстройстве. Они же имели с собой всю добычу, пленных и вьючный скот, награбленные ими в Месопотамии, и в ту же ночь, как они получили известие, они оставили все и обратились в бегство. Когда арабы пришли, они нашли лагерь армян и стали задерживаться у добычи. Эмир же закричал на них, говоря: „Проклятие Божие на вас, если вы будете [оставаться] у добычи; будем преследовать врага, а затем пошлет Господь в наши руки и мы возьмем золото, серебро, одежды дорогие и драгоценные, что с ними, лошадей и вьючный скот, потом мы вернемся к этому". Затем они стали быстро следовать за ними, а когда настигли их, резали, как овец: по пятьдесят и по сто, пронзали их мечами и копьями, без сожаления.

Тит разделил все войско Сирии, которое за ним следовало, и одна часть устояла. Арабы хотели поднять на нее руку, но увидели, что войско храбрых мужей с ним, оставили их и напали на Давида. Давид же, бессильный, призвал (р. 259) Тита и сказал: „Вот время, чтобы ты проявил себя в бою и показал свою любовь к ромейскому государству". Тит же ответил ему: „Если я помогу тебе, не поможет Бог". Так отделился Тит от Давида и спасся. А Давид со всем войском погиб в битве и когда уничтожали мечом, так что не осталось из них никого.

124. О ВЗЯТИИ И ГИБЕЛИ КЕСАРИИ И ЕВХАИТЫ

В 950 году греков прибыл Моавия сражаться против города Кесарии, и поднялось у него сильное и горячее сражение, была опустошена и пленена вся земля вокруг него. Много времени прошло в борьбе днем и ночью около города. В нем было семь тысяч войска ромеев, которое было послано для его охраны

Когда его взяли мечом, вырезали и уничтожили всех, что нашли в нем. Они взяли в плен и грабили золото и серебро без конца, оставили его в горе и стенании, а тех, что поселились в нем после, их сделали арабы платящими подать.

Оттуда решил Моавия напасть на ромейские земли и так, опустошая, забирая в плен и уничтожая, он достиг Евхаиты, т. е. Палестины, не трогая тех, что в ней. Жители города рассыпались по полям и по виноградникам, когда они увидели войско; они предположили, что это арабы-христиане, из тех, что служили ромеям, и поэтому никто не бежал и не удалился. Арабы достигли несчастного города с открытыми воротами и населением, находившегося в нем без страха. Они вошли, полонили город и ограбили его, собрали груды добычи, увели и забрали женщин, мальчиков и девочек. Они взяли также в плен архонта города. Так они оставили за собою опустошение и разрушение и с радостью ушли в свою землю.

125. О СМЕРТИ ИМПЕРАТОРА ИРАКЛИЯ

В год (р. 260) 952-й греков, 19-й год арабов и в 7-й год Омара бар Каттаб, царя арабов, умер император Ираклий, процарствовав тридцать лет и пять месяцев. Процарствовал после него над ромеями Константин, его старейший сын, четыре месяца. Ослепила его Мартина, незаконная жена его отца, и он умер. Воцарился после него Ираклеон, сын Ираклия, который родился от Мартины, но он не понравился сенаторам (لحنّ ممملاه), прогнали его и воцарили Констанса, сына Константина, сына Ираклия.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Источники	7
Греческие источники	—
Сирийские источники	30
Источники на других языках	49
Монеты	54
Византия после Юстиниана	57
Маврикий (582—602)	62
Война между Ираном и Византией в 583—590 гг.	67
Иран в конце VI в.	84
Восстание Бахрама Чобина	—
Хосрой в византийских пределах	94
Гибель Бахрама. Восстание Виндоя и Бистама	108
Общественные отношения в Византии во 2-й половине VI в.	114
Переворот в Византии в начале VII в.	164
Фока (602—610)	176
Завоевание византийских областей персами	191
Иран при Хосрое II	206
Сословное деление и система государственного управления в Иране	—
Государственный бюджет и подать	217
Ремесло	226
Войско	231
Хосрой II и религии Ирана	234
Заключение	250
Из анонимной сирийской хроники 1234 г.	252

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ — ВИЗАНТИЯ
И ИРАН НА РУБЕЖЕ VI и VII вв.

*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

РИСО АН СССР № 2270. М—05895. Заказ 481.
Подписано к печати 31/VII 1946 г. Формат
бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 18¹/₄. Уч.-издат. 18 л.
Тираж 5000

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР

Ленинград, В. О., 9-я линия, д. № 12